

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2012 – 3 (237)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2012**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2012. – № 3 (237). – 196 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л.В. Скворцов.</i> Реконструкция глобальной (планетарной) демократии: Цивилизационные последствия	5
<i>Михаил Горшков.</i> Двадцать лет российских реформ	36
<i>А. Глухова.</i> Арабские революции как фактор влияния на внутрироссийскую политику	49
<i>Диляра Ахметова.</i> Взаимодействие российских исламских вузов с отечественными и зарубежными научными и образовательными центрами	57
<i>М. Зинченко.</i> Деполитизация ислама как основа стабилизации на Северном Кавказе	65
<i>Салих Муслимов.</i> Молодежь Дагестана о религиозно-политическом экстремизме и терроризме	74
<i>М. Колесниченко.</i> Азербайджан в системе международных отношений	81
<i>А. Шустов.</i> Трансформация этноконфессиональной структуры новых независимых государств Центральной Азии	90
<i>Александр Алексеенко.</i> Казахстан: Проблемы иммиграционной политики	105
<i>Константин Григоричев.</i> Мигранты из Средней Азии осваивают Сибирь (на примере Иркутской области)	124
<i>Георгий Ситнянский.</i> Интеграция в Центральной Азии: Российский и турецкий проекты – соперничество или сотрудничество?	136
<i>Роберт Блэквил.</i> План «Б» в Афганистане	143
<i>Максим Братерский.</i> Подъем Ирана?	153
<i>Кристиан Коутс Ульрихсен.</i> Персидский залив: Есть ли жизнь после нефти?	163

<i>Сергей Кургинян и коллектив авторов.</i> Обострение ситуации в Йемене	174
<i>А. Петрухина.</i> Некоторые теоретические основания становления и распространения исламистской идеологии	183

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

Л. В. Скворцов,

доктор философских наук,
заместитель директора ИНИОН РАН

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ
(ПЛАНЕТАРНОЙ) ДЕМОКРАТИИ:
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

**1. Феномен «глобальной (планетарной)
демократии»**

Феномен глобальной демократии возникает как следствие поражения фашизма в ходе Второй мировой войны и последовавшего затем распада колониальной системы. Победоносная война объединенных сил союзников – Советского Союза, США и Англии против фашизма, в силу логики противодействия расизму и нацистской диктатуре, придала принципам демократии **универсальный смысл**. И это оказало глубокое воздействие на всю послевоенную духовную ситуацию. Идеи приоритетной цивилизационной ценности равноправия народов, их свобода и независимость стали тем катализатором, который привел к ускоренному крушению колониальных империй.

Возникший глобальный тренд не мог не оказать влияния на характер создаваемых международных организаций. Речь, разумеется, прежде всего идет об Организации Объединенных Наций. В сущности ООН стала своеобразным демократическим мировым межправительственным центром, получившим гибкие и в то же время достаточно эффективные полномочия компромиссного решения возникающих проблем межгосударственных отношений, сохранения мира и безопасности народов.

Глобальное противостояние двух мировых систем, оформившееся политически и концептуально после известной речи У. Черчилля в Фултоне, стало происходить в форме мирного соревнования и «холодной войны». «Холодная война» периодически

ставила мир на грань ядерной катастрофы. Своеобразным ее пароксизмом стал Карибский кризис. Осознание реальности угрозы гибели человечества изменило социальную психологию: стало очевидным, что путь «победы» той или другой общественной системы лежал через «горячую войну» с применением всех наличных разрушительных средств. Такая «победа» оказывалась тождественной тотальному поражению человечества.

Простая видимость поиска компромисса, «среднего пути» между капитализмом и социализмом не могла дать какого-либо реального результата. А на действительный компромисс у сторон не было достаточных интеллектуальных и морально-политических сил.

В итоге «холодная война» исчезает лишь в результате «перестройки», односторонней сдачи цивилизационных позиций социализма, отказа от той «конечной цели», которая определяла стратегию политики и жизни Советского Союза.

В итоге Советский Союз распался. Вместе с его распадом произошло коренное изменение всей международной обстановки, определявшей стабильность послевоенной глобальной демократии как сосуществования и относительно согласованного, мирного взаимодействия возникших и возникающих суверенных государств, ставших реальной основой жизнеспособности и жизнедеятельности Организации Объединенных Наций. Те документы, которые были разработаны и приняты Организацией Объединенных Наций, определяли демократический статус государств, получивших равное право голоса на Генеральных ассамблеях ООН независимо от их размера, экономической и военной мощи, как и права человека, ставшие ориентиром борьбы против всех форм дискриминации по расовым, социальным, национальным, этническим и тендерным признакам. Вместе с тем стала реализовываться политика, нацеленная на сохранение мирового культурного наследия, духовного достояния народов мира. Программы, реализованные ЮНЕСКО, делали достоянием всего мира огромные культурные богатства, которые стали осваиваться за пределами их собственных регионов. Мировая культура как органическое взаимодействие и взаимообогащение культур локальных цивилизаций, образующее глобальное целое, стала превращаться в реальность.

Нарастающее чувство культурного достоинства, усиление духовного влияния различных культурных центров, цивилизационного самосознания и самоопределения стали формировать глобальный социально-психологический тренд. Радикальное измене-

ние равновесия политических сил, связанное с распадом Советского Союза, создавало реальные возможности нового глобального порядка. К этому подталкивало и обострение противоречий, связанных как с тенденциями усиления глобального экономического и военно-политического неравенства, так и нарастающими проблемами экологического, энергетического, сырьевого, продовольственного и демографического кризиса. Для альянса стран Запада возникает благоприятная ситуация: можно возродить свою доминирующую имперскую роль в современном мире. Как представляется, при наличной военной и экономической мощи Запада ничто не может помешать реализации этой цели.

Однако продолжают действовать такие международные организации, как Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности ООН, ЮНЕСКО, которые основываются на равноправном представительстве суверенных государств. Закрепленное в документах ООН право суверенных государств на определение стратегии своего развития и на невмешательство в их внутренние дела позволяет противодействовать стремлениям установления международных отношений с имперским односторонним влиянием. Вместе с тем установление в этих организациях нового одностороннего влияния рассматривается некоторыми политиками не только как насущная потребность, но и как неизбежность.

Такого рода организации должны либо изменить свои стратегические ориентиры, либо исчезнуть с поля глобальной политической игры.

Запад не может допустить такого течения мировых событий, когда он окажется в энергетической и сырьевой зависимости от стран, которые еще в недавнем прошлом находились от него либо в колониальной, либо фундаментальной политической зависимости.

Переход на позиции равноправной двусторонней, а тем более односторонней зависимости представляется неприемлемым, так как в этом случае может радикально измениться не только внешнеполитическая, но и внутривнутриполитическая ситуация в странах Запада: они перестают быть цивилизационным ориентиром, единственным центром глобального притяжения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Закономерно возникает вопрос, не является ли абсурдной сама идея возрождения глобальных имперских отношений в условиях, когда страны Запада постоянно утверждают принципы демократии в качестве той «политической

коровы», сакральность которой не может быть поставлена под сомнение.

Возрождение глобальных имперских отношений возможно, если ему придать форму «реконструкции» глобальной демократии, ставящей цель освобождения мира от деспотических режимов и утверждения образцов западной демократии повсюду в мире. Для этого целенаправленно формируется глобальная мечта: достаточно просто пожелать и проявить волю и тогда можно начать жить так, как живут американцы или западноевропейцы. Распространяется представление, что может родиться новый мировой порядок. Так распространяется представление о желанной возможности нового мирового порядка. Но естественным следствием формирования этого порядка становится изменение формулы глобальной демократии. Изменение этой формулы может быть представлено как грандиозный проект, как волна будущего, с которой можно достаточно комфортно войти в это будущее, либо, напротив, оказаться поглощенным этой волной и быть «смытым» с исторической арены.

Рождение такой дилеммы – это своеобразная форма эффективного психологического диктата: либо вы принимаете новые глобальные правила игры, либо вас из нее «выпадают».

Именно этой игрой теперь и должна определяться судьба локальных цивилизаций. Нельзя не видеть, что суверенитет государств, возникших в постколониальную эру, стал своего рода охранной грамотой цивилизационной специфики народов мира, которая в свою очередь становилась духовным основанием сохранения государственного суверенитета свободных от колониальной зависимости стран.

Задача теперь видится в том, чтобы представить глобальный демократический процесс принятия решений не как систему общего участия, участия представителей фактически существующих равноправных суверенных государств, а утверждение в мире «лигой избранных» наилучших принципов жизни, которые они знают и которыми они руководствуются. Именно они олицетворяют «подлинную демократию».

Естественно возникает вопрос, что представляет собой «лига избранных» и как она собирается утверждать в мире «подлинную демократию»?

2. Самодержавная демократия

Очевидно, что понятие «подлинной демократии» включает в себя разделение всего поля демократии. Оно предполагает существование «неполноценных» с точки зрения демократии государств. Глобальная демократия как сумма суверенных государств должна быть подвергнута своеобразной «ревизии». Это значит, что смысл «лиги избранных» применительно к системе международных отношений состоит в ее ограничительных функциях. Не все государства могут быть включены в состав «признанных».

Но каким образом концептуально и политически реально может быть расшифрован ограничивающий смысл демократии применительно к исторически легально возникшей международной системе суверенных государств, входящих в Организацию Объединенных Наций? Этот смысл может быть расшифрован, если мировую демократию «сблизить» с теми формами международных организаций, которые включают в себя доминирующую в современном мире власть как складывающуюся реальность консолидированного экономического, политического и военного могущества. Такая реальность возникает в принципах и механизмах деятельности таких организаций, как Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, не говоря уже о военной организации НАТО. Но как возможно публичное провозглашение линии на формирование нового международного порядка, ограничивающего сферу действия системы глобальной демократии, охватывающей существующие в действительности суверенные государства? Как его совместить с принципами жизни и деятельности Организации Объединенных Наций?

Это кажется возможным, если допустить «сосуществование» различных типов демократий. Как представляется, приоритет в таком допущении принадлежит Джону Маккейну, кандидату в президенты от Республиканской партии. Это случилось в Соединенных Штатах Америки в ходе президентской предвыборной кампании 2008 г. В ходе этой кампании Джон Маккейн выдвинул идею Мировой лиги демократий, не отрицающей существование ООН, а существующей наряду с ней и как бы помогающей в эффективном решении глобальных проблем. Как кандидат в президенты США от Республиканской партии Джон Маккейн объявил демократическими союзниками Соединенных Штатов солдат Британии, Канады, Дании, Германии, Италии, Литвы, Польши, Испании и Турции, а также силы Австралии, Японии, Новой Зеландии,

Филиппин и Южной Кореи. Но поскольку эти силы не работают систематически над реализацией дипломатической и экономической стратегии, то НАТО должна заполнить этот пробел, формируя партнерство с великими демократиями в Азии и в мире. «Мы должны, – утверждал Маккейн, – идти дальше и связать демократические нации в одну общую организацию: в Мировую лигу демократий. Она будет не похожа на обреченный план Вудро Вильсона создать универсальную Лигу Наций»¹.

Лига демократий – это лига избранных и ее задача быть «уникальной служанкой свободы»², а не **универсальной организацией**.

Таким образом, наряду с «недостаточно эффективной» Организацией Объединенных Наций, которая чем-то напоминает в силу своей универсальности «обреченную» на провал Лигу Наций, должен возникнуть эффективный Союз мыслящих идентично демократий.

В свое время наряду с Лигой Наций, а точнее вместо нее, стали возникать ограничительные союзы государств, которые использовали избирательную политическую и геометрическую терминологию, и это привело в конечном итоге к глобальной катастрофе Второй мировой войны. Возникает вопрос: не является ли Мировая лига демократий если не «треугольником», то «многоугольником», т.е. опять-таки «геометрической фигурой», которая в действительности создает ограничительные барьеры между собой и остальным миром?

Как следует расшифровать тот смысл, который вкладывается в понятие «Мировая лига демократий»? Если универсальную в своей сущности Организацию Объединенных Наций нельзя считать эффективной глобальной демократией, то тогда функции глобальной демократии должны быть переданы новой «неуниверсальной» международной организации. Такова скрытая «логика» рассуждения Джона Маккейна.

Очевидно, однако, что осознанное отречение от универсальности – это уже не совсем демократический или, точнее, совсем не демократический шаг. Демократия означает соединение различий. Если же Мировая лига демократий избирательно соединяет цивилизационных и политических единомышленников, то это напоми-

¹ McCain J. An Enduring Peace Built on Freedom // Foreign Affairs. November / December 2007. Vol. 86. N 6. P. 26.

² Ibid.

нает мировой заговор движения в направлении тоталитарного союза. Для оправдания такого движения налагается специфическая тень на цивилизационное многообразие современного мира. Оно представляется «реликтовым», не соответствующим движению волны исторического будущего. Конечно, можно абстрактно рассуждать о благородных целях Лиги демократий – облегчении страданий, о борьбе со СПИДом, противодействии экологическому кризису, обеспечении свободного доступа к рынкам для тех, кто утверждает экономическую и политическую свободу. Но если ближайшие демократические союзники Соединенных Штатов – это солдаты разных стран, а партнерство с великими демократиями формирует НАТО, то мы получаем формулу коллективной глобальной диктатуры, очерчивающей границу свободы только для себя. Это уже не глобальная демократия, а форма власти, игнорирующая один из фундаментальных принципов демократии – принцип свободы цивилизационных субъектов. Ограничение цивилизационного пространства свободы свободой для себя, это уже несвобода в точном смысле этого слова.

Обратимся к другому фундаментальному принципу демократии – принципу равного представительства в органах власти. Очевидно, что глобальная демократия требует признания реальности равных прав цивилизационных субъектов в международных органах управления, если они претендуют на глобальность как форму универсальности.

В связи с этим возникает другой вопрос: совместима ли глобальная демократия с единоличным лидерством одной державы? Этот вопрос имеет как правовой концептуальный аспект, так и аспект практической политики. Если концептуально утверждается мировое лидерство одной державы, то в этом утверждении содержится претензия на единоличное принятие практических решений, имеющих глобальный смысл.

Возможно ли какое-либо конституционное ограничение единоличного глобального лидерства? Такой конституции мы не знаем. И это создает критическую ситуацию для принципов демократии.

Современная практика международных военных акций свидетельствует о том, что реальность единоличного принятия военных решений, имеющих международное значение, может быть отнесена прежде всего к американской внешней политике. Так, например, администрация Джорджа Буша единолично принимала решения о начале военных действий в Ираке, без какой-либо санк-

ции Организации Объединенных Наций, без получения общего согласия американских союзников. Но эта акция затронула ключевые проблемы международной безопасности не только в регионе Ближнего Востока.

Единоличная лидирующая функция не обсуждается и не отвергается международным сообществом. Она провозглашается и берется фактически.

Механизмы «захвата» лидирующих функций наиболее активно обсуждаются в процессе предвыборных кампаний. При этом выясняется, что глобальные лидирующие функции не санкционируются и избирателями и это порождает серьезные негативные политические последствия.

Так, например, Хиллари Клинтон свидетельствовала о том, что администрация Джорджа Буша поставила американский народ перед ложным выбором: сила против дипломатии, унилатерализм против мультилатерализма, твердая власть против «мягкой». Иными словами, Буш предлагал использовать мощь Соединенных Штатов для реализации политической воли единолично следуя своему выбору.

Х. Клинтон, в отличие от Буша, считает, что существует время для единоличного использования силы и время для мультилатеральной дипломатии. Внешняя политика Соединенных Штатов должна в определенных ситуациях руководствоваться предпочтительностью мультилатерализма, применяя унилатерализм тогда, когда абсолютно необходимо защищать безопасность страны или предотвращать возможную трагедию¹. Х. Клинтон исходит из предпосылки, что мир все еще обращается к Соединенным Штатам за руководством, что американское руководство желаемо и что американские друзья существуют повсюду в мире и желают объединиться с нацией, чьи ценности, руководство и чья сила вдохновляли мир в прошлом веке².

Достаточно напомнить об американской войне во Вьетнаме, чтобы поставить под сомнение утверждения о том, что американская сила вдохновляла в прошлом веке весь мир. Но об этом сегодня можно забыть.

Х. Клинтон справедливо считает, что «солдаты не являются ответом на все вопросы»³. Подчас, считает она, лучше просто дер-

¹ См.: Clinton H.R. Security and Opportunity for the Twenty – first Century // Foreign Affairs. November / December 2007. Vol. 86. N 6. P. 5.

² Ibid. – P. 4.

³ Ibid. – P. 5.

жать большую дубинку, нежели использовать ее. Однако без соответствующего идеологического флера держать над миром большую дубинку значит порождать нежелательный глобальный резонанс. Это и произошло, например, тогда, когда окончательно прояснилось, что предлог для военного вторжения в Ирак оказался ложным. Таким образом, мировое лидерство как основание единоличных решений, следующих ложным доводам и волевому устремлению, создает неблагоприятную атмосферу реализации внешней политики. Здесь необходимо коллективное участие, чтобы придать видимость легитимности, скажем, неспровоцированной агрессии. Для обеспечения коллективного участия в неблагое деле следует либо иметь, либо создать «достаточное основание». Поскольку администрация Дж. Буша допустила ошибку, то необходимо вернуть ситуацию в исходное положение. Х. Клинтон считает, что нужно вывести американские войска из Ирака. И это, полагает она, возродит доверие в мире к американскому руководству. Нужно сделать Америку снова великой, опираясь не просто на военную силу, размер и богатство нации, но на американскую идею¹, утверждает она. Какая идея делает американцев американцами? Джон Байерли, посол США в России, считает, что это поддержка демократии и прав человека не только в самой Америке, но и повсюду в мире. И в этом смысле правительство США может судить любую страну. «Как любит говорить Хиллари Клинтон, – утверждает он, – это у нас заложено в ДНК. Совершенно очевидно, что по этому кругу вопросов мы, американцы и россияне, часто имеем разные взгляды»².

В силу того, что идея демократии и прав человека находится в ДНК американцев, их никто не может судить: разве можно судить Природу: она такая как есть и иной быть не может.

Но почему руководство одной державы всем миром идентифицируется как распространение демократии? Разве Рим, когда он был республикой и завоевывал мир, распространял демократию? На самом деле республика осуществляла имперское правление над другими народами и государствами. И в конечном счете сама превратилась в империю.

Возникает закономерно вопрос: как возможна глобальная демократия при утверждении руководства миром одной сверхдер-

¹ См.: Clinton H.R. Security and Opportunity for the Twenty – first Century // Foreign Affairs. November / December 2007. Vol. 86. N 6. P. 18.

² См.: Новое время. The New Times. N° 36 (221). 31 октября 2011. С. 35.

жавой? Глобальное руководство со стороны одной сверхдержавы превращает в своеобразный фиговый листок демократические процедуры во всех странах, которые становятся сателлитами, а не равноправными партнерами сверхдержавы. Сверхдержава начинает создавать глобальную военную структуру, которая должна служить «достаточным основанием» для понимания всеми другими странами своего второстепенного места в глобальном мире, в котором им лучше добровольно подчиниться нежели бунтовать и быть поставленными на колени превосходящей мощью.

Эта ситуация чем-то напоминает феномен самодержавия в глобальном масштабе, самодержавия, облеченного в демократический наряд.

3. Космополитическая демократия

Можно определенно утверждать, что практическая реализация идеи Мировой лиги демократий ведет к образованию «самодержавной демократии». Самодержавная демократия внутренне противоречива и, естественно, не может не встречать критического к себе отношения как со стороны внутренних, так и внешних политических сил. Стратегическая цель успешной реконструкции глобальной демократии требует создания привлекательного образа «подлинной» демократии, во всяком случае более привлекательного, чем самодержавная демократия. Так возникает идея альтернативы самодержавной демократии, отрицающей безусловное единоличное лидерство. Сущность этой альтернативы в равенстве всех участников лиги демократий, закрепляемом в единогласном принятии решений внутри лиги.

Как показывает исторический опыт, для такой коллегиальности необходимо обрести органичное экономическое взаимодействие, позволяющее сформировать общий рынок, обеспечить свободное движение товаров, услуг, рабочей силы, проводить общую таможенную политику и вводить единый визовый режим и единую валюту. Коллегиальная демократия должна добиваться признания населением различных стран общих ценностей. Она должна сохранять традиции высокой культуры.

Все это вместе взятое может превратить именно ее в «маяк», который освещает не только локальные, но и глобальные пути и маршруты цивилизационной эволюции.

Для сохранения статуса глобального маяка коллегиальная демократия должна открывать свои границы для представителей

различных этносов, чтобы они собственным опытом подтвердили высокий цивилизационный статус коллегиальной демократии.

Какое международное образование в современном мире может реально претендовать на статус такого глобального маяка? Это, естественно, Европейский союз, имеющий свой парламент и свое правительство – Европейскую комиссию.

Практика жизни Европейского союза начинается сегодня анализироваться под углом зрения стратегии современной международной политики. Демократические механизмы работы Европейского союза, в котором не признается власть единоличного лидера, можно рассматривать как своеобразный контрапункт американской модели Мировой лиги демократий. Вместе с тем Европейский союз – это, безусловно, ограничивающая глобальную демократию модель. Для участия в работе и жизни Европейского союза приглашаются не все, а избранные по определенным показателям.

Таким образом, и американская модель, и модель Европейского союза ограничивают тот круг, в котором реализуются принципы «подлинной» демократии. За пределами этого круга возникает своеобразная «серая зона», на которую уже не распространяются принципы и законы демократии. В этом – совпадение американской и европейской моделей. Это совпадение находит свое очевидное выражение в организации и стратегии блока НАТО.

Блок НАТО в современной ситуации осуществляет военные операции далеко за пределами своих границ, фактически по всему миру. При этом для военных операций выбираются такие регионы и страны, из которых не может последовать эквивалентного ответного удара по государствам, входящим в НАТО.

Американская внешняя политика нацелена на создание в различных регионах мира таких структур, которые гарантируют от ответного удара прежде всего территорию Соединенных Штатов Америки. Создание таких структур позволит существенно раздвинуть границы «серой зоны», на которую не распространяются принципы и законы, действующие в границах собственных демократий.

Возникает вопрос, возможна ли и какой может быть академическая оценка тех политических тенденций, которые нацелены на «реконструкцию» глобальной демократии, сложившейся после Второй мировой войны, разгрома фашизма и крушения колониальных империй? Очевидно, что академические дискуссии, возник-

кающие вокруг этих проблем, представляют не только теоретический, но и живой практический интерес.

В связи с этим не может не обратить на себя внимание теоретический диалог между Дэвидом Хелдом, профессором политической науки Лондонской школы экономики и политической науки, автором публикаций «Демократия и глобальный порядок» (1995), «Модели демократии» (3-е изд., 2006), и профессором международных отношений Хельсинкского университета Хейкки Патомеки, автором таких книг, как «Демократизирующаяся глобализация» (2003) и «Возможный мир: Демократическая трансформация глобальных институтов» (2004, в соавторстве с Тейво Тейвайнен).

Х. Патомеки с самого начала отмечает характерную особенность позиций индустриально развитых стран Америки и Западной Европы. Они позиционировали себя в качестве национальных суверенных государств (nation-states). Если это – атрибут демократичности государства, то распространение демократии следует рассматривать как утверждение всех государств в мире в качестве nation-states. Но почему-то освободившимся от колониализма государствам приходилось вести длительную и упорную борьбу за получение статуса nation-states, равноправных во всех отношениях участников международных процедур принятия решений.

Заметим при этом, что особенно наглядно разного рода ограничения действовали в отношении Советского Союза, а затем и Российской Федерации. Достаточно вспомнить процедуру отмены поправки Джексона–Вэника или «историю» вступления России в ВТО. Ключ к объяснению таких явлений лежит в скрытом неприятии концепции равенства субъектов глобальной международной политики. Эта проблема возникла сразу при создании Организации Объединенных Наций.

В первых дискуссиях о характере планетарной демократии была еще жива надежда на то, что принципы планетарной демократии могут и должны быть универсальными, одинаковыми для всех. Однако уже в годы «холодной войны» складывается противоположная интерпретация принципов демократии. Соответственно затухает и дискуссия о характере универсальной планетарной демократии.

Х. Патомеки считает, что тема общей планетарной демократии вновь всплывает на поверхность в 70-е годы, когда «третий мир» выдвинул требование нового международного экономического порядка. Объединенные нации декларировали, что

«все государства являются юридически равными и как равные члены международного сообщества имеют право участвовать целиком и действенно в международном процессе принятия решений, касающихся мировых экономических, финансовых и монетарных проблем»¹. Требование государственного суверенитета в ходе процесса деколонизации создавало легитимную платформу для борьбы с имперским правлением и эксплуатацией, которое испытывало большинство человечества за пределами стран, представляющих ключевые регионы мировой экономики. И не случайно демократические устремления в мире артикулировались в терминах межгосударственных отношений².

Х. Патомеки, также считает, что это было время расцвета государственного суверенитета и первого совместного выхода стран «третьего мира» из-под правления индустриального капитализма и европейских империй. Закономерно возникает вопрос: можно ли было считать складывающуюся волну глобальной демократии неодолимой волной будущего? Или вера в полное равенство и неизбежность суверенитетов вновь возникающих национальных государств это – процесс обратимый?

Складывающаяся глобальная социально-психологическая ситуация, казалось бы, открывала широкий путь для окончательного утверждения универсальных принципов демократии для всех. На самом деле процессы глобализации и конец «холодной войны» поставили тему универсальности планетарной демократии в новых ее аспектах. Теперь уже не было очевидных политических препятствий для приведения планетарной демократии к «общему знаменателю». Но этого не происходит. В системе международных отношений под влиянием политики перестройки наблюдаются асимметричные процессы. Осуществляется роспуск военной организации Варшавского договора, демонтируются оборонительные структуры Советского Союза и происходит его распад. Параллельно с этим процессом происходит наращивание военной мощи США и военного блока НАТО.

Вместе с тем надежды на окончательную планетарную победу универсальности принципов демократии превращаются в опас-

¹ См.: Theory. Culture and Society, London, New Delhi. Vol. 23. N 5. September 2006. P. 115.

² См.: Held D., Patomaki H. Problems of Global Democracy: A Dialogue // Theory, Culture and Society, London. New Delhi. Vol. 23. N 5. September 2006. P. 115.

ную иллюзию. Дело в том, что лозунг утверждения повсюду в мире принципов подлинной демократии теперь мог использоваться в качестве тарана для нарушения государственного суверенитета стран, получивших независимость после Второй мировой войны и распада колониальных систем.

Возникает ситуация, при которой под флагом утверждения демократии можно начать реализацию геополитических целей. Но как придать этому процессу видимость планетарного шествия демократии?

Характерно, что в те годы, когда происходит кардинальное изменение соотношения сил на мировой арене, Джон Бэрнхейм выдвигает теорию «космополитической демократии». Дэвид Хелд развил эту теорию в своем очерке «Демократия, государство – нация и глобальная система» (1991), а затем в книге «Демократия и глобальный порядок» (1995).

Х. Патомеки считает, что в итоге были сделаны важные открытия. Оказалось, что именно создание Европейского союза можно представить как результат преодоления нацизма и дилемм межгосударственных отношений посредством интеграции. А это значит, что не крушение колониальной системы и образование суверенных государств, не глобальная демократия являются продуктивным ответом на исторический опыт XX в., а именно Европейский союз. На самом деле разве создание Европейского союза не означало устранение возможности агрессивных действий между государствами, вошедшими в этот Союз? Но не означает ли это рождение возможности вынесения агрессивных действий вовне Союза? И не становится ли блок НАТО орудием такого вынесения?

Как в контексте этих вопросов оценивать смысл «космополитической демократии»? Можно ли считать, что теория «космополитической демократии» имеет универсальное значение и может применяться по отношению к неевропейским государствам?

Оказывается, вполне возможно, но только в качестве морального основания диктата правил внутреннего устройства для тех государств, которые не могут рассматриваться в качестве полноценных nation-states. Но существуют и демократические принципы, которые могут в руках Евросоюза претендовать на глобальный статус.

Дэвид Хелд полагает, что существует восемь всеохватывающих принципов «космополитической демократии», которые позволяют утверждать, что «космополитическая демократия» мо-

жет претендовать на глобальный статус. Это равные для всех ценность и достоинство; активное участие в демократических акциях; личная ответственность за принимаемые решения и отчетность; достижение согласия; коллективное принятие решений посредством процедур голосования; включенность всех и поддержка большинства; недопущение серьезного ущерба при решении практических задач; сохранность целостности общества. Вместе с тем рациональность космополитических принципов зависит от признания двух фундаментальных метапринципов или организующих понятий: культурно-исторического метапринципа автономии и философского метапринципа беспристрастности.

Эти принципы, бесспорно, хороши и в своей абстрактности универсальны. Но почему же они реализуются лишь в пределах Союза? Разве бомбардировки Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии отвечают принципу недопущения серьезного ущерба? Разве можно говорить о включенности всех при казни Саддама Хусейна и убийстве Муамара Каддафи? Где здесь коллективное принятие решений посредством процедур голосования? Где ответственность Дж. Буша за принятие решения о военном вторжении в Ирак по очевидному ложному основанию? О какой сохранности целостности общества может идти речь, если вооруженные силы НАТО поддерживали лишь одну сторону в гражданской войне в Ливии?

Таким образом, остается открытым вопрос о том, являются ли восемь демократических ориентаций поведения и два метапринципа ориентирами внутреннего пользования в границах «космополитической демократии» Евросоюза или они распространяются на всю совокупность возникших после Второй мировой войны суверенных государств?

Если эти ориентации предназначены для замкнутого европейского ареала, то тогда «космополитическая демократия» может обрести имперские качества.

В обретении имперских качеств потенциально заключена возможность отречения от принципа единогласного принятия союзных решений. Эта тенденция проявляется уже в ситуации экономического кризиса, бремя которого воспринимается по-разному в различных странах, входящих в Европейский союз. И в этой ситуации возникает необходимость перехода от единогласного принятия решений к принципу квалифицированного большинства. Затем, возможно, простого большинства. Если и простое большинство не может обеспечить согласованного характера ре-

шений, то возможен либо путь диктатуры федерального правительства, либо путь распада Союза.

Но тогда какой принципиальный смысл имеет борьба против диктатур в других странах? Или это лишь предлог для достижения геополитических целей?

Как теперь можно дать теоретическую оценку военных вторжений вооруженных сил США и блока НАТО в различные страны мира? Отчасти оценка определяется последствиями военных вторжений. Что же получается в итоге?

В Ираке и в Афганистане поднялась волна терроризма. В Ливии в качестве истины жизни в освободившейся от Муамара Каддафи стране провозглашаются не принципы «космополитической демократии», а догматы шариата. В Египте в результате демократического голосования к власти приходят братьямусульмане и салафиты.

Возникает фундаментальная концептуальная проблема: почему принципы демократии, рожденные Западной политической традицией и воспринимаемые в качестве безусловно универсальных, начинают странным образом «пробуксовывать» в цивилизационных песках Ближнего Востока и Северной Африки?

Этот вопрос в равной степени относится как к истинам американских отцов-основателей, так и теоретиков «космополитической демократии».

4. Философские дилеммы

Не секрет, что инициатором военных вторжений во имя утверждения демократии повсюду в мире, как правило, выступают Соединенные Штаты. В этом они видят свою лидирующую роль. Вместе с тем в контексте возникающих военно-политических и экономических последствий реконструкции глобальной демократии, с которыми сталкиваются Соединенные Штаты Америки, возникает вопрос: имеют ли президенты США основополагающую стратегию (*grand strategy*)?

Дэниел Дрезнер, профессор международной политики во Флетчеровской школе права и дипломатии Университета Тафта, отмечает, что в результате военной интервенции в Ливию возникли острые дебаты относительно возможности существования стратегической доктрины у Обамы. Хор обозревателей внешней поли-

тики стал жаловаться на предполагаемую стратегическую некомпетентность администрации США¹.

Д. Дрезнер приводит мнение обозревателя газеты «Вашингтон пост» Джексона Диля, который считает, что особенностью американской администрации является отсутствие основополагающей стратегии или стратегов. Аналогичной точки зрения придерживается политолог Джон Миршаймер, который считает, что коренной причиной злоклучений Америки является принятие после «холодной войны» неправильной стратегии. Майкл Хирш в «Национальном журнале» доказывает, что в действительности доктриной Обамы является вообще отсутствие какой-либо доктрины.

Д. Дрезнер, не соглашаясь с этими точками зрения, выделяет два аспекта «основополагающей стратегии» администрации Обамы. Во-первых, это восстановление позиции Америки путем сокращения ее вовлеченности в зарубежных операциях и переложение бремени на ее глобальных партнеров. Во-вторых, это утверждение влияния американских идеалов и интересов в мире путем контрударов, когда им возникают вызовы со стороны других государств.

Вряд ли эти пункты политики можно охарактеризовать как «основополагающую стратегию». Скорее они характеризуют тактику внешней политики администрации Обамы.

Проблема глобальной политической стратегии связана с правильным толкованием пути, основанного на истинности констант политики, тех универсалий, которые объясняют направление политических действий и нравственный пафос государственных лидеров. Это – исходные философские истины, которые являются моральным и правовым оправданием конкретных политических действий. Именно на такие универсалии и опирается Барак Обама в качестве исходной предпосылки своей политики.

Так, объясняя свое решение об интервенции в Ливию, Барак Обама говорил, что «отречение от американской ответственности как лидера и – более глубоко – от нашей ответственности за наших братьев – человеческих существ при таких обстоятельствах могло бы означать предательство нас самих... Повсюду, где люди стремятся стать свободными, они найдут в Соединенных Штатах сво-

¹ См.: Drezner D.W. Does Obama Have a Grand Strategy? // Foreign Affairs. July / August 2011. Vol. 90. N 4. P. 57.

его друга»¹. Очевидно, что Барак Обама опирается на человеческую идентичность, состоящую в стремлении к свободе. Иными словами, он считает другом лишь тех «других», которые демонстрируют свою политическую идентичность с американской идентичностью. Если это и есть человеческая идентичность, то тогда все, не обладающие такой политической идентичностью, не могут рассматриваться как часть человеческой общности. В этой философии – объясняющая военно-политические акции Америки духовная основа глобального руководства современным миром, в том числе и использования военной силы.

Характерна в этом отношении точка зрения Х. Клинтон. Уже в статусе государственного секретаря она утверждала, что «с помощью правильного баланса гражданской и военной силы Соединенные Штаты могут продвигать свои интересы и ценности, вести и поддерживать другие нации в решении глобальных проблем... И мы можем подняться до мировых вызовов XXI в. и встретить проверку американского глобального руководства»².

За этими утверждениями лежит уверенность в точном знании истины бытия человека и истины цивилизационной жизни.

Такое представление подкрепляется очевидной общностью исходных принципов западной демократии. Их можно вычлениить и при рассмотрении сущности космополитической демократии. Но как объяснить их универсальность, т.е. верность применительно к любым цивилизационным условиям и любым историческим обстоятельствам?

Если мы допускаем, что современные принципы западной демократии – принципы свободы, выборности органов власти, беспристрастности судебных решений и т.д. – это принципы разума, а разум универсален, то тогда человек как *homo sapiens* независимо от его этнического, расового, цивилизационного своеобразия должен принять эти принципы в качестве безусловной истины.

Если с этой точки зрения обратиться к рассмотрению метапринципа автономии (*metaprinciple of autonomy* – МРА – в трактовке Дэвида Хелда), то демократическая культура в западном понимании утверждает концепцию личности как гражданина, с самого начала свободного и равного и в этих ипостасях понятного

¹ См.: Foreign Affairs. July / August 2011. Vol. 90. N 4. P. 66.

² Clinton H.R. Leading Trough Civilian Power // Foreign Affairs / December 2010. Vol. 89. N 6. P. 24.

для всякого другого. Это – идентичность человека вообще. Таким образом, специфически западное представление об истинной сущности человека утверждается как критерий универсальности.

Однако восточная традиция видит критерий универсальности в достижении духовного совершенства, путь к которому – длительный процесс. В силу этого индивиды не могут быть идентичными в своих реальных качествах; они различны, поскольку находятся на разных стадиях духовного становления.

Если мы принимаем западное представление об идентичности человека вообще за константу, то тогда основной массив бытия людей в истории следует рассматривать как отступление от истины: на самом деле рабство, крепостничество, принудительная эксплуатация оказываются за пределами истинной истории.

В этом смысле восточная традиция, легитимизирующая неравенство индивидов, может рассматриваться как философская апология истории.

Возникает вопрос: на что должен опираться разум в постижении истины? – на абстракцию идентичности человека вообще или на опыт реальной истории? И здесь мы сталкиваемся с очередным парадоксом. Мышление Запада традиционно считается динамичным, подвижным, антиподом всякой косности, тогда как сознание Востока полагается консервативным, «застойным». Однако применительно к толкованию внутреннего мира человека Восток традиционно придерживается позиции, исключающей константное представление о свойствах «человека вообще». Если и признать константность духа «человека вообще», то к нему можно отнесли профанную массу, которая механически усваивает ритуальные формы поведения. Для нее существуют лишь такие правила «свободной игры», результаты которой не могут выходить за установленные пределы. Тот, кто разрабатывает эти правила, всегда оказывается «более равным» чем равенство всех остальных. Но как быть с неравенством личностей? Можем ли мы в действительной жизни игнорировать это неравенство? Если все равны, то зачем тратить энергию и время на поиски лучшего, на выбор наиболее достойного? Но в процедурах этих выборов заключена сущность демократии. Получается, что сама демократия основана на внутреннем противоречии. Кроме того, закономерно возникает вопрос: всегда ли западная традиция считала метапринцип автономии (т.е. стремления к свободе) отправным пунктом построения правильного социума?

Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Возьмем в качестве примера принципы жизни Пифагорейского союза. Для него характерен предустановленный неизменяемый порядок, охватывающий все подробности жизни, подчинение мышления принципам господствующей доктрины, строгая дисциплина и градация членов общества. Известно также, что пифагорейцы считали друг друга равными блаженным богам, а всех прочих ни во что не ставили. Эти представители блаженных богов были властолюбивы и хотели быть пастырями народов¹. Это что-то нам напоминает и из опыта современной жизни.

Можно, конечно, возразить и сослаться на тот факт, что пифагорейцы изгонялись и подвергались гонениям в Великой Греции. Но это вовсе не означало искоренения тех принципов, на которые опирался Пифагорейский союз. Эти принципы живы до сих пор. Посмотрите на жизнь Ватикана: разве там не присутствуют пифагорейские принципы? Почему же Барак Обама не дает указание бомбить Ватикан? Видимо, потому, что американская администрация так же как и Ватикан считает себя равной блаженным богам, хочет быть пастырем народов и ни во что не ставит всех прочих. Это означает фактическое отрицание идентичности человека вообще как равного и свободного. Но тогда нужно признать, что метапринцип автономии не является универсальным даже применительно к социуму Запада. Исчезают легитимные нравственные и правовые основания применения военной силы в отношении обществ, живущих на иных, не западных основаниях. В связи с этим правомерно поставить вопрос: как следует относиться к основополагающей стратегии жизни стран Востока?

С позиций исторических культур Востока представление о тождестве и взаимной «понятности» личностей как с рождения равных и свободных граждан – это исходное и наиболее грубое заблуждение. Человек как человек с самого начала проходит стадии становления и самоформирования, постижения своей сущности. В этом процессе личности не равны. Они не могут быть равными в силу того, что даже высшую стадию самоформирования нельзя принять за окончательную истину. Между тем достижение истины происходит в течение всей жизни человека или даже многих его жизней.

¹ См.: Катков М.Н. Собр. соч. Т. 4. Философские чтения. – СПб., 2011. – С. 178.

Изначальное равенство идентичности всех и каждого это правовой постулат западного мышления, но к реальной нетождественности людей они отношении не имеют. Можем ли мы просто отбросить как ложные те законы, по которым традиционно строится жизнь цивилизаций Востока?

Давали ли для себя ответ на этот вопрос Джон Маккейн, Барак Обама и Хиллари Клинтон? Судить об этом сложно. Но в их политических позициях явно отсутствует рефлексия относительно цивилизационной специфики народов современного мира. Именно поэтому их универсализм принципиально не отличается от универсализма Дж. Буша, который породил угрозу превращения оккупированного Ирака в «черную дыру» американской экономики.

Исторический опыт свидетельствует о том, что правила общественной игры могут быть различными. Они формируются на основе цивилизационных традиций. Кто должен определять, какая традиция лучше? Например, в Великобритании преимуществом в наследовании королевской власти пользовались мужчины. Однако в 2011 г. было признано равенство женщины с мужчиной в наследовании королевской власти. Так заложено начало новой традиции. Но почему она лучше старой? Кто имеет право окончательного решения этого вопроса? Как бы отнеслись британцы к утверждению, что истиной по этому вопросу владеет японская монархия и только она одна? А почему бы и нет? Присвоение себе исключительного права на установление правил общественной игры не демократично в своей сущности.

Именно поэтому остается неясным, как Соединенные Штаты под флагом демократии собираются вести другие нации в решении глобальных проблем? Как XXI век может завершить проверку американского глобального руководства демократией, если уже в начале этого века выявляется внутреннее противоречие между концепцией самодержавной демократии, предполагающей лидерство одной сверхдержавы, и принципами космополитической демократии, не допускающей единоличного управления? Какая же демократия является истинной? Или же единственной истинной демократии вообще не существует? Но тогда как может существовать эпистемологическое основание для единого глобального руководства современным миром?

Если его не существует, то будет стратегической ошибкой игнорировать цивилизационное многообразие, несущее в себе свои специфические истины. Эти истины формируются исторически,

образуя единство качеств народа как цивилизационного субъекта и тех обстоятельств, в которых протекает его жизнь.

Можно провести определенную аналогию между постижением народом своей цивилизационной истины и постижением личностью истины своего бытия. Человек, осмысленно проходящий определенные стадии своего самосовершенствования, начинает отдавать себе отчет в том, что достижение полного совершенства – это не просто длительный, а по сути дела бесконечный процесс.

Та константная определенность, которая приписывается человеку отцами-основателями, если ее воспринимать буквально, может становиться истоком злключения стратегического мышления. Характерно, что Дэвид Хелд вынужден признать, что метапринцип автономии был более твердо защищен, когда был помещен в контекст гражданственности, т.е. тот ограниченный контекст, в котором автономность обусловлена характером гражданского общества, возникшего в эпоху модерна. А это значит, что она имеет исторические границы. В защите нуждается тот, кто не способен участвовать и действовать внутри этого общества.

Стало быть, принципы «космополитической демократии» могут действовать эффективно лишь внутри единой, очерченной территориально общности¹.

Д. Хелд, однако, считает, что принципы «космополитической демократии» все же можно считать универсальными, если признать приверженность всех людей к идее, что все личности должны быть в равной степени свободными, т.е. они должны испытывать чувство радости от состояния равной свободы. Но как можно определить приверженность всех людей к состоянию равной свободы, если иметь в виду людей прошлого и будущего, которых уже нельзя или еще нельзя опросить? Но ведь и всех живущих людей пока никто не опросил по этому вопросу.

Гипотеза, согласно которой каждый человек хотел бы заниматься собственной деятельностью без посредников и нежелательного вмешательства, кажется правдоподобной. Однако остается неясным, существуют ли возрастные, гендерные, профессиональные различия в определении прав и обязанностей людей в семейных, производственных, социальных и политических структурах. Без прояснения этих аспектов проблемы трудно дать одно-

¹ См.: Theory. Culture and Society. London. New Delhi. Vol. 23. N 5. September 2006. P. 117.

значное определение универсального смысла метапринципа автономии, а вместе с тем и «космополитической демократии».

Проверка универсальности предлагаемых принципов видится в «мышлении с точки зрения других». То есть необходима концептуализация беспристрастной моральной точки зрения, с которой можно оценивать и корректировать частные формы практического мышления. Беспристрастную позицию должен занимать арбитражный суд. Но справедливо замечают при этом, что такой арбитражный суд возможен лишь в том случае, если внутри него самого отсутствуют и представители индивидуальных групп и стран, имеющих свои особые идеологические позиции и интересы. Практика действия современных международных судебных заседаний со всей очевидностью показывает, что такая ситуация возможна лишь в исключительных случаях. Как правило, в принципах, которым придается универсальный смысл, реализуется конкретный частный интерес доминирующих политических альянсов.

Д. Хелд, однако, считает, что метапринцип беспристрастного мышления (metaprinciple of impartialist Reasoning – MPIR) открывает путь моральной перспективе, которая может служить тем прибором, который сфокусирует наши мысли и наши поступки в направлении интересубъективной ценности понимания общего блага. Это путь использования принципов, норм и правил, который может давать разумную команду к достижению согласия всех. Однако, как кажется, в философских дилеммах уже заключается невозможность добровольного согласия всех. Если «согласие всех» мыслится как утверждение доминирующего влияния в мире самодержавной или космополитической демократии, то нас ожидает новая эра сопротивления и борьбы за сохранение или восстановление планетарной демократии.

5. Возможно ли сохранение планетарной демократии?

Если с философской точки зрения не существует оснований реконструкции планетарной демократии, то это значит, что ее главный мотив опосредован экономическими и политическими интересами. С точки зрения социальных реалий сохранение планетарной демократии это, прежде всего, проблема экономического влияния. Если Соединенные Штаты и Западная Европа будут наращивать свое экономическое превосходство в мире, то будут ук-

репляться и глобальные позиции самодержавной и космополитической демократии. Вместе с тем будет происходить процесс цивилизационной унификации, эрозии социальной почвы цивилизационного многообразия.

Ситуация тотального наступления потребительского общества, обеспечивающего универсальный процесс производства и потребления товаров для глобальных рынков, создает необходимые условия постоянного роста прибылей транснациональных корпораций, охвативших мир своими производственными, коммуникационными и информационными связями.

С утверждением глобальной функции транснационального субъекта возникает потребность в универсальной культуре, противостоящей исторически сложившимся уникальным культурам, формирующим базисные основания нравственных, эстетических и философских представлений, а значит, и образов жизни. Это обостряет диалог вокруг глобальной демократии как порядка взаимодействия культур равноправных суверенных государств. Вместе с тем встает вопрос о месте и функциях локальных цивилизаций в контексте процессов глобализации и тенденций рождения универсального цивилизационного субъекта. Означает ли глобализация наступление переходного периода к мировому порядку, вытесняющему систему равноправных суверенных государств и локальных цивилизаций? Можно ли считать транснациональные корпорации социально-экономическим базисом универсального субъекта, обладающего правом отрицать истину жизни суверенных государств и локальных цивилизаций? Такого признанного международным сообществом права не существует. Отсутствие юридических и нравственных оснований такого права требует его присвоения путем наращивания и консолидации военной мощи, которая не только в действии, но и потенциально должна нейтрализовать любую самостоятельную оппозиционную силу. Для этого и необходима разработка стратегии создания военно-технической инфраструктуры соответствующей требованиям решения этой задачи. Как сделать этот процесс психологически приемлемым? Его можно сделать приемлемым в том случае, если «опустить» систему существующих человеческих отношений до уровня взаимодействия биологических видов.

Когда на поверхности цивилизационной жизни выводится единая природная сущность межэтнических и межрасовых отношений и позиционируется как приоритетная, то возникает представление, что этой сущности соответствует лишь «культура вы-

живания». Эта «культура» делает применение силы естественным и «легитимным», поскольку теряют силу общепринятые, выработанные историей цивилизации нормы человеческих отношений. Приоритет силы в решении глобальных проблем с позиций этой «культуры» начинает отождествляться с реальным, а не иллюзорным механизмом достижения цивилизационной истины.

Известный афоризм «не в силе Бог, а в правде» переворачивается с ног на голову: «не в правде Бог, а в силе». Это представление начинает влиять на характер международных решений, на оценки агрессивных и деструктивных действий, на возникновение умышленной дезинформации при интерпретации событий, на принятие решений международными судами.

Шаг за шагом складывается унилатеризм мировой политики. В этом контексте стремятся не к истинной беспристрастности в решении международных споров, а к имитации беспристрастности, которая становится своего рода правилом международной жизни.

Для имитации беспристрастности нужно вытеснить из международного дискурса реальный диалог, диалог между суверенными субъектами, приходящими в результате диалога к согласию. Теперь в добровольном согласии нет необходимости. Превосходство силы заставляет всех быть «согласными» с реальным или потенциальным победителем. Победа – это успех, а успех – это свидетельство истины. Значит, победитель – это носитель истины.

Монопольным и постоянным обладателем «истины» становится самый сильный в современном мире. Эта «логика» выносит за скобки возможность высказывать свою действительную истину носителями ценностей локальных цивилизаций. Но действительная истина не исчезает, а ждет возможности своего проявления.

Аналогичная ситуация складывается в отношениях между самодержавной и космополитической демократиями.

Обе демократии ориентируются на свой образец как имеющий универсальный смысл. Утверждение этого смысла всеми доступными средствами считается благородной нравственной и правовой задачей, определяющей глобальную функцию избранных.

Но кем они избраны? По сути дела они избирают сами себя на выполнение глобальной миссии. Д. Хелд убежден в том, что соединение метапринципов беспристрастного мышления и авто-

номии создает эпистемологическое основание общего согласия на основе космополитического мышления¹.

Такое соединение, однако, вступает в очевидное противоречие с исходным основанием идеи Мировой лиги демократий, которая возникает как реакция на отсутствие всеобщего согласия и на принципиальную невозможность его достижения.

Мировая лига демократий признана сделать универсальными цели и интересы не всех цивилизационных субъектов, а эксклюзивной группы стран.

В этом призвании и возникает возможность соединения позиций Мировой лиги демократий с «космополитической демократией». Их миссия может выполняться в двух практических формах: в форме прямого давления с применением вооруженных сил либо в форме убеждения, задача которого – привнесение «истины» в профанное сознание «непосвященных», доказательство того, что выгоднее признать эту «истину», чем не признать ее. Дэвид Хелд считает, что диалог с другими цивилизациями возможен, но лишь постольку, поскольку они заявляют о своем стремлении выполнять определенные условия, а именно – уважать автономию каждой личности, моральное достоинство всех, признавать сохранение согласия и публичной демократической жизни.

Но разве может демократия выдержать автономию каждой личности и моральное достоинство всех, если, например, личность начинает отстаивать позиции расизма и политическую практику терроризма, если диапазон автономии личностей может начинаться с Франклина Делано Рузвельта, а завершаться Аль Капоне?

Как можно выставлять условия другим цивилизациям, если эти условия невозможно соблюдать самим? Это возможно лишь в том случае, если собственная позиция полагается эксклюзивной, не подверженной критическому обсуждению. Если мы выдвигаем требование уважать автономию каждой личности, то тем более принципы демократии должны требовать уважения автономии каждого цивилизационного субъекта, представленного в форме суверенного государства. Глобальная демократия как раз и возникла на этом принципиальном основании.

В родившейся после Второй мировой войны ситуации глобальной демократии различные цивилизационные голоса стали восприниматься как сами по себе аутентичные.

¹ См.: Held D., Patomaki H. Problems of Global Democracy: A Dialogue // Theory Culture and Society. Vol. 23. N 5. September 2006. P. 118.

Существует ли в реальной жизни идеальный образец, имеющий не локальный, а универсальный смысл, позволяющий точно определить, какие аутентичные цивилизационные голоса народов попадают в число признанных. И можно ли создать ту шкалу, которая станет средством для интегрального заключения о «подлинности» или «неподлинности» устройства жизни в той или иной стране? Эта проблема исторически возникала постоянно. И Восток, и Запад по-своему определяли признаки «неверных» и вели против них «священную войну». Мы со своих просвещенных позиций видим необъективность кровавых жертв религиозных войн исторического прошлого. Но не вступает ли демократический мир сегодня на тропу новой «священной войны»? Такие вопросы неизбежно встают, если цивилизационная аутентичность выносится за пределы смысла демократии, распространение которой в глобальных масштабах словесно определяется как безусловная и приоритетная задача и цель современной цивилизации. Но разве необходим механизм «глушения» голосов, которые, по оценкам носителей «подлинной» демократии, не совпадают с требованиями установленного «идеального образца»? «Аутентичность других голосов нельзя смешивать с природой и смыслом демократии»¹, – считает Дэвид Хелд. Это значит, что стратегия демократии как международной политики с необходимостью порождает диктат. Если признать за истину этот тезис, то следует согласиться с оправданием неспровоцированной агрессии против суверенных государств, а значит, и с разрушением тех принципиальных оснований, на которых было воздвигнуто здание Организации Объединенных Наций.

Организация Объединенных Наций в этом случае может сохраняться как артефакт уходящей в прошлое эпохи. Это – эпоха доминирования суверенных государств и сохраняющегося на их почве цивилизационного многообразия. Цивилизационное многообразие диктует необходимость беспристрастности в отношении к позиции другого. И в этом случае истину нельзя считать атрибутом лишь одной формы цивилизационной идентичности.

Ответ на этот вопрос предвосхищает судьбу локальных цивилизаций: могут ли они считаться «полноценными» или в них заключена «неполноценность», обрекающая их на исчезновение в структуре новой демократии?

¹ См.: Held D., Patomaki H. Problems of Global Democracy: A Dialogue // Theory Culture and Society. Vol. 23. N 5. September 2006. P. 119.

Локальная цивилизация в «снятом» виде несет в своей традиции многовековую истину своего бытия. Как мы относимся к этой истине со специфической «высоты» своего цивилизационного положения? Ведь мы имеем свою историю, свои традиции и знаем свою истину бытия. И если эта истина нашего бытия лежит в нашей традиции, то как мы должны относиться к другим цивилизационным голосам? Адаптировать к общему цивилизационному многоголосию или «заглушать» как проявление диссонанса с нашим прекрасным цивилизационным «соло»? Чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо прояснение гносеологической ситуации, породившей подмену истины ее силовым суррогатом.

Как представляется, Хейкки Патомеки делает шаг в этом направлении. Он считает, что вопрос об истине или более общий вопрос о ценности любого утверждения не может быть решен только на основе идентичности говорящего или пишущего. «Скорее, – считает он, – в различных транскультурных глобальных диалогах мы должны стремиться быть настолько беспристрастными, насколько это возможно»¹.

С онтологической точки зрения мы вступаем в диалог как уже сформированные, сложные, взаимосвязанные системы, чья способность к транскультурным суждениям и к научению уже структурирована нашим геоисторическим опытом. Из колониализма, отмечает Х. Патомеки, мы знаем, что может означать априорное утверждение превосходства западного понимания и западных политических теорий².

Возникает метатеоретическая форма фундаментализма, которая и становится основой понимания безопасности. Эта основа уже не поддается обсуждению. В итоге сердцевина верований политической морали образует замкнутую в себе систему.

Как носитель этой системы может считать себя носителем беспристрастности? Для этого он формирует в себе самом внутреннее «другое я», бестелесное существо, с которым становится возможным убеждающий диалог. Здесь «другое я» закрывает глаза на провалы в аргументации и приводит свои доводы, позволяющие избежать реального диалога с конкретным другим, в отношении которого приходится нарушать универсальные моральные нормы.

¹ См.: Held D., Patomaki H. Problems of Global Democracy: A Dialogue // Theory Culture and Society. Vol. 23. N 5. September 2006. P. 119.

² Ibid.

Имитация беспристрастности позволяет сохранять и видимость честности, и нравственный пафос в отстаивании несправедливых позиций. Так возникает раскол между миром беспристрастности универсальной морали и реальным миром биополитических детерминант политики, облакаемых в форму нравственных абстракций и правовых категорий. Как оценивать этот раскол? Является ли он признаком эрозии совести и отсутствия нравственных страданий в осуществлении задуманных эгоистических решений глобальной политики? Или он, как считает Х. Патомеки, является признаком «несчастливого сознания», которое неспособно решать моральные проблемы реального мира? Очевидно, что ответ на эти вопросы лежит в закрытых от посторонних взглядов особенностях индивидуальной морали.

С точки зрения социальной можно констатировать, что отсутствие равновесия сил благоприятствует формированию замкнутой системы политической морали, в которой игнорируется реальность правды в нравственной позиции конкретного другого. Исходным нравственным основанием «беспристрастности» в применении силы становится «культурное насилие», наложение на цивилизационное многообразие современного мира схематизма «избранных» и «неизбранных», «своих» и «чужих». Такое «культурное насилие» воспринимается в качестве духовного основания использования военной силы для «исправления» «неправильного» образа жизни и поведения» представителей иных цивилизаций. В итоге получается, что и с точки зрения культуры, и с этической точки зрения замкнутые системы политической морали могут заключать в себе право на насилие¹. Именно поэтому Х. Патомеки, будучи европейцем, протестует против евроцентризма в модели «космополитической демократии». Он считает, что эта модель является рецептом и в конечном счете реальным потенциалом для глобальных демократических войн как проявления империализма.

С этим трудно не согласиться. Прежние модели европоцентризма как оправдания империалистической политики пришли в явное противоречие с реалиями современной глобальной жизни.

Концепции самодержавной и космополитической демократии, «вытесняя» принципы глобальной демократии, не предлагают позитивного решения вставших перед человечеством проблем. Путь экономического и политического давления и использования

¹ См.: Galfang J. «Cultural Violence» // Journal of Peace Research. 1990. Vol. 27. N 3. P. 291–305.

вооруженной силы заводит в тупик цивилизационный прогресс, оставляя за собой цивилизационные развалины и нарастающие волны терроризма. И не случайно вставшие перед человечеством экологические, энергетические, сырьевые, продовольственные, демографические и климатические проблемы находят свое решение на основе общих принципов международной жизни суверенных государств и путем формирования все более широких общественных движений, выдвигающих требования охраны окружающей среды, спасения фауны и флоры, ограничения производственных механизмов негативного влияния на климат планеты.

Все более заметную роль в формировании общественного климата играет международное взаимодействие представителей научного сообщества, проведение представительных международных конференций, вырабатывающих научно обоснованные практические рекомендации в определении эффективных подходов к решению назревших общечеловеческих проблем. Речь идет о создании необходимых условий сохранения жизни на планете Земля. Для решения этой глобальной задачи становится правилом соединение усилий государств в преодолении последствий технических и естественных катастроф.

Возникает все более глубокое осознание того факта, что правильное использование цивилизационного многообразия – это не препятствие, а средство нахождения возможных нестандартных решений в возникающих нестандартных ситуациях. Процессы глобализации требуют научения слушать друг друга. Глобальный субъект становится плюралистичным по своему характеру. Так, например, кто владеет ситуацией в дельте Амазонки, от сохранения лесов которой зависит нормальная работа «легких» всей планеты, тот превращается в глобального субъекта. Но в современном взаимозависимом мире такие глобальные субъекты возникают всюду, во всех ключевых регионах планеты. Современная ситуация объективно выдвигает новые требования организации мирового экономического и торгового режима, финансовых реформ, создающих благоприятные условия для утверждения новых типов технологий, направленных на распространение чистых производств, экономное использование природных ресурсов. Это должно стать реальной стратегической целью промышленного и сельскохозяйственного производства, а вместе с тем изменения его стимулов и смысла экономической политики.

Изменяется и характер политических стратегий.

Очевидно, что решение современных проблем невозможно без формирования глобального политического движения, состоящего как из гражданских представителей, так и представителей суверенных государств.

Х. Патомеки отчетливо видит формирование новых запросов цивилизационной эволюции современного мира и выступает за культивирование демократического плюрализма, новые установления которого будут укреплять основу реформ в различных сферах, в том числе и в сфере политики. Эта стратегия, считает Х. Патомеки, осмысливается в открытых процессуальных понятиях, а не в замкнутой модели. Эти реформы можно осуществить мирным и демократическим путем, вопреки сопротивлению некоторых великих держав, многонациональных корпораций и финансовых институтов.

Эти набирающие силу тенденции современной цивилизационной эволюции не соответствуют установкам самодержавной и космополитической демократии. Этим установкам усилиями информационных технологий и спецслужб придавался идеализированный облик, разукрашенный воздушный шар, указывающий всему человечеству путь к райским небесам. Однако в оболочке этого шара возникли «проколы», которые трудно «залатать».

Применение пыток, бомбардировки мирных поселений с многочисленными человеческими жертвами, организация убийств лидеров суверенных государств, поощрение внутренних гражданских войн и даже участие в них на какой-то одной стороне – все это несколько портит тот имидж, который в свое время покорила сердца сторонников «новой демократии» новейшего западного образца. Получивший серьезные проколы лакированный воздушный шар «схлопнулся» и стал утрачивать свою первозданную красоту. В различных странах гибнет идол мечты поклонников. Они переживают и, возможно, даже плачут, хотя не так открыто, как плачут в Северной Корее фанатичные поклонники ушедшего из жизни Ким Чен Ира. Но, думается, не менее искренно. Можно надеяться, что это станет процессом отрезвления и духовного самоочищения, позволяющего осознать, что глобальный цивилизационный субъект сегодня – не наряженная фигура голиафа, держащего в своих руках «большую дубинку», а единство многообразия суверенных государственных и гражданских субъектов, охватывающих межэтнические и межрасовые, межличностные, языковые и духовные сферы жизни цивилизаций. Проблема управления современными тенденциями глобального развития, их

упорядочения и направления в позитивное созидательное русло напоминает формирующееся и развивающееся многоголосие оркестра, где каждый инструмент со своей спецификой исполняет свою мелодию, которая в слиянии со всеми другими мелодиями позволяет формировать действительную гармонию героической симфонии глобального самоуправления стран и народов современного мира.

Статья предоставлена автором для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир».

Михаил Горшков,
член-корреспондент РАН, директор
Института социологии РАН
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

В конце декабря 2011 г. – начале 2012 г. исполняется 20 лет с того момента, когда Российская Федерация, сразу после распада СССР, приступила к проведению радикальных реформ, коснувшихся в первую очередь экономики, но затронувших также и все остальные сферы жизни общества. Точную дату старта этих реформ назвать достаточно сложно. Можно вспомнить четыре события, ознаменовавших их начало:

– подавление «путча» ГКЧП в конце августа 1991 г., что привело к фактическому развалу Союза, параличу союзных органов власти и переходу практически всей полноты ответственности к «суверенному!» руководству РФ;

– Пятый съезд народных депутатов РФ, состоявшийся в конце октября – начале декабря 1991 г., одобдивший планы радикального реформирования страны и давший Президенту РФ Б. Ельцину чрезвычайные полномочия для реализации этих планов;

– формирование «правительства реформ» с экономическим блоком во главе с Е. Гайдаром в середине ноября 1991 г.;

– либерализация цен в начале января 1992 г., ознаменовавшая переход к рынку.

Экономические реформы наряду с распадом СССР стали самым важным, знаковым событием новейшей российской истории, на многие годы определившим траекторию ее развития. И сегодня, спустя 20 лет, не прекращаются споры о необходимости этих реформ, их причинах и последствиях.

Уже ушли из жизни главные их инициаторы – Б. Ельцин и Е. Гайдар, но и сегодня обсуждение их политического наследия продолжает волновать как значительную часть общества, так и элиты, особенно в контексте современной эпохи, в чем-то наследующей курс, проложенный реформаторами, а в чем-то противоположной ему. Не случайно одна часть общества, и особенно генерация либеральных политиков начала 1990-х, критикует нынешние власти, обвиняя их в отказе от наследия реформ Ельцина–Гайдара, прежде всего, от принципов политической демократии и экономических свобод. Другая часть населения и политического класса, напротив, убеждена, что именно сохранение следования нынешнего курса реформам 1990-х, в первую очередь «олигархическая» форма власти, является главной проблемой и тормозом развития страны. Однако не следует забывать, что действия и поступки реформаторов часто носили спонтанный характер и были во многом вынужденными в условиях тотального системного кризиса в агонирующем СССР, когда времени на поиск более «щадящих», постепенных путей реформирования уже не оставалось. В то же время массовое сознание склонно забывать исторический контекст, многое мифологизировать, упрощать.

И это вполне естественно, учитывая, что в сжатые сроки менялось практически все: экономический и политический строй, власть, привычный уклад жизни и т.д. Тем важнее оглянуться на события 20-летней давности, посмотреть на них глазами современных поколений россиян. Также чрезвычайно важным представляется проанализировать то, как эти перемены сказались на жизни наших сограждан, их социальном и материальном благополучии, возможностях самореализации, эволюции их мировоззренческих установок, национальной самоидентификации, взглядов на окружающий мир, роль и место в жизни общества государства, демократических институтов и норм и т.д.

С целью выявления восприятия россиянами опыта реформирования экономической, социальной и политической жизни общества за последние 20 лет, тех сдвигов, которые произошли в самом обществе за эти годы, в апреле 2011 г. Институт социологии РАН провел общероссийское социологическое исследование «Двадцать лет реформ глазами россиян». Вместе с тем эмпирической базой настоящего исследования послужили результаты исследования, проведенного ИС РАН в 2001 г. «Новая Россия: десять лет реформ». Поскольку исследования осуществлялись по однотипной модели, в настоящем докладе имелась возможность проведения

сопоставительного анализа, раскрывающего не только нынешнее состояние массового сознания, но и тенденции его развития, особенности проявления на различных этапах реформ. Речь идет о двух периодах в жизни страны: 1990-х и 2000-х годов.

Итак, можно говорить о следующих основных выводах вышеупомянутых исследований.

1. Посткоммунистическая трансформация России, включая экономические реформы Ельцина–Гайдара, поначалу была позитивно воспринята обществом. В первую очередь это было связано с высоким уровнем ожиданий и доверия к Б. Ельцину в тот период. Однако уже вскоре сторонники реформ оказались в меньшинстве. Позитивное к ним отношение сегодня высказывают чуть более трети опрошенных (34%), а десять лет назад их было еще меньше (28%). В то же время молодая активная часть населения начинает чувствовать взаимосвязь между собственными достижениями и реформами 90-х. В целом же исследование показало, что острота отрицательного отношения к ним постепенно ослабевает, сменяясь сожалением об упущенных в 1990-е годы возможностях. Большинство россиян (около 70% опрошенных) не склонны соглашаться с точкой зрения инициаторов реформ о безальтернативности предпринятых в начале 90-х мер, обусловленных глубиной экономического и политического кризиса. Истинная цель реформ, по мнению большинства, состояла не в скорейшем преодолении экономического кризиса, а в интересах как самих реформаторов, так и стоявших за ними общественных групп, стремившихся к переделу в свою пользу бывшей социалистической собственности. Именно этими целями во многом объясняется и свертывание возможностей влияния общества на принятие политических решений. Точку зрения реформаторов разделяют те группы россиян, которым удалось повысить свой материальный уровень и социальный статус и для которых результат реформ – важнее их изначальных целей.

2. Реформы 1990-х, по мнению россиян, привели к ухудшению положения дел буквально во всех сферах жизни общества и страны как в экономике, так и в политике и социальной сфере. Определенная часть населения склонна видеть «плюсы» в процессах, связанных с демократизацией, свободой слова, правами человека. Лишь корректировка курса реформ, связанная с именем В. Путина, привела к смене однозначно негативного тренда 90-х годов. Прежде всего, это относится к экономике, уровню жизни населения и особенно внешней политике. В то же время фиксируется нарастание в 2000-е годы негатива, связанного с ростом коррупции, бюро-

кратического засилья, а также деградации социальной сферы. Наряду с этим идет постепенное, хотя и не ярко выраженное, переосмысление россиянами основных достижений и неудач реформ в общезначимом и личном аспектах. На передний план заметно чаще, чем десять лет назад, выходят достижения, связанные с формированием в России «общества потребления» (некоторый рост благосостояния, насыщение рынка товарами и уход в прошлое экономики дефицита, свобода выезда за рубеж). Напротив, респонденты гораздо реже отмечают значимость обретенных в начале 1990-х годов демократических прав и свобод. Когда речь идет о приобретениях и потерях в личном плане, то здесь респонденты отметили, что, с одной стороны, реформы открыли новые возможности для самореализации, профессионального и карьерного роста, занятия предпринимательской деятельностью, участия в общественно-политической жизни. Но с другой стороны, по мнению большинства респондентов, «освоить» эти возможности смог сравнительно узкий круг людей, в то время как для многих россиян они остались либо труднодостижимыми, либо даже сократились.

3. Два десятилетия, прошедшие с начала реформ 90-х, оказались богатыми на знаковые для страны события, большая часть которых была воспринята обществом неоднозначно. В отношении событий 90-х годов преобладают негативные оценки. Это касается распада СССР, силового разгона Верховного Совета РФ в 1993 г., войны в Чечне, приватизации государственной собственности в середине 90-х, экономического кризиса, приведшего к дефолту в 1998 г. «Особое», скорее, позитивное мнение о многих из этих событий имеют сторонники либеральных взглядов, которые, впрочем, составляют незначительную часть населения страны. Основные «вехи» первого десятилетия XXI в. воспринимаются менее конфронтационно. Хотя к таким событиям, как монетизация льгот, зажим СМИ, к действиям российских властей в период кризиса 2008–2009 гг., достаточно большое число россиян относится скорее со знаком «минус».

4. Лидеры страны (СССР и России) 1990-х годов – М. Горбачёв и Б. Ельцин – продолжают восприниматься большинством общества негативно (кроме части общества, придерживающейся либеральных взглядов), а последующего десятилетия – В. Путин и Д. Медведев – напротив, позитивно, причем всеми группами общества, в чуть меньшей степени – пожилыми россиянами, сторонниками коммунистических взглядов. Исследование

показало, что за последние десять лет рейтинг В. Путина не только не снизился, а вырос. Что касается Д. Медведева, то его политика воспринимается как продолжение курса В. Путина.

5. Социально-психологическое состояние россиян все в меньшей степени детерминируется условиями микроуровня (возраст, доход, текущие жизненные проблемы) и все в большей степени начинает зависеть от факторов, связанных с их оценкой легитимности сложившейся в России модели социума. В целом социально-психологическое состояние россиян, с одной стороны, характеризуется стабилизацией положительно окрашенных чувств и надежд на улучшение ситуации в будущем, а с другой стороны – ростом распространенности чувства несправедливости происходящего, стыда за нынешнее состояние страны, собственной беспомощности. Естественным следствием этого выступает и быстрый рост среди россиян чувства агрессии.

Агрессивные умонастроения, порождаемые общей неудовлетворенностью сложившимся в России типом социума, вероятнее всего приобретут националистическую окраску и могут вызвать, в случае перехода от настроений к реальным действиям, серьезные столкновения на национальной почве. Учитывая скорость нарастания агрессивных чувств и пространственную локализацию их носителей, развитие событий по такому сценарию очень вероятно. Особо рискованной в этом отношении представляется ситуация в Москве.

6. Наибольшую тревогу у россиян вызывает кризис системы ЖКХ и рост жилищно-коммунальных платежей. Однако если рассмотреть динамику отношения россиян к различным явлениям и процессам в жизни страны, которые кажутся им наиболее тревожными, то лидером является все же не «коммуналка», а проблема коррупции и засилья бюрократии. Причем наиболее значимым объективным фактором, влияющим на распространенность соответствующих тревог, выступает не столько принадлежность к той или иной социальной группе, сколько регион проживания. Это еще раз свидетельствует о глубокой неоднородности России в региональном разрезе. Если говорить не о тревогах россиян, а о тех проблемах, которые мешают им жить, стоит отметить низкую долю тех, кто считает, что живет нормально – это всего около четверти населения. Главными среди проблем выступают, прежде всего, низкий уровень жизни и отсутствие социальных гарантий по болезни, старости, безработице и инвалидности. Не случайно среди потерь, которые лично им принесли реформы последних деся-

тилетий, безусловным лидером стала утрата уверенности в завтрашнем дне.

7. Исследование показало рост неудовлетворенности многих россиян своей жизнью на фоне некоторого улучшения их материального положения (рост среднедушевых доходов только за последний год примерно на 1,5 тыс. рублей на человека в месяц). Видимо, с началом кризиса россияне признали необходимость «затянуть пояса», но рассчитывали, что страна извлечет из него уроки на будущее, или что он коснется всех в более-менее равной степени. Однако реальность оказалась иной – вся тяжесть кризиса оказалась, по мнению населения, возложена на рядовых граждан, а из острой фазы кризиса страна вышла лишь с усугубившимися негативными тенденциями своего развития, прежде всего – со все усиливающейся коррупцией. Население ответило на это ухудшением своего социально-психологического состояния и ростом общего уровня недовольства жизнью, невзирая на стабилизацию своего материального положения. Обобщением россиянами своей личной ситуации в пореформенной России выступает их оценка собственного выигрыша или проигрыша от реформ двух последних десятилетий. Доля считающих себя выигравшими от них очень мала (всего 10%) и в два с половиной раза меньше, чем доля считающих себя проигравшими. Еще около трети остались, что называется, «при своих» – не выиграли и не проиграли. Такова итоговая оценка, поставленная россиянами последним 20 годам истории нашей страны.

8. Судя по результатам исследования, изменения социального статуса россиян за последние 20 лет имели позитивную динамику. Однако быстрый рост социальных притязаний наших сограждан, обусловленный колоссальной и все углубляющейся социальной дифференциацией и нарастанием социального неравенства, сводит «на нет» достижения последних лет, так как разрыв между реальным и желаемым статусом для большинства россиян не только сохраняется, но и нарастает. Самооценки россиянами своих достижений в различных сферах жизни говорят о том, что относительно больше шансов на достижение успехов у них на микроуровне – в семье, сфере дружеского общения, досуговой сфере. Однако и в частной, приватной жизни им удастся далеко не все. Многие не удовлетворены отсутствием возможностей заниматься любимым делом, дефицитом свободного времени. Еще хуже ситуация складывается с тем, что связано с местом россиян в макросоциуме. Сколько-нибудь массовыми можно считать лишь

такие их достижения, как получение хорошего образования (которым могут похвастать, по самооценкам, 46% опрошенных). Все остальные достижения (престижная работа, карьера, наличие собственного бизнеса и т.д.) характеризуют небольшую часть наших сограждан, хотя значимость их в системе ценностей населения страны растет.

9. Ухудшение социального самочувствия многих наших сограждан обусловлено в значительной степени сужением каналов социальной мобильности, в том числе и горизонтальной. Возможности самостоятельно, за счет смены места жительства, улучшить свое положение в обществе у россиян сегодня практически отсутствуют. Немногие исключения характерны, прежде всего, для части горожан, переехавших в села, а также горожан из крупных городов, переезжающих в города с меньшей численностью населения. Однако вектор внутрисоветской миграции носит обратный характер – большинство мигрантов едут в более крупные населенные пункты, чем те, в которых они выросли. Межпоселенческая мобильность в разной степени характерна для разных поколений россиян, и, как правило, переезды в другой населенный пункт совершаются в возрасте до 30 лет. Однако нынешняя молодежь хотя и демонстрирует высокие показатели мобильности (13% переехавших на нынешнее место жительства за последнее десятилетие в группе до 30 лет), все же характеризуется более низкими показателями мобильности, чем возрастные группы старше 40 лет в период их молодости. Это говорит о недоиспользованности потенциала мобильности российской молодежи и сомнительности идеи о необходимости массового импорта в Россию рабочей силы из-за рубежа в условиях, когда в стране есть огромный внутренний ресурс перераспределения уже имеющейся в ней рабочей силы. Если же говорить о миграции из России, то потенциал ее очень велик и серьезно вырос за последние десять лет. Сегодня уже около половины населения страны хотели бы уехать из России с разными целями, причем в группе до 30 лет доля таковых еще больше. Навсегда хотели бы уехать 13% россиян. Это в два раза больше, чем десять лет назад. Еще 35% готовы уехать за рубеж «на заработки». Желание более трети всех работающих россиян превратиться в гастарбайтеров – яркое проявление неблагополучия на российском рынке труда, позволяющее глубже понять причины недовольства наших сограждан сложившейся в стране ситуацией.

10. Помимо сдвигов в социально-экономических условиях жизни россиян существенные изменения претерпели и их миро-

воззренческие установки. Вместе с распадом СССР рухнула идеологическая гомогенность советского типа. Но на смену ей пришел не столько «положенный», согласно теории, плюрализм, сколько нарастающая хаотизация ментального пространства. У разных социальных и социально-демографических групп, равно как и у территориальных образований, не исключая очень мелкие, стали появляться совершенно обособленные интересы, а вместе с ними и собственные мини-идеологии. Однако к началу 2000-х годов появились идеи, которые могут претендовать на статус общезначимых. Это – единение народов России с целью ее возрождения как великой державы, укрепление правового государства и объединение усилий всех народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Обращает на себя внимание рост числа сторонников социалистических идеалов. Это значит, что распространение социалистических убеждений среди россиян связано уже не столько с сохраняющимся у части населения советским опытом, сколько с негативными сторонами жизни в современной России и накоплением жизненного опыта вообще.

Данные проводившегося на протяжении всего периода реформ социологического мониторинга показывают, что ценностные ориентации российского общества достаточно устойчивы. Причем в их палитре заметное место занимают ценности свободы, справедливости, понимаемой как равенство возможностей, труда, патриотизма. Безусловно, новые образы и идеи, которые очень активно продвигались реформаторами в информационное пространство, повлияли на массовое сознание, в особенности на молодежь. Однако это влияние выразилось лишь в некоторых колебаниях «ценностной кардиограммы», не меняющих общую иерархию ценностей и распределение в обществе ценностных предпочтений различного типа. При наличии общего «ценностного консенсуса» различных поколений (существующего несмотря на некоторые возрастные особенности тех или иных групп, в частности традиционные для молодежи оптимизм и амбициозность) пореформенная молодежь в существенно меньшей степени демонстрирует конформистские жизненные установки. Поэтому в прошедших за последние 20 лет реформах она видит больше плюсов, чем остальное население, и главные из этих плюсов для нее – появление возможностей для самовыражения и построения карьеры. В структуре мировоззренческих установок россиян особое место занимает восприятие ими роли государства. Соглашаясь с тем, что она должна быть ключевой не только в экономической, но и в социальной

сфере, население не готово поддержать ни либеральные модели социальной политики, при которых вмешательство государства в социальную сферу минимально; ни свободную рыночную экономику, при которой все зависит от частных акторов. В социальной сфере как оптимальная в представлениях населения в последние годы преобладает модель, при которой государство обеспечивает всем определенный минимум, а остального каждый добивается сам. Однако симптоматичным представляется рост поддержки модели социального равенства, обеспечиваемого государством, который наблюдается в обществе в последние годы. Возможно, частично он связан с ростом запроса на равенство перед законом, правовое равенство и равенство возможностей для всего населения. В основе оптимальной экономической модели страны, по мнению россиян, должна быть смешанная экономика с ведущим государственным сектором. Все стратегические отрасли экономики должны быть под контролем государства, а частное управление теми или иными организациями должно обязательно совмещаться с государственным контролем за ними. Представления россиян о роли государства в социальной и экономической сферах дифференцируются в зависимости от их возраста, уровня образования, типа поселения и других факторов. Однако запрос на ведущую роль государства в этих сферах все же является преобладающим практически во всех группах населения – различаются, скорее, представления разных групп о возможных формах и степени реализации этой роли.

12. Что же касается отношения россиян к демократическим ценностям и институтам, то его можно охарактеризовать как «благожелательный скептицизм», т.е. благожелательное отношение к самой идее демократии как оптимальной форме организации общественной жизни и крайне скептическое, а иногда и негативное отношение к большинству институтов, которые эту идею призваны претворять в жизнь (выборы, парламентаризм, многопартийность, свобода слова и т.п.). Уровень интереса большинства россиян к политической жизни страны по-прежнему низок. Однако есть симптомы, свидетельствующие о некотором оживлении общественной активности, главным образом на локальном уровне. Косвенно это подтверждает тот факт, что сегодня востребованность инструментального потенциала демократии (акции прямого действия: митинги, демонстрации, забастовки, обращения в суд, в СМИ и т.п.) заметно превосходит показатели десятилетней давности.

13. В декабре 2011 г. исполняется 20 лет с того дня, когда прекратил свое существование Советский Союз. Россияне не склонны представлять себе СССР ни в виде демонической «империи зла», ни в романтическом образе «первопроходца» или тем более «весны человечества» (как выразился когда-то Маяковский). Преобладают же в обществе не геополитические и идеологические оценки, а взгляд сквозь призму человеческих судеб. В этом плане распад СССР чаще всего воспринимается как общая беда миллионов людей, живущих в республиках бывшей союзной державы. В такой оценке солидарны и бедные, и богатые, и молодые, и пожилые россияне. Рост патриотических умонастроений привел к переосмыслению в массовом сознании вопроса не только о своеобразии России, но и о ее роли и месте в мире. Решающим фактором, определяющим отношение «среднего» российского гражданина к международной политике, различным странам мира, являются не эмоционально окрашенные идеологические мотивы, какими руководствовалось общество в начале 90-х годов прошлого века, а прежде всего соображения безопасности. Среди главных угроз современной России респонденты называют международный терроризм и мировой экономический кризис. Охлаждение россиян к большинству стран Запада в период войны с Грузией носило краткосрочный характер и к настоящему времени практически преодолено. За исключением США, отношение к которым по-прежнему негативное.

14. Распад СССР, помимо новых представлений о месте России в мире, дал толчок к формированию новой российской идентичности. К 2011 г. российская идентичность стала не только самой распространенной (ее отметили 95% опрошенных) среди наиболее значимых идентичностей, но и ощущение связи с ней стало наиболее сильным, оно выросло вдвое. При этом 90% населения по-прежнему сохраняет идентичность по национальности и по месту жительства. Однако сильную связь по национальному и локальному признаку чувствуют 50–60%, а с российскими гражданами – 72%. При таких высоких показателях распространенности и российской, и этнической идентичности теряет остроту вопрос их конкурентности и подтверждается их совместимость. Кажется бы, подобные данные свидетельствуют о высокой интегрированности общества и надуманности темы о сепаратизме и разобщенности населения страны. И в чем-то это действительно так. Но важны основания интегрированности. Исследование показало, что солидаризация в немалой мере основана на обидах. Свыше 60%

респондентов присоединились к мнению: «Люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет». Среди русских это мнение разделяют больше, чем среди других национальностей – 64 против 44% соответственно. Сплачивает обида за выход из Союза народов бывших Союзных республик, обида за критику пережитого прошлого, которое совсем недавно представлялось светлым будущим. За 20 лет реформ эти обиды не ушли из сознания людей. Они получили дополнительную подпитку за счет тех чувств, которые переживают и другие народы в Европе, в тех странах, в которых имел место значительный и быстрый приток инокультурного населения. То, что государство – общий дом для российских народов, и все они должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ, остается наиболее распространенным мнением. Но с каждым годом оно становится все менее поддерживаемым. В 90-е годы это было мнение очевидного большинства (65%), а в 2000-е годы – только половины россиян (47%).

15. Данные проведенного исследования рисуют тревожную картину. Половина респондентов фиксировала, что в их местности бывают столкновения на почве национальной неприязни, а 68% откровенно признались, что испытывают раздражение по отношению к представителям других национальностей. Обнадеживает то, что около 90% русских и нерусских считают, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо». В то же время 41% респондентов согласились с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа». Причем среди русских такие настроения распространены не меньше, чем среди других национальностей (43 и 34% соответственно). Это новая ситуация 2000-х годов. В 90-е годы подобные настроения намного чаще встречались именно у нерусских. Нынешние ответы русских вполне согласуются с актуализацией у них этнонационального самосознания. Растущая российская идентичность, совмещенная с этнической идентичностью, интегрирует людей, но и заставляет задуматься о справедливости существующей системы распределения ресурсов, солидаризирует против несправедливостей.

16. Два десятилетия реформ стали серьезным испытанием для морально-нравственных устоев общества. После того как государство фактически сложило с себя роль морального «наставника», а другие общественные институты не смогли или не захотели на себя эту роль принять, россияне оказались перед свободным выбором морально-нравственных ориентиров. И многие сделали

выбор в пользу отказа от лишнего «морального бремени», поскольку игнорирование традиционных моральных предписаний стало в ряде случаев экономически и социально выгодным. Естественно, это очень беспокоит многих наших сограждан. Каждый третий опрошенный ухудшение морального состояния общества оценил как одно из самых негативных явлений на протяжении двух десятилетий реформ. Несмотря на столь критичные оценки развития ситуации в сфере общественной морали, для большинства наших сограждан по-прежнему актуальны традиционные ценности и смыслы, нормы обыденного поведения. Россияне декларируют приверженность традиционным нормам в отношении большинства поступков и явлений, которые принято считать аморальными или, по меньшей мере, неэтичными (в их числе употребление наркотиков, гомосексуальные отношения, использование сексуальных связей для достижения корыстных целей, уклонение от налогов, дача взяток). Более того, сегодня актуальность большинства моральных норм заметно выше, нежели десять лет назад, и тем более – по сравнению с 1990-ми. В то же время исследования ИС РАН выявляют релятивизм опрошенных в отношении некоторых сфер, которые регулируются не законом, а только общественной моралью (например, сознательный обман для достижения корыстных целей). Кроме того, исследования фиксируют проявление сравнительно нового для России явления – мультиморальности, когда люди, существуя в рамках своей моральной матрицы, признают право других людей жить по их собственным законам. Тем не менее сам факт обеспокоенности состоянием морально-нравственного климата в обществе, переживание за потерю обществом его моральных традиций, которую многие россияне сегодня демонстрируют, – это не столько констатация утраты норм и традиций, сколько признак того, что общество и его граждане остро чувствуют их необходимость.

17. Одна из немногих сфер, где действительно ощутим большой прогресс, – это сфера досуга. Несмотря на то что многие россияне ощущают дефицит свободного времени, его проведение, судя по опросам, носит достаточно насыщенный, разнообразный характер. Все чаще его основу составляют различные внедомашние формы активности, направленные на общение, развлечения, саморазвитие. Большинство россиян (51%) по-прежнему практикуют традиционные формы досуга, которые предполагают отдых на «домашней территории» либо общение в рамках ближнего круга (родственники, друзья) вне дома. Однако уже немало и тех

(39%), кто предпочитает активный внедомашний досуг с множеством развивающих, развлекающих, культурных, рекреационных, общественных компонентов. Основными факторами, определяющими качество досуга, а с ним и качество жизни в целом, являются материальная обеспеченность, социальный статус, место проживания. Люди с высокими самооценками материальной обеспеченности, стоящие на высших ступенях социальной лестницы, жители крупных городов проявляют выраженный интерес к своему свободному времени и насыщают его разнообразными формами активного досуга, направленного на культуру и саморазвитие, развлечения и спорт. Низкая же материальная обеспеченность и проживание в малых поселениях, особенно селах, снижают интерес и возможности людей в сфере досуга, обедняют и опрощают его. Одним из возможных факторов развития досуга – его содержательного наполнения и видового разнообразия – может стать пользование ПК и Интернетом. Исследование показало, что россияне, имеющие возможность ими пользоваться, проводят свое свободное время заметно более содержательно, чем остальные, чаще практикуют активный досуг, направленный на саморазвитие и культуру, на развлечения и спорт. С учетом того, что компьютеры и Интернет все увереннее входят в жизнь представителей самых разных групп и слоев населения (в том числе пожилых людей, плохо материально обеспеченных, живущих в небольших поселениях), можно предположить, что досуг россиян будет становиться все более разнообразным и насыщенным.

В заключительном разделе исследования, посвященном перспективам развития страны, особенно отчетливо выявилось неоднозначное, двойственное отношение россиян к нашему недавнему прошлому, настоящему и будущему. С одной стороны, большинство опрошенных (около 60%) считают, что вектор развития, который был избран после крушения коммунизма, в целом верен; и рано или поздно страна выйдет на траекторию устойчивого экономического и политического развития. Хотя немало и тех (около 40%), кто убежден, что путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик. С другой стороны, больше половины опрошенных (54%) полагают, что Россия, ее экономика потеряла динамизм, и отставание нашей страны от ведущих держав мира будет только нарастать.

В настоящий период лишь 17–18% опрошенных верят в возможность того, что в течение ближайших 5–10 лет Россия войдет в число ведущих экономически развитых стран мира, станет страной

развитой демократии. Отсюда некоторый рост сторонников перемен, более решительных мер по модернизации экономики, политической и социальной сфер. И это несмотря на то, что сторонники стабильности продолжают преобладать, хотя и не со значительным перевесом (57% против 42%). А вот среди молодежи поддержка идеи модернизационного прорыва выглядит уже достаточно выраженной. Пока это слабо проявляющаяся тенденция. Но как показывает исторический опыт, когда запрос на перемены начинает овладевать умами людей, причем в молодых и активных группах, подобный запрос, так или иначе, начинает пробивать себе дорогу.

*«СоцИс: Социологические исследования»,
М., 2011 г., № 11, с. 3–11.*

А. Глухова,

политолог (Воронежский государственный университет)

АРАБСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ВНУТРИРОССИЙСКУЮ ПОЛИТИКУ

Весна 2011 г. неожиданно ознаменовалась событиями, предвидеть которые не смогли даже самые искушенные аналитики. Ряд арабских стран Северной Африки, начиная с Туниса и заканчивая Ливией, неожиданно резко оказались дестабилизированы волной народных протестов против правящих политических режимов, имевших – несмотря на республиканскую (президентскую) систему правления – фактически наследственно – династический характер. Очередная демократическая волна, если пользоваться терминологией С. Хантингтона, со стремительностью политического цунами накрыла исламский мир, поставив перед аналитиками целый ряд непростых проблем. Первая из них состоит в следующем: как вписать эти события в логику третьей волны демократического транзита, начавшейся в середине 70-х годов прошлого века? Имеем ли мы дело с четвертой демократической волной или субволной в рамках единого трансформационного процесса? Или данная неожиданная волна имеет собственное, арабское происхождение и собственную уникальную природу? Последний вопрос корреспондирует с высказанной специалистами (в первую очередь, С. Хантингтоном) еще в начале 1990 г. версией о том, что демократический процесс не в состоянии преодолеть исламские басины по причине полного несовпадения ценностных оснований

исламской и западной цивилизаций. Тем не менее демонстранты на площади Тахрир в Каире, как и на других столичных площадях арабских государств, требовали свободы слова, собраний, справедливости в распределении доходов, политического представительства и т.д., что вполне можно расценивать как демократические требования. Иными словами, демократические ветры достигли и границ исламского мира.

Логичен вопрос о том, каковы причины этих процессов. По всей видимости, мы имеем дело с комплексом причин, обусловивших своего рода кумулятивный эффект, пагубный для авторитарных правителей этого региона. Следует обратить особое внимание на институциональный контекст развертывавшихся процессов, каковым является характер политического режима. Применительно к рассматриваемым странам чаще других звучит определение «загнивающий полуавторитарный режим», автором которого является американская исследовательница М. Оттауэй. Еще в начале 2000-х годов она относила к этой группе стран Египет и Азербайджан (в отношении последнего сегодня все чаще звучат прогнозы по поводу аналогичных событий в недалеком будущем). Сам факт пребывания у власти на протяжении 30–40 лет и твердое намерение передать ее в руки наследников свидетельствует о безраздельной самоуверенности действовавших правителей, что вкупе с коррупцией, невиданным личным обогащением привело к взрыву народного недовольства.

Вместе с тем наряду с политическим фактором существуют и другие глубинные основания возникших макроконфликтов, в частности экономические факторы. В последние полвека и особенно в два-три последних десятилетия арабы переживали кризис, продолжающийся и сегодня. Причины этого кризиса многоплановы: война с Израилем, усиление влияния религиозных экстремистов, растущая социальная несправедливость, особенно на фоне коррупции многих властных структур и их стремления подавить инакомыслие, а также увеличивающаяся разница между богатыми и бедными. Темпы экономического развития большинства из 22 стран – членов Лиги арабских государств серьезно замедлились и оказались самыми низкими на планете. Практически треть населения на Арабском Востоке неграмотны и почти столько же живет не более чем на 2 долл. в день. Отставание арабского мира особенно заметно на фоне хозяйственных успехов стран Восточной и Юго-Восточной Азии, которые, стартовав с примерно равных позиций, ныне оставили арабов далеко позади себя. И это несмотря

на тот факт, что именно на Ближний Восток приходится почти 2/3 запасов энергоносителей и себестоимость добычи черного золота здесь практически на порядок ниже, чем, скажем, в России.

Ситуативные причины: в их числе серьезные социальные проблемы, возникшие вследствие мирового финансово-экономического кризиса, в первую очередь безработица, ударившая не только по беднейшим слоям населения, но и по благополучному среднему классу – служащим банков, госучреждений и т.д. Особенно болезненно эти испытания были восприняты молодежью, для которой разом закрылись возможности профессионального роста, восходящей мобильности и т.д. Не случайно именно молодежь («фейсбукская молодежь», по определению некоторых наблюдателей), стала главной движущей силой протестных движений.

Стоит сказать и о том, что демографический фактор, т.е. нарастание в социальной структуре населения удельного веса молодых людей, давно привлекает к себе внимание исследователей. Изменения в демографическом балансе населения рассматриваются как фактор не только внутренней, но и международной политики. Численный рост одной группы порождает политическое, экономическое и социальное давление на другие группы и вызывает ответное противодействие. Что еще более важно, это вызывает военное давление на демографически менее динамичные группы. Так, на Шри-Ланке пик сингалезского националистического мятежа в 1970-х годах и тамильского восстания в конце 1980-х годов в точности совпал с годами, когда «молодежная волна» людей от 15 до 24 лет в этих группах превосходила 20% от общей численности группы. Практически все сингалезские повстанцы были не старше 24 лет, а «Тигры Тамила», как сообщалось, были уникальны в своем роде, поскольку опорой им служила, по сути, детская армия, ряды которой пополняли мальчики и девочки, едва достигшие одиннадцати лет. Как отмечал влиятельный английский журнал «Экономист», тигры вели «войну несовершеннолетних». Аналогичным образом конфликты и даже войны по линии разлома между различными этническими группами подпитывались значительной разницей в приросте населения. В 1980-х годах Чечня была одной из самых густонаселенных территорий в России; численность чеченцев увеличилась на 26%. Высокая рождаемость в республике привела к появлению переселенцев и боевиков. Не являются исключением и сложные, драматичные процессы, приведшие к межцивилизационным войнам в бывшей Югославии. У них также было много причин и много отправных точек. Однако весь-

ма вероятно, что самым важным фактором были демографические изменения в Косово. К 1980-м годам около 50% албанцев находились в возрасте менее 20 лет. Изменявшийся демографический баланс привел к тому, что албанцы выдвинули требование о повышении статуса Косова до статуса Югославской Республики. Этническая экспансия одной группы привела к этническим чисткам со стороны другой. Таким образом, изменения в демографических соотношениях и «молодежные пики» в 20% или более «ответственны» за многие межцивилизационные конфликты конца XX столетия.

Немаловажной представляется также роль морального фактора. Здесь существенную роль сыграл канал «Викиликс», предавший огласке факты коррупции правящих кругов, размер огромных богатств, накопленных правящими династиями. Это стало своего рода информационным взрывом, потрясшим сознание миллионов людей. Вкупе с экономическими проблемами, вызванными глобальным финансовым кризисом, разоблачительные публикации внесли свою лепту в формирование всеобщего недовольства и массовую протестную мобилизацию.

Сейчас на авансцену арабской политики четко выходят три основные силы. Это молодежь, которую поддерживают, как правило, светские оппозиционные партии, а также вооруженные силы и исламисты, которые по степени влияния в обществе в случае действительно свободных демократических выборов, по разным оценкам, в состоянии собрать не менее трети всех голосов. При этом молодые образованные люди уже никогда не смиряются с ролью статистов – простых наблюдателей политических процессов, они требуют обеспечения своего реального участия в политическом процессе и управлении государством. По мнению специалистов, конкретные пути этих революционных преобразований будут различными и в немалой степени будут зависеть от практического соотношения сил, умения выдвинуть отвечающие духу момента и потребностям масс лозунги и убедительно их обосновать. «Однако арабский мир уже никогда не будет прежним, а темпы реформ будут только набирать силу», – считает директор Центра партнерства цивилизаций МГИМО (У) МИД РФ В. Попов.

Серьезная проблема заключается в идентификации событий. Что это было: социальные революции, политические революции, молодежные революции (по составу участников) или инспирированные из-за рубежа подрывные действия в отношении легитимных правительств? В отечественной литературе, появившейся по

свежим следам анализируемых событий, можно встретить и последние, вполне конспирологические версии случившегося.

Однако отечественные эксперты – востоковеды придерживаются иных, более академических взглядов и оценок. В частности, по мнению В. Наумкина, директора Института востоковедения РАН, события в арабских странах почти на 100% имеют социальный, а не религиозный подтекст. В Тунисе, например, исламистское движение является очень слабым, никакого религиозного следа там не отмечено. «Я бы сказал, что это молодежная революция. На Ближнем Востоке появился такой термин – “фейсбукская молодежь”. Другое дело, что духовенство и исламские организации могли поддержать это движение, в том числе в своих проповедях, – считает В. Наумкин. – В Египте, может быть, самое организованное движение “Братья-мусульмане” принимало участие в этом. Но ни по лозунгам, которые произносили эти массы людей, ни по составу этого движения нельзя сделать заключения, что там исламисты играли ключевую роль... Если говорить о Ливии, то события там связаны с внутренними, межплеменными отношениями, с усталостью страны от режима Каддафи, не говоря уже о такой социальной болезни, как безработица, которой поражено 30% населения. Поэтому говорить сейчас об исламской угрозе абсолютно неконструктивно и бесплодно».

По мнению другого эксперта, Г. Мирского, главного научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН, «это самая настоящая социальная революция, потому что на выступление против правящего режима огромные массы людей толкнуло недовольство огромным разрывом между верхушкой и обществом, коррупция, произвол, грубое поведение полиции, отсутствие свободы слова».

Силантьев, исламовед, зампреда Экспертного совета по государственной религиоведческой экспертизе при Минюсте России, также считает, что события в арабских странах носят смешанный характер. «Люди вышли на улицу из социального протеста, а использовать это в своих целях могут исламисты. Вопрос непростой, и, главное, неясно, к чему все это приведет». Проректор Дипломатической академии МИД России Е. Бажанов подчеркивает, что оппозиция подпитывалась, прежде всего, усугублением внутри мусульманских государств социальных язв: имущественным расслоением, коррупцией, бедностью, безработицей, преступностью. Ее провоцировала также политика США – потакание Израилю, военное вторжение в Афганистан и Ирак. «Вся эта го-

рючая смесь инстинктов, интересов, эмоций, фобий клокотала внутри арабского котла и, в конце концов, прорвалась на поверхность. А далее, как и следовало ожидать в век умопомрачительных информационных технологий, вспыхнувшее в одном месте бунтарское пламя стало разлетаться по всем азимутам. Миллионы и миллионы людей, потеряв от отчаяния всякий страх, вступили в рукопашные бои с опостылевшими властями»

Эксперты оказались единодушны в том, что исламизация региона возможна, но не является единственным реальным вариантом развития событий. По мнению старшего научного сотрудника ИМЭМО РАН А. Умнова, опыт иранской революции 1978 г. породил представление о том, что любое массовое оппозиционное движение в мусульманских странах возможно только под знаменем фундаменталистского ислама. Более того, демократизация государства в этих условиях равнозначна его исламизации. «Недавним подтверждением правильности подобной тактики казались результаты всеобщих выборов в Газе, принесших победу фундаменталистам из ХАМАС», – отметил эксперт.

Однако подобные утверждения игнорируют весьма существенные отличия шиизма, господствующего в Иране, и суннизма, доминирующего почти во всех странах Арабского Востока. В шиитском Иране фундаменталистское духовенство смогло объединить под своим руководством народное движение против существующей власти. «В суннитских же странах духовные лица не только в силу каких-то местных условий, но и в принципе не могут этого сделать», – уверен эксперт. Вместе с тем А. Умнов предостерегает, что разочаровавшись в «парламентских» средствах борьбы, экстремистское крыло фундаменталистов может вновь попытаться «пробудить народ» террористическими акциями. Этот прогноз разделяют и другие эксперты.

Что означают указанные процессы для России?

В конце февраля 2011 г. президент Д. Медведев на совещании с членами Национального антитеррористического комитета во Владикавказе предположил, что революции в арабских странах будут оказывать «прямое воздействие» на ситуацию в России, но «этот сценарий не пройдет». Решение проблемы терроризма, по словам президента, зависит от развития Северокавказского региона и «максимальной поддержки российского ислама». Несколько днями позже премьер-министр В. Путин на пресс-конференции

в Брюсселе отметил: «Несмотря на успокаивающие тезисы по поводу того, что приход к власти или усиление влияния радикальных групп в североафриканских странах маловероятен, все-таки нас это беспокоит». Первый вице-премьер российского правительства И. Шувалов, выступая на конференции «Россия и мир: В поисках инновационной стратегии», предрек арабским странам безрадостное будущее, заявив, что скоро они узнают, что бывает после революций.

Из этих высказываний следует, что российская правящая элита внимательно следит за событиями на Арабском Востоке и продумывает возможные профилактические меры для недопущения ничего подобного в России. Весь вопрос заключается в том, насколько адекватно она оценивает сложившуюся ситуацию и насколько глубоко воспринимает те причины, которые привели к политическим потрясениям в Северной Африке и на Ближнем Востоке. По мнению экспертов, сейчас совершенно очевидно наблюдаются попытки преувеличить роль исламистов в тех событиях, которые имеют место на Ближнем Востоке. «Я считаю, что очень контрпродуктивно перекладывать ответственность за то, что происходит у нас на Северном Кавказе, на зарубежные исламистские круги», – подчеркивает В. Наумкин.

Вместе с тем в России налицо те структурные факторы, которые вызвали к жизни протестную волну, и именно их следовало бы принять в расчет российским властям. В частности, имеют место те же социальные причины для недовольства: бедность, чудовищное социальное расслоение, отсутствие полноценных социальных гарантий, засилье чиновничьей бюрократии, которая не дает молодежи реализовать себя, сделать карьеру и т.д. Сопутствующим является моральный фактор – чудовищная социальная несправедливость, вызывающая роскошь, выставляемая напоказ, безнаказанность преступных группировок, пользующихся покровительством правоохранительных органов, и т.д. Тот факт, что в год финансово-экономического кризиса Россия – вопреки мировой тенденции! – стала лидером по числу долларовых миллиардеров, говорит сам за себя.

Особую роль играют политические причины, в частности, застой в правящей элите, сопровождаемый гигантскими масштабами коррупции и откровенного воровства. В последние годы все отчетливее наблюдается тенденция к блокированию каналов восходящей вертикальной мобильности, что свидетельствует о стремлении правящего класса к «капсулированию» политического ре-

жима (А. Соловьёв), отказу впускать в его ряды новых молодых и энергичных людей, не принадлежащих к системе. Институты гражданского общества, которые в развитых демократических странах выступают своего рода страховочной сеткой на случай непредвиденных форс-мажорных обстоятельств, в российских условиях крайне слабы и не в состоянии будут справиться с этой ролью. Кроме того, сама власть видит в них соперников и создает для их деятельности всевозможные препятствия.

Однако закон сменяемости поколений в политике никто не отменял, и «нулевые годы» стабильности постепенно сменяются годами политической динамики, подпитываемой, помимо прочего, предстоящими общенациональными политическими кампаниями 2011 и 2012 гг. О том, как внезапно может произойти политическая мобилизация российской молодежи, свидетельствуют события на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г., не на шутку испугавшие российские власти именно самым фактом массовой протестной мобилизации.

Не стоит забывать и о том, что в России также живут мусульмане. По мнению Г. Мирского, более 90% мусульман мало разбираются в том, что происходит в арабских странах и не собираются бороться с «неверными». В большинстве регионов страны, где живут мусульмане, в первую очередь в Татарстане и Башкирии, отношения с русскими вполне нормальные. И даже если у них есть какие-то причины для недовольства, это отнюдь не означает, что эти люди готовы восстать против «русского господства».

Однако есть небольшая, но очень энергичная прослойка исламистов не только на Северном Кавказе – они известны как ваххабиты, – но также в Татарстане и Башкортостане. В последнее время стало известно, что целый ряд духовных лиц, получивших образование в Саудовской Аравии или в Египте, вернулись и проповедуют весьма радикальные идеи. В случае, если исламисты побеждают в арабских странах и арабский мир захватывает волна исламизации, это будет представлено их пропагандой как поражение Запада и триумф «Аль-Каиды», что даст новый толчок развитию исламизма в России.

Необходимо иметь в виду, что существует мусульманская солидарность. Мусульмане из самых разных концов мира переживают то, что делается в Палестине, негодуют по поводу того, что святые места находятся в составе еврейского государства, остро переживают войны, когда с одной стороны выступают мусульманские силы, с другой стороны – западные, американские. Единого

мусульманского государства – от Марокко до Индонезии – никогда не будет, но ощущение того, что «нельзя давать в обиду хотя бы какую-то часть мусульман», будет распространяться все шире и шире. Это серьезная проблема, особенно если с другой, немусульманской стороны будут усиливаться антиисламские, националистические настроения. Идеальным вариантом для террористов было бы резкое усиление враждебности к исламу среди россиян.

Таким образом, влияние событий в далеких арабских странах на мировые и региональные политические процессы ощущается достаточно явно. Зона политического риска сегодня гораздо шире, чем арабский мир, и Россия здесь не является исключением.

«Власть и общество: Взаимодействие и конфликты», Воронеж, 2011 г., с. 302–308.

Диляра Ахметова,

руководитель информационного
отдела ИД «Медина»

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКИХ ИСЛАМСКИХ ВУЗОВ С ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ И ЗАРУБЕЖНЫМИ НАУЧНЫМИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ЦЕНТРАМИ

Огромное значение для развития вуза имеет научная и общественная жизнь, в рамках которой происходит обмен идеями, методиками, подходами с другими вузами, научными институтами. Для системы исламского высшего образования на современном этапе крайне важно расширить свою деятельность путем организации научных мероприятий для студенческого и преподавательского состава: лекториев, конференций, семинаров, вовлечения преподавателей в научную деятельность, подготовку учебных пособий и научных изданий. Все познается в сравнении, и для вуза это, в первую очередь, станет площадкой обмена опытом, оценки себя на фоне остальных высших учебных заведений, светских и религиозных.

Каким образом эта работа поставлена сейчас? Проанализировав наиболее крупные мероприятия, проведенные в течение 2007–2009 гг. исламскими высшими учебными заведениями на территории ПФО, ЮФО и ЦФО совместно с российскими светскими вузами и научно-исследовательскими центрами, мы можем констатировать, что большинство из них представляли собой научные и научно-практические мероприятия международного,

всероссийского и межрегионального масштаба. Наиболее активно по данному направлению сотрудничества со светскими высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими центрами проявил себя Российский исламский университет в Казани (международная научно-практическая конференция «Благотворительность в России: Исторический опыт, проблемы возрождения традиций и перспективы развития», круглый стол по проблемам религиозного образования с участием Дмитрия Медведева, международная научная конференция под названием «Имам Хомейни и многополярный мир», научно-практическая конференция «Роль кинематографии в диалоге культур и конфессий», международная конференция «Мусульманское образование в России и за рубежом»). Кроме того, плодотворные партнерские отношения в области проведения совместных мероприятий с региональными светскими вузами и научными центрами налажены у Московского исламского университета, Северокавказского исламского университета им. Абу Ханифы, Нижегородского исламского института им. Х. Фаизханова, Северокавказского университетского центра исламского образования и науки, Института теологии и религиоведения им. Мамма-Дибера аль-Рочи (ныне Институт теологии и международных отношений).

Что касается тематики проводимых совместно со светскими институтами мероприятий, это, в основном проблемы внутрикорпоративного развития (научно-практическая конференция «Развитие религиозного образования мусульман России», круглый стол по вопросам религиозного образования, всероссийская научно-практическая конференция «Исламское образование как социальная система и его интеграция в образовательную систему России»); вопросы развития исламоведения и истории ислама в России (научно-практическая конференция «Ислам в истории и культуре народа Кавказа: Традиции и новые пути осмысления», всероссийская научно-практическая конференция «Жизнедеятельность и духовное наследие выдающегося ученого-богослова и шейха накшбандийского, шазалийского и кадирийского тарикатов Сайфуллы-кади Башларова», всероссийская молодежная научно-практическая конференция «Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии», международная научно-практическая конференция «Ислам на Юге России. Вопросы возрождения и развития»).

Особого внимания достойны факты привлечения к научной деятельности и обсуждения актуальных проблем развития религи-

озного образования и исламоведческой науки студенческого сообщества (всероссийская молодежная научно-практическая конференция «Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии», межвузовская студенческая научная конференция «Религиозные конфессии России: Толерантность, гуманизм, сотрудничество»).

Необходимо отметить, что чаще всего совместные мероприятия организуются между теми религиозными и светскими университетами и институтами, которые являются вузами-партнерами по программе подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. Это, к примеру, Нижегородский государственный университет им. Лобачевского, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пятигорский государственный лингвистический университет и др.

По итогам изучения контактов исламских вузов ПФО, ЦФО, СЗФО и ЮФО с российскими светскими вузами и научно-исследовательскими центрами в сфере разработки учебно-методической и справочной литературы можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев данное сотрудничество происходит в области образовательной деятельности, причем как в сфере высшего образования (инновационная образовательная программа ННГУ им. Лобачевского: Подготовка специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама), так и в сфере школьного (учебное пособие для учащихся старших классов общеобразовательных учреждений «История религий»).

Масштабнее всего работа по выпуску учебной и методической литературы в партнерстве со светскими институтами налажена в Нижегородском исламском институте им. Фаизханова, Российском исламском университете (Казань) и Московском исламском университете. Отдельно остановимся на вопросах взаимоотношений с зарубежными исламскими вузами. Хотя в новейшей истории взаимодействие российских мусульман с зарубежными духовными центрами и благотворительными фондами началось уже в начале – середине 1990-х годов, к тому времени подавляющее большинство исламских вузов России не были еще даже учреждены либо действовали в статусе средних учебных заведений. Процесс организации и становления львиной доли современных российских исламских институтов и университетов пришелся на конец 1990-х – начало 2000-х годов, и именно в этот период начались и первые контакты с зарубежными научными и образовательными центрами.

На этот же период пришелся и самый интенсивный отток молодых российских мусульман в зарубежные образовательные центры, среди которых наибольшим авторитетом и популярностью пользовались Мединский государственный университет и университет «Умм аль Кура» (Королевство Саудовская Аравия) и Университет Аль-Азхар (Арабская Республика Египет).

Кроме того, именно во второй половине 1990-х и начале 2000-х годов наблюдался активный приток в Россию проповедников и преподавателей богословских дисциплин зачастую с очень сомнительной квалификацией. На новый этап развития взаимоотношений с зарубежными образовательными и научными центрами, более высокий в академическом и организационном плане, российские исламские вузы вышли приблизительно к 2005 г., когда эти контакты стали строиться в соответствии с традициями и закономерностями организации процесса высшего профессионального образования.

Мы полагаем, что с конца 2008 г. можно говорить о наступлении нового этапа в данном процессе, который будет характеризоваться взаимодействием исламского духовного межвузовского сообщества России с аналогичными сообществами других государств, что должно повлечь за собой более системный и целевой подход к организации партнерских проектов. Началом данного этапа, по нашему мнению, следует считать договоренность о создании совместной российско-турецкой рабочей группы по сотрудничеству в сфере развития исламского теологического образования, которая была достигнута в ноябре 2008 г. между Советом по исламскому образованию Совета муфтиев России и Министерством по делам религий Турецкой Республики в рамках международной конференции «Развитие исламского теологического и религиозного образования в России и за рубежом» (13–14 ноября 2008 г., Москва).

Изучив конкретные примеры взаимодействия российских религиозных исламских вузов с зарубежными научными и образовательными центрами в течение последних лет, мы имеем возможность судить о некоторых тенденциях, наметившихся в данной сфере.

1. Прежде всего, стоит отметить, что уровень международных контактов высок у тех высших учебных заведений, учредители которых в лице духовных управлений мусульман сами имеют широкие и налаженные связи с различными иностранными структурами, в том числе духовными министерствами и ведомствами,

университетами и т.д. В качестве примера можно привести Российский исламский университет в Казани (один из учредителей – Духовное управление мусульман Республики Татарстан, имеющее очень широкие деловые контакты за рубежом), Московский исламский университет (учредитель – Духовное управление мусульман Европейской части России, который в составе Совета муфтиев России обладает очень широкой контактной базой с заинтересованными институтами за рубежом).

2. Еще одна тенденция: взаимодействие некоторых исламских институтов и университетов по линии международных контактов осуществляется не напрямую, а непосредственно под эгидой головного учреждения – учредителя в лице регионального духовного управления мусульман. Такой тип развития зарубежных контактов мы наблюдаем на примере Московского исламского университета, Курчалойского исламского института им. А. Кадырова (Курчалой, Чеченская Республика).

Важно отметить, что ряд исламских высших учебных заведений, по данным анкетирования, проведенного нами в рамках нашего исследования, заявили о полном отсутствии каких бы то ни было контактов с зарубежными образовательными или научными центрами. К таким, к примеру, относятся Дагестанский исламский университет им. М. Арифа и Университет им. Имама Шафии в Махачкале.

Основными видами деловых контактов между российскими исламскими религиозными вузами и их зарубежными партнерами являются следующие:

– визиты делегаций зарубежных учебных и образовательных центров в Россию и их ознакомление с деятельностью российских исламских институтов и университетов;

– поездки представителей российских исламских вузов с целью ознакомления и налаживания контактов в зарубежные научные и образовательные центры;

– организация стажировок и краткосрочных курсов для студентов и преподавателей российских исламских высших учебных заведений в зарубежных образовательных центрах или вузах (Московский исламский университет, Курчалойский исламский институт, Российский исламский университет в Казани);

– взаимодействие с вузами исламских государств через участие в Федерации университетов исламского мира (Российский исламский университет в Казани);

- проведение совместных мероприятий (Российский исламский университет в Казани, Московский исламский университет);
- совместное учреждение тех или иных образовательных центров: Центр подготовки хафизов Корана Российского исламского университета в Казани работает в качестве филиала Всемирной организации подготовки хафизов Корана Всемирной исламской лиги; Центр исламской экономики учрежден в том же вузе при поддержке Международного центра образования по исламским финансам в Куала-Лумпуре (Малайзия).

Необходимо отметить, что большая часть данных контактов имеет больше декларативный, нежели практический характер и не идет дальше ознакомительных поездок и заявлений о намерениях сотрудничать. Весьма показателен также факт, что взаимодействие практически не ведется в научной сфере в виде организации совместных мероприятий, взаимодействия в области написания и издания научных или учебных книг и т.д. На данном этапе российские исламские вузы не воспринимаются их зарубежными аналогами как серьезные партнеры в академической сфере. Прошедшая 28–29 сентября 2009 г. в Казани Международная научно-практическая конференция «Мусульманское образование в России и за рубежом», организаторами которой выступили РИУ, ТГГПУ и ISESCO – Исламская организация по вопросам образования, науки и культуры (Islamic Educational, Scientific and Cultural Organization), является скорее счастливым исключением, нежели закономерностью.

Подавляющее большинство всех контактов приходится на религиозные и научные институты мусульманских государств (стран – участниц ОИК), среди них – Турецкая Республика, Исламская Республика Иран, Королевство Саудовская Аравия, Малайзия, Сирия, Арабская Республика Египет, Кувейт. Причем во всех этих случаях, по понятным причинам, речь прежде всего идет о кадровой, методической и иной помощи именно российской стороне. Исключение составляет взаимодействие с исламскими духовными структурами Республики Казахстан.

Уровень и характер контактов исламских вузов с иностранными вузами и научно-исследовательскими центрами в сфере образования, академического обмена не позволяют говорить о какой бы то ни было прямой и сильной взаимозависимости между фактором религиозно-правовой традиции в виде приверженности тем или иным каноническим мазхабам. Как показывают наши исследования, к сегодняшнему дню из сектора высшего профессионального ис-

ламского религиозного образования практически исчез фактор иностранного идеологического влияния в виде преподавателей-иностранцев, которые вели обучение не в соответствии с характерными для России религиозно-правовыми традициями. Особенно это заметно на примере исламских вузов в регионе Северного Кавказа.

На сегодняшнем этапе случаи приглашения к преподаванию в исламских вузах России иностранных граждан крайне редки (ситуация иная для ряда средних учебных заведений). В некоторых случаях иностранцы преподают исключительно языковые дисциплины, в других – религиозные дисциплины.

* * *

Изучение современного состояния уровня богословской и так называемой «светской» квалификации профессорско-преподавательского состава высших исламских учебных заведений на территории обозначенных федеральных округов путем анкетирования и устного опроса руководства вуза и сопоставление полученных данных с данными, которые были собраны ранее исследователями на местах, позволяют нам говорить о положительной динамике развития уровня квалификации ППС данных вузов.

В частности, наметилась устойчивая тенденция увеличения процента остепененных преподавателей, и то, что в числе преподавателей исламских вузов немало аспирантов и соискателей, позволяет прогнозировать дальнейший рост этого показателя.

Также весьма положительным показателем является увеличение количества преподавателей религиозных дисциплин, которые одновременно с высшим богословским имеют и высшее светское образование. Зачастую светское образование они получают уже после религиозного, что свидетельствует о высокой мотивации преподавателей к повышению уровня своей квалификации. Этому в немалой степени способствует и позиция руководства ряда вузов, которая ориентирует своих преподавателей на получение светского образования заочно.

Довольно непросто давать оценку динамике соотношения преподавателей религиозных дисциплин, окончивших религиозные вузы в России и за рубежом. В некоторых вузах этот показатель снижается (РИУ в Казани), в части вузов – сохраняется стабильно высоким (университет им. Ашъари, СКИУ им. Абу Ханифы). Двоякая тенденция объясняется тем, что объективно в условиях становления исламские религиозные вузы России не мо-

гут конкурировать с зарубежными учебными центрами, имеющими многовековые традиции по уровню подготовки студентов. Однако существующие различия между формами ислама, бытующими в некоторых арабских странах и России в вероучительной и обрядовой стороне религии, являются фактором, который вызывает негативную реакцию со стороны руководства российских исламских вузов и их учредителей вплоть до того, что ряд вузов принципиально отказывается привлекать к преподавательской деятельности выпускников зарубежных вузов.

К положительным явлениям можно отнести и то, что растет количество преподавателей религиозных дисциплин с высшим религиозным образованием, подтвержденным дипломом; не секрет, что еще несколько лет назад в исламских вузах религиозные дисциплины вели, в основном, выпускники средних исламских учебных заведений на уровне медресе или духовных колледжей либо преподаватели-самоучки. Процент бакалавров и специалистов богословия растет за счет привлечения к преподавательской деятельности собственно выпускников этих же вузов, а в некоторых случаях за счет выдачи своих дипломов преподавателям этого же вуза без экзаменации. Тем не менее очевидно, что этот процесс ведет к простому воспроизведению совокупности знаний и навыков без реального повышения качества образования, что является одной из проблем развития религиозного образования мусульман Российской Федерации.

С этой проблемой тесно связана и другая – практически полное отсутствие в образовательном процессе преподавателей богословских дисциплин выше магистров, при том, что процент магистров (которые в любом случае являются выпускниками зарубежных вузов, так как ни один из современных российских исламских университетов или институтов не готовит магистров) крайне низок и составляет 1,55%. В этом видится управленческий провал централизованных религиозных структур. Как известно, с середины 1990-х годов сотни молодых российских мусульман ежегодно отправлялись на обучение в зарубежные исламские вузы, среди которых наибольшей популярностью пользуется университет Аль-Азхар. Даже с учетом того, что многие из уехавших не сумели доучиться и до квалификации бакалавра ввиду того, что первые четыре года тратили только на подготовительные и языковые курсы, в Россию все же вернулось определенное количество выпускников с магистерской степенью, однако они к образовательной деятельности привлечены крайне мало.

Вероятно, в последующие годы следует ожидать улучшения этой ситуации, так как некоторыми вузами уже сделаны шаги для того, чтобы отправлять выпускников российских исламских вузов в зарубежные образовательные центры на учебу в магистратуру, минуя длительный процесс обучения на подготовительных курсах, а затем бакалавриате.

Взаимодействие исламских вузов России с зарубежными партнерами происходит не системно и не последовательно, носит во многом декларативный характер и не приводит к каким бы то ни было ощутимым результатам (за исключением отдельных случаев). На данном этапе российские исламские вузы за редким исключением не воспринимаются их зарубежными аналогами как серьезные партнеры в академической сфере.

Уровень международных контактов высок у тех высших учебных заведений, учредители которых, в лице духовных управлений мусульман, сами имеют широкие и налаженные связи с различными иностранными структурами, в том числе духовными министерствами и ведомствами, университетами и т.д.

В заключение необходимо подчеркнуть, что большинство тенденций в сфере развития высшего исламского образования, наметившихся в последние годы, оцениваются автором статьи как положительные. Это, в первую очередь, ориентирование преподавателей на повышение квалификации и получение научной степени, организация межвузовских и международных научных конференций с обсуждением вопросов дальнейшего развития высшего исламского образования в России.

«Проблемы становления и развития мусульманского образования на постсоветском пространстве», М., 2009 г., с. 137–148.

М. Зинченко,
политолог (г. Пятигорск)
**ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ ИСЛАМА
КАК ОСНОВА СТАБИЛИЗАЦИИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Одним из ключевых факторов, способных серьезно дестабилизировать ход развития политического процесса на Северном Кавказе, является исламизм, или политический ислам, появившийся-

ся в регионе главным образом в последние два десятилетия в результате активизации процессов политизации ислама, имеющего как объективные, так и субъективные причины, а также внутренние и внешнеполитические источники.

Как нам представляется, наиболее эффективная борьба с радикальным исламизмом, а значит, и стабилизация этнополитического процесса на Северном Кавказе, может осуществляться только в рамках стратегии деполитизации ислама. При этом условиями деполитизации ислама на Северном Кавказе могут стать:

1) нахождение эффективных средств решения проблем, вызывающих политизацию ислама (актуализирующих политическую составляющую ислама) в ее радикальном варианте на уровне иных социальных подсистем (социальной, экономической, правовой, религиозной и др.);

2) снижение актуальности и высокой общественной значимости проблем, вызывающих политизацию ислама на Северном Кавказе, и возвращение их на генетически предназначенный уровень – в религиозную сферу;

3) блокирование возможностей применения политических технологий, направленных на искусственную политизацию ислама в условиях Северного Кавказа как внутри-, так и внешнеполитическими акторами политического процесса, участвующих в перегоне проблемного поля из религиозной сферы в политическую.

Среди главных направлений, обеспечивающих профилактику религиозно-политического насилия, можно выделить следующие: политико-правовое; административно-силовое; социально-экономическое; духовно-идеологическое. Но если меры по первым трем направлениям деполитизации ислама в последние годы все же принимаются и даже есть некоторые результаты, то в духовно-идеологической области изменений пока не происходит. Вместе с тем именно духовно-идеологическое направление, на наш взгляд, является наиболее важным в борьбе с экстремальными формами религиозно-политической активности. Это обусловлено, во-первых, природой исламизма, согласно которой его политическая практика, оказывающая влияние на политический процесс, базируется на идеологической основе; во-вторых, наличием в стране и регионе острого духовно-идеологического кризиса, что само по себе является причиной политизации и радикализации религии. Все это делает законным вопрос о том, каким образом можно обеспечить безопасность в духовно-идеологической сфере.

Духовно-идеологическое направление в решении проблемы политизации ислама и стабилизации политического процесса на Северном Кавказе должно исходить, во-первых, из необходимости обеспечения духовной безопасности в северокавказском обществе, во-вторых, из важности скорейшего выбора идеологического вектора развития государства, отражающего сложную социальную специфику региона и позволяющего безболезненно согласовывать всю совокупность государственных, общественных и личных интересов.

Несмотря на то, что вопросы духовной безопасности стоят остро уже давно, профессиональный интерес к ним появился только в последние годы. Тем не менее общепринятого толкования духовной безопасности пока еще не сложилось. При этом большинство исследователей соглашаются с тем, что она является одной из важнейших составляющих государственной, национальной и цивилизационной безопасности, «включенной» во все их виды и на всех уровнях. Это связано с исключительной универсальностью и инклюзивностью духовной сферы общества, под которой понимаются распространенные среди представителей различных социальных общностей всех уровней – общества, этнических и религиозных общностей, социальных, политических и правовых институтов, политических партий, корпораций, семей и т.д. – фундаментальные идеи относительно социальных норм, ценностей, предписаний, идеалов, способов взаимодействия и общения людей и социальных общностей друг с другом, а также материальные носители культурных ценностей.

Затрагивая проблему безопасности, в том числе и духовной, как правило, исследователи и законодатели акцентируют внимание на защите от определенных опасностей и угроз, которые, будучи методологически эффективными и широко используемыми категориями, позволяют достаточно подробно описывать, от кого или от чего следует защищать ту или иную сферу. С общетеоретических позиций понятие «опасность» характеризуется состоянием, в котором возникает возможность причинения ущерба системе (обществу, государству, цивилизации), а также фиксируется негативное, в большей степени абстрактное, на нее воздействие. Опасность переходит в угрозу, подобно тому, как абстрактное воздействие переходит в реальное. Поэтому в понятии «угроза» отражается большая степень реальности наступления негативного для системы воздействия, а само оно определяется как признак непосредственной опасности нанесения ущерба.

Реальными угрозами духовной безопасности на Северном Кавказе являются:

– девальвация духовных ценностей, пропаганда образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, на духовных и нравственных ценностях, противоречащих ценностям, принятым в российском обществе;

– демографическая и культурно-религиозная экспансия сопредельных государств на территорию страны и региона;

– усиление зависимости духовной, экономической и политической сфер общественной жизни от зарубежных информационных структур;

– снижение духовного, нравственного и творческого потенциала населения страны и региона;

– религиозно-политический экстремизм и терроризм, национализм и этнический сепаратизм;

– активизация деятельности трансграничной организованной преступности, а также зарубежных террористических организаций;

– манипулирование информацией (дезинформация, диффамация, сокрытие или искажение информации).

Как видно, большинство угроз духовной безопасности на Северном Кавказе носят информационный характер. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации усиливающиеся угрозы национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере связываются с «разработкой рядом государств концепций информационных войн», предусматривающей создание средств опасного воздействия на информационную сферу России.

Информационная война заключается в целенаправленном обучении противника тому, как уничтожить собственную систему защиты. Задача применения информационного оружия состоит в том, чтобы помочь противнику направить имеющиеся у него средства, в том числе технические, против самого себя, активизируя существующие «генетические» знания, предназначенные для самоуничтожения системы. Информационная война состоит не в уничтожении живой силы, но в подрыве целей, взглядов и мировоззрения населения, в разрушении социума. Поэтому пораженная информационным оружием система в своем поведении руководствуется уже не столько собственными интересами, сколько чужими командами. И чем больше ориентация в поведении на команды, тем глубже информационное поражение.

Сказанное целиком относится к воздействию исламизма на северокавказское общество, особенно на молодежь, поскольку именно молодежное сознание более всего подвержено такому влиянию. В связи с этим актуальным становится вопрос об обеспечении религиозной безопасности, выступающей, как и в случае с информационной, одним из ключевых элементов духовной безопасности России на Северном Кавказе.

Важность этой проблемы стала очевидна еще в 1996 г., когда Государственная дума РФ в своем «обращении к Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России» предложила «считать религиозную безопасность наряду с военной, политической, экономической, экологической и социальной». Вместе с тем актуальность данного вопроса не снята и сегодня, что во многом обусловлено наличием принципа, сформулированного в ч. 2 ст. 14 Конституции РФ и заключающегося в провозглашении равноправия религиозных объединений, создаваемых гражданами.

Становится очевидным, что существующее законодательство не учитывает, что различные религии имеют неодинаковые, часто противоположные, взгляды на право, государственность, власть и нравственность. Так, например, первыми, кто обратил внимание властей и общественности на угрозы, связанные с распространением идеологии и практики движения неоваххабитов, были деятели официального исламского духовенства Дагестана. Их первые заявления по этому поводу, относящиеся к 1994–1995 гг. и обращенные к высшему руководству республики, содержали резкие обвинения в адрес приверженцев «ваххабизма» и требования законодательно запретить это движение. Однако необходимо отметить, что региональная правящая элита в тот период недооценила, фактически проигнорировала угрозы, связанные с возможными негативными последствиями политизации исламского движения, что существенно отразилось на положении мусульманских традиционалистов. Авторитетнейший отечественный исламовед Л.Р. Сюкияйнен по этому поводу отмечает: «Я помню разговор с муфтием Дагестана Абубакаровым, который рассказывал о том, что, когда на первом этапе они обратились к властям Дагестана с просьбой защитить их от вооруженных людей, то получили недвусмысленный ответ: это религиозный спор, который надо урегулировать религиозными средствами!»

В результате сегодня мы имеем, по разным оценкам, от 2 до 10% неоваххабитов среди всех российских мусульман (соответственно, от 300 до 1500 тыс. человек). При этом большая их доля приходится на северокавказские республики – Чечню, Дагестан, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию, а также Ставропольский край.

Учитывая связь религиозных организаций с политической системой государства, на территории которого они действуют, зарубежные миссионеры прямо или косвенно формируют представительство от государства, интересы которого они представляют. В геополитическом плане миссионерская деятельность может рассматриваться как идеологическая экспансия в отношении населения отдельных российских регионов. Как пишет по этому поводу В.Н. Калинин, «...власти и общество не проявляют должного внимания к очень серьезной проблеме миссионерской деятельности в России зарубежных религиозных организаций в геополитическом аспекте. Между тем деятельность этого рода и в настоящее время, и в перспективе представляет серьезную угрозу государственной безопасности страны, ее целостности, нормальному функционированию органов государственной власти. Существенная часть миссионерской деятельности зарубежных религиозных организаций представляет опасность национальным интересам страны».

В религиозной сфере общественного сознания развернулась активная «идеологическая борьба», в выступлениях российских духовных лиц, в статьях и телепередачах на религиозную тематику все чаще стали применяться непривычные ранее для священнослужителей термины: «деструктивные религиозные организации», «тоталитарные секты», «духовная агрессия», «зомбирование» и т.п. Для России остро встал вопрос защиты собственного духовного пространства. «По сути дела, России навязывается борьба за умы и души новых поколений, вступивших в активную жизнь. И если эти идеи овладеют умами молодых людей, мир на Северном Кавказе будет окончательно взорван», – пишет И.П. Добаев.

Подобную озабоченность понять можно, так как достаточно широкий спектр нетрадиционных вероучений, появившихся в последние годы, формально дает человеку возможность выбора веры, однако этот выбор в значительной степени зависит не столько от основ вероучения, его традиционности и ценности для российской государственности, значимости в российской истории, популярности среди населения, сколько от внешней привлекательности учения, его ориентированности на конкретные категории населе-

ния, подготовленности проповедников, разнообразия современных форм преподнесения ими религиозного учения, умения дойти до каждого человека и др.

Таким образом, духовная безопасность Северного Кавказа, да и России в целом, сегодня как никогда наличествует в виде одной из важнейших и главнейших нереализованных общественных потребностей. С одной стороны, это связано с тем, что сама по себе духовная безопасность не занимает какого-либо особого положения в системе национальной безопасности, не определены также и специфические функции, выполняемые ею в общественной жизни. С другой – проблема обеспечения духовной безопасности сводится исключительно к защите от определенных опасностей и угроз, что не позволяет учитывать внутреннее состояние системы, определяемое взаимодействием ее элементов (субъектов), которое, в свою очередь, должно обеспечивать нормальное функционирование этой системы, а также функционирование и развитие общества в целом вне зависимости от наличия / отсутствия тех или иных угроз. Другими словами, необходимо создать такую систему духовной безопасности, которая была бы направлена не только на защиту «от», но и учитывала при этом необходимость создания системы безопасности «для»: «социально-культурного благополучия личности... защиты ценностей своего образа жизни... сферы интеллектуального общения, внутреннего мира человека». Именно это, как показывает реальная жизнь и практика, не позволяет в полной мере осознать характер опасностей и угроз, а также выработать эффективный механизм противодействия им, даже если они четко определены и законодательно оформлены.

Учитывая это, духовную безопасность целесообразно рассматривать как специфическую составную часть национальной безопасности, «включенную» во все ее виды и представляющую собой состояние личности, общества и власти, обеспечивающую их нормальное взаимоувязанное существование и функционирование, а также созидательное цивилизационное развитие сложившегося религиозного образа жизни. С другой стороны, это процесс сохранения и позитивного видоизменения идей, идеалов, ценностей, норм и традиций, господствующих в обществе, разделяемых массами людей и властными структурами в целях социального воспроизводства, гарантирующего устойчивость вектора, преемственность и динамику общественного развития.

Не менее важным направлением в преодолении духовно-идеологического кризиса, способного эффективно противостоять

политизации ислама, является скорейший выбор идеологического вектора развития России. В случае с исламизмом это обусловлено тем, что политический ислам – это, прежде всего, идейный вызов, ответ на который необходимо дать именно в идеологии (даже в теологии, потому что идеология политического ислама одновременно является теологией), в свою очередь, способной предложить и обосновать мирную практику политических отношений. Чтобы вытеснить из сознания людей исламистский радикализм, им надо предоставить идейную альтернативу не меньшей, а скорее всего большей мощности. Национализм уже пытался бросить вызов исламизму, но проиграл борьбу. Коммунистическая идеология не оправилась от удара, нанесенного ей распадом СССР и мировой социалистической системы и пока не может рассматриваться как реальная альтернатива. Идеология либеральной демократии, которую российские власти пытались сделать обоснованием своей политики, отмечает Э.Ф. Кисриев, для большинства мусульман, особенно сельских жителей, является чуждой и враждебной.

Становится все более очевидным, что идейный ответ исламизму тоже должен быть сформулирован в религиозных терминах. Как нам представляется, наиболее удачным и более-менее реальным духовно-идеологическим и религиозно-политическим проектом, способным не только эффективно противостоять агрессии исламистов, но и сплотить полиэтничное и полирелигиозное российское общество на Северном Кавказе, является евразийская (неоевразийская) концепция. Несмотря на то, что евразийство – религиозная идеология, возникшая на основе православия, она неоднократно подтверждала свою высокую консолидирующую способность.

Квинтэссенцию евразийского православного универсализма сформулировал руководитель Центра этнополитических и исламских исследований при Академии геополитических проблем Д.Ш. Халидов: «Не только народы России, но народы СНГ, народы арабского мира, мусульманского мира смотрят с надеждой на Россию. В свое время в 1917 г. Россия дала идею всему миру, идею социальной справедливости, идею социальной солидарности, идею братства. Эта идея была по сути антиимпериалистической, антиглобалистской, антикапиталистической. Эта идея объединила полмира... Но фундамент этой идеи был непрочен, фундамент безбожный, атеистический. Наступило время для ревизии наших идей, тех идей, на которых объединялись народы всего мира, а не только России... Россия может дать миру новую идею, антиимпе-

риалистическую, антиглобалистскую». Из этой цитаты особенно четко виден как универсализм евразийской идеологии, так и ее религиозный характер.

Положительным моментом в этой идеологии является стремление к союзным отношениям ислама и православия, к сохранению единства России как уникального культурного мира и политического образования. Евразийская концепция вызывает одобрение большинства значимых мусульманских российских политиков. «Национальная идея России находится именно в области евразийской идеологии. Именно в евразийской трактовке она может быть приемлема для Чеченской Республики», – говорил Ахмат Кадыров.

Будучи одним из современных выразителей неоевразийской мысли, А.С. Панарин писал: «Русским и тюркам, православным и мусульманам, как и другим народам, являющимся автохтонами евразийского Континента, предстоит осознать особую континентальную идентичность. ...России предстоит отвлечь мусульманство от западнической ереси и вдохновленного ею самоубийственного пиратства и заново интегрировать его в систему великого континентального синтеза. Сегодня в России и в постсоветском пространстве мусульмане нередко выступают диссидентами великого континента... Речь идет не о том, чтобы усмирить этих диссидентов силой или заставить их молчать. Мусульмане – полноправные наследники евразийского единства, их специфический дар, потенциал их религии и культуры необходимы для восстановления величия Континента и выстраивания его идентичности».

Разумеется, следует помнить, что разные политические силы могут подразумевать под «евразийством» разные вещи. Сами по себе евразийские идеи, на наш взгляд, действительно обладают большим потенциалом в качестве возможной альтернативы радикальному исламу. Однако евразийская идеология нуждается в дополнительном осмыслении и переработке, в том числе со стороны мусульманских мыслителей.

Завершая статью, можно сделать прогноз о том, что политизация ислама на Северном Кавказе и дальше будет набирать силу, а значит, определять характер и динамику политической жизни. Нужно признать, что сложившаяся на Северном Кавказе ситуация серьезно угрожает национальной безопасности России и требует для своего разрешения концептуально новых подходов, учитывающих как социально-экономический, так и прежде всего духовно-идеологический характер проблемы. Борьба с религиозно-

политическим экстремизмом и терроризмом синонимична борьбе с дальнейшей политизацией и радикализацией ислама и является обязательным условием стабилизации этнополитической жизни на Северном Кавказе, но этого можно добиться, только обеспечив духовную безопасность и предоставив радикализму идейную альтернативу. Верно заметил И.М. Сампиев: «Против идеи можно бороться только идеей большей духовной силы».

*«Мир через язык, образование и культуру:
Россия–Кавказ–Мировое сообщество»,
Пятигорск, 2011 г., с. 105–113.*

Салих Муслимов,
доктор философских наук
(Дагестанский государственный университет)
**МОЛОДЕЖЬ ДАГЕСТАНА О РЕЛИГИОЗНО-
ПОЛИТИЧЕСКОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ
И ТЕРРОРИЗМЕ**

Выбор в качестве объекта исследования молодежного населения Дагестана мотивирован рядом обстоятельств: прежде всего, это самый большой по территории, численности населения, экономическому потенциалу, стратегическому положению, многонациональности и многоверию регион Северного Кавказа (СК); он наиболее криминален и коррупционен, причем коррупционность здесь носит этноклановый характер, поскольку клановый интерес находит поддержку у этнического сознания.

Вопросы, поставленные в анкете и документе для интервью, можно сгруппировать в два блока. Первый нацелен на выяснение мнений респондентов, их представлений, суждений о сущности, целях и намерениях религиозно-политического экстремизма и терроризма, причинах его распространения на СК, допустимости и недопустимости насильственного навязывания своей религиозной веры другим людям и т.д. Второй блок содержит вопросы, требующие выражения личностного отношения к экстремистам и террористам. Готовность сообщить в правоохранительные органы о знакомых, земляках, родственниках, являющихся экстремистами и террористами, выразили 25,5%, 35 – не готовы к этому, 39,5% затруднились ответить. В интервью на тот же вопрос положительно ответили 32%, отрицательно – 32,1, а 35,5% – затруднились ответить однозначно. Лишь четвертая часть молодежи и тре-

тъя взрослого населения республики готовы сотрудничать с властью и правоохранительными органами в борьбе с религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом.

Рекомендации, предлагаемые молодежью в качестве профилактики и борьбы с религиозно-политическим экстремизмом, сводятся к следующему:

1) обеспечить работой в городах и селах, ликвидировать безработицу – 44%;

2) усилить нравственное воспитание в семье, школе, вузе, в трудовых коллективах, через средства массовой информации, бороться с пропагандой секса на телевидении – 18%;

3) повысить эффективность работы правоохранительных органов, ужесточить законы против террористов, усилить борьбу с коррупцией среди чиновников и правоохранительных органов – 28%;

4) усилить силовые методы борьбы с экстремизмом и терроризмом – 21%;

5) улучшить социально-экономическую ситуацию в республике – 17%;

6) запретить все религиозные передачи в СМИ, уменьшить количество мечетей в республике – 7%;

7) вернуться к социализму, запретить пропаганду ислама, найти компромисс со всеми религиями, усилить пропаганду мировоззренческой толерантности – 6%.

Религиозно-конфессиональную обстановку в Дагестане оценивают как стабильную 12% респондентов, конфликтную – 25,5, напряженную – 49, затруднились ответить 13,5%. Таким образом, абсолютное большинство молодежи, а именно 74,5% считают конфессиональную обстановку напряженной и конфликтной. Причинами напряженности во внутриконфессиональных (межрелигиозных) отношениях были названы:

а) социально-экономический кризис – 12%;

б) попытки некоторых политических партий и деятелей использовать религиозные чувства населения в своих целях (например, во время предвыборных кампаний и т.д.) – 16%;

в) претензии исламских организаций на исключительное положение в дагестанском обществе – 8%;

г) распространение новых, нетрадиционных религиозных движений и культов (ваххабизма, протестантских общин и т.д.) – 35%;

д) конкурентная борьба различных религиозных организаций, исламских течений за увеличение числа своих последователей – 22%.

Считают недопустимым насильственное навязывание своей религиозной веры другим людям 68% респондентов, 23% – думают, что можно применять насилие в передаче своей религиозной веры другим. Этот симптом является настораживающим в отношениях между верующими и неверующими людьми, между родителями и детьми. Необходимость учета в своей деятельности религиозными организациями федерального и республиканского законодательства признают 55%; не признают – 27%; затрудняются ответить – 12%. Как видно, около 40% опрошенных считают, что религиозные организации РД или не должны действовать в правовом поле федеральных и республиканских законов, или затрудняются ответить на данный вопрос. Здесь также наблюдается значительный отход от принципов светского государства: борьба за чистоту ислама – 13%; борьба за социальную справедливость – 6; это уже ремесло определенной части общества – 10; получение финансовой поддержки от зарубежных государств – 19; борьба против неверующих – 16; борьба с безнравственностью в обществе – 7%; другое – 8%. Основными целями религиозно-политического экстремизма и терроризма, по мнению опрошенных, являются построение исламского (шариатского) государства (20%), получение финансовой поддержки от зарубежных государств (19%) и борьба против неверующих (16%).

Факторами, способствующими усилению религиозно-политического экстремизма, опрошенные считают безработицу (36%), неудовлетворительную работу правоохранительных органов, системы власти (22%) и отсутствие в регионе влиятельной светской политической оппозиции (13%). Причинами конфликтов среди единоверцев названы борьба за власть (29%), неуважительное отношение к национальным обычаям и традициям других народов (24%) и взаимная идеологическая нетерпимость (14%).

Главными отличиями ваххабизма от тарикатизма опрошенные считают отрицание тарикатов и деятельности шейхов (22%), требование очищения ислама от нововведений и возврат к первоначальному исламу (19%), а также строгое единобожие (17%).

Предпочтение жить в светском государстве высказывают 54%; в религиозном – 30; затрудняются ответить – 9%. Осуждают добрачные и внебрачные сексуальные отношения между полами – 61%; не осуждают – 25; затруднились – 14%. По данным вопросам

ответы совпадают с ответами на идентичные вопросы исследования «Ценности ислама и гражданского общества: единство и противоречия», проведенного Дагестанским госуниверситетом в 2007 г. В обоих исследованиях около 60% опрошенных изъявили желание жить в светском (гражданском) государстве и лишь 25–30% – в религиозном (шариатском). При этом до 90% опрошенных считают себя верующими мусульманами. Примерно такие же ответы получены и на вопрос «Осуждаете ли Вы добрачные и внебрачные сексуальные отношения между полами?» В то же время известно, что по шариатским законам внебрачные половые связи – грех, за который виновницу подвергают самым унижительным наказаниям. Наши исследования подтверждают высказывания главы РПЦ патриарха Кирилла о том, что современный человек, являясь верующим ментально, по разуму, в жизни ведет себя как неверующий.

Анализ ответов взрослого населения Дагестана дает более значимый материал для выводов и обобщений по исследуемой проблеме. Причиной напряженности во внутриконфессиональных отношениях 24% указывают социально-экономический кризис, вызывающий недовольство и озлобленность народа; 12% связывают это с попытками некоторых политических партий и деятелей использовать в своих целях религиозные чувства населения, особенно в период предвыборных кампаний; 21% видят причину в претензиях исламских организаций на исключительное, лидирующее в духовной жизни положение в дагестанском обществе, в конкурентной борьбе различных организаций, исламских течений за увеличение числа своих последователей; 19% связывают это с распространением новых, нетрадиционных религиозных течений (движений): ваххабизма или различных протестантских общин; 12% видят причину в отсутствии истинной веры, неуважении к другим конфессиям, отсутствии культуры общения, толерантности и образованности в вопросах религиозной веры; 11,5% объясняют напряженность во внутриконфессиональных отношениях отсутствием доверия к защитникам религии, которые нередко насильственно навязывают свои взгляды.

Позиции опрошенных по взглядам, целям и намерениям религиозно-политических экстремистов распределились следующим образом: 58% считают целью экстремистов и террористов борьбу за власть, построение исламского (шариатского) государства и получение финансовой помощи от зарубежных государств; 18% уверены, что терроризм и экстремизм стали ремеслом, профессией,

способом зарабатывания денег, способом выживания для безработной молодежи; 5% называют целью борьбу с безнравственностью в обществе, с неверием в бога; 4% уверены, что их целью является борьба за социальную справедливость в обществе, за чистоту ислама; 4% считают, что у них много целей, а именно: построение исламского (шариатского) государства, борьба за чистоту ислама, за социальную справедливость, борьба против неверующих, с безнравственностью в обществе.

Общая оценка ваххабизма такова: 78% считают его религиозно-экстремистским течением, которое должно быть запрещено на всей территории страны; 14% называют ваххабизм мусульманским религиозным течением, запрет которого нельзя допустить, ибо это есть ограничение свободы вероисповедания. Около 8% затрудняются однозначно ответить на этот вопрос. Таким образом, примерно 1/5 часть опрошенных не видит опасности в деятельности сторонников ваххабизма, считает его одним из современных течений мусульманской религии. Как бы сложна и опасна ни была реальная ситуация противостояния ваххабизма и тарикатизма, на наш взгляд, возможности продуктивного диалога между конфликтующими идейными течениями не исчерпаны. Для этого с обеих сторон должна быть проявлена воля к взаимопониманию, исключая оскорбительные выпады в адрес друг друга.

Полагаем, в ваххабизме следует выделить две взаимосвязанные, но нетождественные стороны: идейно-теоретическую и практически-политическую. Спор о чистоте ислама, о недопустимости внесения в него сомнительных новшеств и поклонения святым местам, о необходимости строгого соблюдения единобожия и т.д. – все это относится к области религии и может восприниматься верующими и даже неверующими по-разному: одобрительно или отрицательно. Все зависит от убеждений человека, уровня теоретического познания, воспитания и даже вкусов. Что же касается претензий ваххабитов на политическую и государственную власть, установление в Дагестане исламской системы управления, насильственное навязывание мусульманской веры всем гражданам без исключения, то их несостоятельность очевидна со всех точек зрения.

Во-первых, это противоречит конституциям России и Дагестана, в которых закреплён светский, нерелигиозный характер государственной власти и идеологии.

Во-вторых, это противоречит сущности всякой, в том числе мусульманской, религии, функция которой сводится к духовному,

нравственному совершенствованию человека в этом мире и подготовке его к потусторонней жизни.

Какие же методы борьбы с представителями религиозно-политического экстремизма в республиках СК опрошенные считают необходимыми и эффективными? К основным методам, по их мнению, относятся следующие: борьба за честную и справедливую власть, за непродажный закон, борьба с коррупцией во власти – 14%; силовые методы, ибо «горбатого могила исправит», «клин клином вышибают», лучше вернуться к смертной казни, методы убеждения для бандитов неубедительны, неэффективны, меры должны быть более жестокими, как со стороны государства, так и со стороны религиозных организаций вплоть до осуждения шариатскими судами – 18%; более разумным и эффективным является сочетание силовых методов с методами убеждения, этнорелигиозной толерантностью – 26%; информационные методы через СМИ, используя средства массовой информации, – 12%; политические и социально-экономические методы и средства урегулирования проблем представителями власти, только улучшение социального положения людей может преодолеть религиозный экстремизм и терроризм – 14%; если власть, правительство хотели бы ликвидировать ваххабизм, то они давно бы это сделали, ваххабизм выгоден властям, чтобы выбить из федерального бюджета деньги и присвоить их себе, – 4%; для сохранения стабильности, мира, территориальной целостности в регионе надо использовать все методы: политические, силовые, информационные, методы убеждения, компромисса, диалога и т.д. – 6%; необходимо объединить усилия всех республик СК и совместно мирным путем найти выход из сложившейся ситуации – 2%; никакие методы борьбы с религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом не приведут к стабильности в регионе, ибо деятельность экстремистов получает все большее распространение, вовлекая в свои ряды не только молодежь, но и другие слои населения – 2%; не надо бороться с религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом – 2%.

Сторонники светского государства (67,6%) мотивируют свою позицию следующим образом: здесь защищаются права личности, женщины и мужчины равноправны, можно выполнять все религиозные предписания, нет места религиозному фанатизму, это оптимальный вариант для нашего народа, мы жили в светском государстве в советский период, мы знаем, что в светском государ-

стве люди больше прислушиваются к законам, здесь свободно могут сосуществовать люди разных вероисповеданий.

В религиозном государстве много абсурдных ограничений, религиозное государство подходило для средневековой эпохи, только у гражданского, светского государства есть будущее, все процветающие европейские страны являются гражданскими государствами, только у гражданского общества и государства есть будущее. Сторонники религиозного (шариатского) государства (16,4%) мотивируют свою позицию тем, что «главным в жизни человека является религия, религиозный образ жизни. В религиозном государстве, где очень суровые законы, люди боялись бы совершать преступления. В правильном шариатском государстве (но не в таком, как Саудовская Аравия) религию надо сделать образом жизни, ибо все народы, в конце концов, придут к религиозному государству».

В заключение – следующие выводы.

1. Религиозный экстремизм и терроризм – это ответная реакция обездоленных слоев общества на социально-экономические условия, приведшие их к массовому обнищанию. Это движение молодежи, не занятой трудом, которая не может найти свое место в жизни, не может самореализоваться.

2. В регионе СК в один узел сплелись различные формы социальной несправедливости. До широких масс не доходят огромные бюджетные средства, которые выделяются республикам, особенно Дагестану.

3. Религиозно-радикальные течения, организации зазывают в свои ряды безработные категории населения под предлогом борьбы с социальным неравенством и за социальную справедливость.

4. Причины противостояния ваххабитов и тарикатистов коренятся в том, что последние служат, по нашему мнению, несправедливой, криминальной власти, сотрудничают с ней и получают от нее финансовую поддержку.

5. Широкое распространение клановости, этнического эгоизма, коррупции в республике отрицательно влияет на эффективность управления финансовыми и материальными ресурсами субъектов данного региона, на распределение бюджетных средств по этническим районам, приводит к их разворовыванию и нецелевому использованию.

*«СоцИс: Социологические исследования»,
М., 2011 г., № 11, с. 42–47.*

М. Колесниченко,
политолог (Санкт-Петербург)
**АЗЕРБАЙДЖАН В СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Прошедший в конце 1980-х – начале 1990-х годов «парад суверенитетов» привел к полной перекройке географической и политической карты Евразии, на которой появились новые независимые государства, вставшие на путь самостоятельного развития на международной арене исходя исключительно из собственных интересов и потребностей. При этом каждое вновь образованное государство стремилось к налаживанию многосторонних разновекторных связей, подчас противоречащих их предыдущему историческому и идеологическому внешнеполитическому курсу, точнее курсу, проводимому правительством союзного государства. Это касается не только глобальных отношений, но и интеграции на региональном уровне.

Именно такие процессы начались в 1990-х годах и продолжают по сей день на Южном Кавказе, и в частности в Азербайджанской Республике. Республике, ставшей новичком в мировой политической и экономической системе, пришлось начать решать почти с нулевой отметки проблему своей интеграции в мировое сообщество. Таким образом, национальные интересы независимой республики стали строиться на новых закономерностях, предполагающих ориентацию на внешнюю силу. Такой силой в разное время и в разной степени были региональные и мировые державы, в первую очередь Россия и США, а также Турция. Помимо них, в силу исторической и этноконфессиональной близости, неотъемлемой частью политического развития Азербайджана также были другие республики Южного Кавказа и Ближнего Востока: Армения, Грузия, Иран. Однако, учитывая роль и место, занимаемое этими странами в приоритетных направлениях национальных внешнеполитических стратегий США и России, а также степень их влияния в регионе, их взаимоотношения с Азербайджаном вполне можно рассматривать сквозь призму обеспечения именно российских и американских региональных и глобальных интересов. Таким образом, Азербайджан был и остается ареной борьбы более сильных и значительных государств.

Так сложилось, что с 1988 г. внутри- и внешнеполитическая обстановка вокруг Азербайджана в основном определялась событиями в Нагорном Карабахе. Длительные разногласия между Ар-

мением и Азербайджаном по поводу принадлежности данной территории привели к межнациональному конфликту, переросшему в полномасштабную войну, что существенно осложнило отношения между тремя закавказскими республиками и их ближайшими соседями. В результате сложилась ситуация, когда степень интенсивности двусторонних связей Азербайджанской Республики с соседними государствами определялась в значительной степени их отношением к данному конфликту.

Длительные военные действия, проходившие на территории Республики Азербайджан, формально завершились 12 мая 1994 г. при вступлении в силу Бишкекского соглашения, ознаменовавшего прекращение огня в Карабахе. Однако по существу конфликт так и не был разрешен и находится в замороженной стадии, результатом чего стало существование двух государств, между которыми нет дипломатических отношений и практически не осуществляется никакого сотрудничества, и одной самопровозглашенной непризнанной республики. Но с юридической точки зрения данная ситуация выглядит следующим образом: Республика Армения оккупировала до 20% территории Азербайджана, и найти выход из данной ситуации на сегодняшний день не представляется возможным, поскольку интересы и требования сторон категорически не совпадают. Существует мнение, что этот конфликт сам по себе не столь важен, он является выражением более сложных проблем, затрагивающих интересы России, США, Исламской Республики Иран и Турецкой Республики, которые заинтересованы не столько в разрешении карабахского конфликта, сколько в извлечении собственной выгоды и достижении собственных целей.

Отметим, что место, занимаемое Азербайджаном среди ближайших соседей, сформировалось в результате внешнеполитической деятельности сменяющих друг друга политических элит и их идеологий, декларирующих зачастую диаметрально противоположные приоритеты и ориентиры, которые в конечном счете можно свести к глобальным – северному и западному – направлениям. Конечно, внешнюю «среду обитания» Азербайджана нельзя ограничить рамками исключительно России и США, необходимо учитывать и роль других важных геостратегических действующих лиц, прежде всего Турции и Ирана.

В первой половине 1990-х годов внешнеполитический курс молодой республики был неровным и неустойчивым. Первый президент независимого Азербайджана А.Н. Муталибов уделял большое внимание международной деятельности: были установлены

контакты с ближайшими соседями – Ираном и Турцией (именно Турция первой официально признала независимость Азербайджана 9 ноября 1991 г.), Российской Федерацией, США, многими европейскими странами. Азербайджан стал членом СНГ, ОИК, СБСЕ. В Баку начались переговоры с представителями зарубежных нефтяных компаний по поводу разработки нефтяных месторождений на континентальном шельфе Каспия. Такая активная дипломатия преследовала вполне конкретные цели: укрепить международное положение страны и подчеркнуть ее значение на локальной арене, а также повлиять на мировую общественность с целью благоприятного разрешения карабахского конфликта.

Однако внутривосточная обстановка в молодой стране на тот момент не отличалась стабильностью, в результате чего очень скоро к власти пришел новый лидер с более жесткой идеологией. А. Эльчибей придерживался отчасти националистических взглядов, подчеркивая исторически сильную связь азербайджанского и турецкого народов. Внешнеполитический курс Эльчибея значительно отличался от курса его предшественника. Объявив своим стратегическим союзником Турцию, а США и страны НАТО партнерами по борьбе с «коммунистической империей» и Ираном, которые стали считаться врагами, эльчибеевская команда заняла подчеркнуто антироссийскую и антииранскую позиции. Новое азербайджанское руководство стремилось прекратить любые политические, военные и экономические отношения с Россией. Эльчибей потребовал немедленного вывода российских войск с территории Азербайджана, отказался от каких бы то ни было связей с СНГ. Являясь искренним поклонником Ататюрка, Эльчибей полагал, что полная ориентация на Турцию будет выигрышной моделью развития для Азербайджана. Следует отметить, что Турция сама была не против такого развития событий. В частности, в августе 1992 г. в Анкаре были подписаны первые двусторонние соглашения о сотрудничестве в области военного обучения. Помимо этого, Турция выражала полную и безоговорочную поддержку Азербайджану (особенно в вопросе нагорно-карабахского конфликта), основанную на языковых и этнических связях. В 1992 г. были прерваны все экономические связи Турции с Арменией, а в 1993 г. турецкие власти полностью закрыли турецко-армянскую границу.

Помимо резкого ухудшения отношений с Россией, политика азербайджанского руководства привела и к ухудшению отношений с Ираном. Неоднократные заявления лидеров азербайджанской

политической элиты о «необходимости» присоединения Южного Азербайджана к Северному были восприняты в Тегеране как провокационная пропаганда сепаратизма и посягательство на территориальную целостность. Помимо этого, в условиях резкого усиления турецкого влияния в Азербайджане и финансово-экономического освоения республики западными государствами началось вытеснение иранцев из всех областей жизни республики. Более того, после введения в 1992 г. Азербайджаном транспортно-экономической блокады против Армении именно небольшой участок сухопутной границы с Исламской Республикой Иран остался для Армении единственным выходом во внешний мир.

В итоге пантюркизм как реакция на прежнее российское влияние и все, что с ним связано способствовал тому, что Азербайджан нажил не одного врага в регионе. Очевидно, что подобный односторонний националистический курс вряд ли мог просуществовать долго. Уже в 1993 г. президентом страны стал Г. Алиев, добившийся, наконец, внутривластной стабилизации в стране и даже преемственности своего политического курса, проводимого сегодня его сыном И. Алиевым. С приходом к власти Г. Алиева внешняя политика страны претерпела значительные изменения, перестала быть узкоориентированной. Г. Алиев приложил массу усилий для развития сотрудничества его страны с как можно большим кругом государств. Среди первых внешнеполитических актов нового президента был ряд мер, направленных на улучшение отношений с Россией. Однако задачей номер один все же оставалось разрешение вооруженного конфликта с Арменией. В связи с этим Баку принимал участие в различных переговорах и встречах, инициированных Россией и другими странами. Азербайджанское руководство надеялось получить определенную поддержку со стороны России в карабахском вопросе и, возможно, на достойных условиях прекратить войну. Однако мирные инициативы нового президента в первые месяцы после прихода к власти не дали результатов. Пассивность российского руководства в оказании содействия новому руководству Азербайджана стала одной из причин «перехода руководства Баку на линию сближения с Западом». Ухудшение двусторонних отношений произошло в 1994 г., когда после начала военной операции в Чеченской Республике Россия фактически закрыла границу с Азербайджаном, прекратив с ним все транспортные коммуникации, подозревая Баку в оказании помощи боевикам.

С 1994 г., после официального визита Г. Алиева в Анкару, в отношениях с Турцией была взята линия на стратегическое сотрудничество. Первостепенное значение уделялось военно-политическому сотрудничеству, так как официальный Баку воспринимал Турцию как «своего рода посредника в сближении Баку с Вашингтоном и НАТО». Президент не соглашался на российское военное присутствие на территории страны, отказался от предложения о совместной охране государственных границ, а затем свернул военное сотрудничество с Россией.

Отметим, что 1994 г. стал решающим в судьбе Азербайджана. 20 сентября 1994 г. разработанная Г. Алиевым «нефтяная стратегия», суть которой заключалась в максимальном задействовании нефтяного фактора для достижения стратегических целей Азербайджана, увенчалась успехом: был заключен так называемый «Контракт века» с консорциумом иностранных компаний на разработку нефтяных месторождений Каспийского моря. Именно это событие оказалось переломным моментом в отношениях Азербайджана с внешним миром. Оно свидетельствовало о том, что страна заявила о себе на международной арене как об активном акторе региональных и глобальных отношений.

В последующие годы такая протурецкая и прозападная позиция Азербайджана во главе с Г. Алиевым лишь укреплялась, затем эту линию продолжил его сын И. Алиев. В связи с тем, что интеграция в евроатлантические структуры является одним из приоритетов во внешней политике Азербайджана, важное место в сегодняшней политике страны занимает сотрудничество с Турцией. Турецкая Республика – важный региональный партнер Азербайджана в экономическом и энергетическом секторах. Через территорию Турции проходят несколько трубопроводов, доставляющих азербайджанский газ и нефть в Европу. Разветвленная сеть трубопроводов на ее территории может превратить Турцию в ключевое транзитное государство, что дало бы ей политические и экономические рычаги для большего влияния на Южном Кавказе по сравнению с Россией и Ираном. Для Азербайджана важно то, что турецкая сторона полностью поддерживает его позицию в вопросе Нагорного Карабаха, настаивая на территориальной целостности страны. Более того, Турция претендует и на роль регионального гаранта безопасности, высказывая инициативы и предпринимая шаги для создания коллективной системы безопасности на Кавказе в рамках «пятерки» региональных государств (Россия, Турция, Армения, Грузия, Азербайджан). Еще в 2000 г.

президент Турции выдвинул идею «Кавказского пакта стабильности», открытого для подписания странами Южного Кавказа, его соседями и всеми странами ОБСЕ. Однако на тот момент этот пакт не был заключен из-за позиции Армении, которая заявляла об обязательной нормализации турецко-армянских отношений; такую же позицию заняла и Россия. После «пятидневной войны» 2008 г. Турция в очередной раз предложила создать Кавказскую платформу стабильности и безопасности. Однако на сегодняшний день будущее данного проекта остается весьма призрачным, поскольку кооперация между Арменией и Азербайджаном, Россией и Грузией невозможна.

Другим достижением Алиевых стало то, что проводимая ими политическая линия способствовала развитию и улучшению отношений с другим соседом – Ираном. Современные отношения Азербайджана и Ирана развиваются достаточно интенсивно, однако между странами существуют некоторые проблемы, несколько осложняющие сотрудничество. Прежде всего Иран обеспокоен тесным сотрудничеством Азербайджана с НАТО и возможностью размещения на его территории американских военных баз и воинских контингентов вооруженных сил США.

Еще одна проблема – неурегулированность правового статуса Каспийского моря, но эта проблема касается не только Ирана и Азербайджана, но и всех прикаспийских стран. Гораздо больше отношения между странами осложнены тем, что Иран не участвует в транспортировке углеводородного сырья и товаров, находясь за пределами существующих кавказских транспортных и энергетических систем.

Однако несмотря на все противоречия и проблемы, в последние годы отношения между Ираном и Азербайджаном начали улучшаться. Беспокойство Ирана по поводу возможного размещения американских военных баз в Азербайджане и угроза нападения США вынудили его руководство активизировать контакты с Азербайджаном. В феврале 2006 г. министр иностранных дел Азербайджана Э. Мамедъяров заявил, что вопрос об использовании страны для возможных военных ударов США по Ирану «даже не обсуждается». С 2002 г. Иран, совместно с Индией и Россией, участвует в крупном альтернативном транспортном проекте «Север–Юг», в котором задействована и азербайджанская сторона. Несмотря на тесное сотрудничество Ирана с Арменией, развивающееся еще со времен нагорно-карабахского конфликта, Иран заявляет о поддержке позиции Азербайджана, выступая за его тер-

риториальную целостность и за освобождение территорий, оккупированных Арменией. Сотрудничество между странами развивается не только в сфере энергетики, но и во многих других областях. С 2002 г. действует договор «О принципах отношений дружбы и сотрудничества», регулярно проходят встречи на высшем уровне, при этом очевидно, что у двух стран есть хорошие перспективы для более плотного сотрудничества.

Итак, Иран и Турция – это страны, которые уже в течение долгого времени оказывают значительное влияние на развитие Азербайджана, на направление его внешнеполитического курса. И хотя отношения между народами и правительствами этих стран не всегда были добрососедскими, Турция и Иран всегда рассматривали государства Закавказья как зону своих интересов. В итоге в начале XXI в. стало очевидно, что наиболее тесные отношения складываются между Азербайджаном и Турцией, причем последняя добилась того, чего хотела, а именно тесного взаимодействия с родственным азербайджанским народом. Что касается Ирана, то на развитие отношений Азербайджана с этой страной повлияла его политическая изоляция со стороны США. Несмотря на это, Азербайджан, стремясь развивать сотрудничество по нескольким внешнеполитическим направлениям, чтобы не заострять внимание на своем очевидно проамериканском курсе, в последние годы укрепляет взаимодействие с Ираном. Однако желание Азербайджана равномерно развивать сотрудничество со всеми странами региона можно рассматривать как несколько декларативное, поскольку степень вовлеченности США в его политику довольно велика. И если близкое, даже братское турецко-азербайджанское сотрудничество вполне обосновано, так как Турция является партнером США и НАТО, активным участником распределения каспийских энергоресурсов и транспортных артерий региона, то Иран, напротив, является для США вражеским государством и не участвует в транспортировке углеводородного сырья и товаров.

Говоря о степени кооперации Азербайджана с южными соседями – Турцией и Ираном, – хотелось бы отметить, что историческая близость судеб именно армянского, азербайджанского и грузинского народов в рамках единого региона Южный Кавказ должна была бы предполагать их сильную региональную кооперацию и интеграцию, что позволило бы региону как единому целому стать значительным актором мировой хозяйственной и политической системы. Однако сложилось так, что наличие острых нераз-

решенных проблем как внутреннего, так и межгосударственного характера воспрепятствовало укреплению их сотрудничества.

Армянское и азербайджанское руководство не могут найти точек соприкосновения для какого бы то ни было цивилизованного разрешения конфликта в рамках международного права и, следовательно, для осуществления стабильного политического диалога. Обе страны занимаются поиском союзников (более влиятельных и весомых в регионе и в мире) для разрешения ситуации в свою пользу. Азербайджан интенсивно развивает сотрудничество с США и НАТО в надежде создать противовес откровенной поддержке и существующему влиянию России в Армении. Армения же, принимая приоритетность отношений с Россией, стремится к форсированию политической интеграции с ней. К тому же Иран – исторический союзник и партнер Армении в регионе. В условиях значительной изоляции обоих государств их сотрудничество и кооперация оказались закономерны. Наиболее заметно это проявляется в развитии транспортной и энергетической инфраструктуры. Что касается Грузии, то ей в короткий срок после обретения независимости удалось создать солидную юридически-договорную базу в отношениях с Азербайджаном, Арменией, Российской Федерацией, США, Турцией и ведущими западными странами.

Отношения между Грузией и Азербайджаном стали носить более тесный характер по мере того, как обе страны приобретали все большее значение в энергетической политике Запада. Грузинская территория весьма удобна для транспортировки каспийских энергоресурсов. В военной же сфере две страны объединяет то, что они заинтересованы в тесном сотрудничестве с НАТО и при этом рассматривают именно Турцию как некоего «проводника» в альянс. Несомненно, такая общность интересов повышает уровень сотрудничества.

Так сложилось, что за длительный период истории народов, населявших современный Азербайджан, на их основе не сформировалось действительно сильного и влиятельного государства. Напротив, соседние более весомые и политически и экономически значимые империи оказывали на них давление. Однако Азербайджан, добившись наконец желанной независимости в начале 1990-х годов, не приложил все возможные усилия для преодоления исторической несправедливости и восстановления или даже приобретения высокого статуса, а снова совершенно спокойно положился на авторитет соседних государств, вверив им свое внешне-

политическое развитие. При этом своеобразным определяющим фактором выбора партнера стали этническая, конфессиональная, языковая, культурная близость населявших регион народов, а также степень их политической, а главное, экономической стабильности.

Таким образом, с этой точки зрения именно Турция стала лидером в партнерских отношениях с Азербайджаном. Эта страна представляет собой привлекательную среду для упрочения политических, военных и экономических контактов (при этом последние приоритетны для обеих сторон, поскольку на данном этапе существуют огромные возможности для реализации экономически выгодных проектов).

Иран также является близкой Азербайджану страной, однако сотрудничества, равного по интенсивности турецко-азербайджанскому, с ним не осуществляется.

Страной из ближайшего окружения Азербайджана, с которой поддерживаются отношения на наиболее высоком уровне, оказалась Грузия. Некоторые аспекты, объединявшие страны в прошлом (в первую очередь связанные с взаимным сосуществованием в СССР) и сближающие их в настоящем (принадлежность к одному исключительно важному региону), образуют стабильную и надежную основу для продуктивного диалога.

Учитывая те же обстоятельства, примечательно, что Армения считается Азербайджаном вражеским государством. Хотя ее включение в общую систему хозяйствования региона было бы выгодно многим народам и странам Европы, Кавказа, Ближнего Востока, Азии и т.д., стороны не рассматривают возможности какого бы то ни было сближения.

Напрашивается вывод о том, что страны, имеющие весомые позиции в Азербайджане и способные влиять на происходящие события, – это в первую очередь Россия и США. Каждая из них преследует свои собственные интересы. Однако наибольшее воздействие на Азербайджан оказывают в данный момент наиболее влиятельные государства региона – Турция и Иран.

*«Вестник СПбГУ. Серия 6»,
СПб., 2011 г., вып. 3, с. 63–69.*

А. Шустов,

востоковед

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Трансформация этноконфессиональной структуры населения происходит под действием трех факторов: естественного прироста, определяемого соотношением рождаемости и смертности, миграционных потоков, а также процессов ассимиляции. Поскольку ассимиляция, как правило, происходит на протяжении длительного исторического периода, а определение ее количественного измерения затруднено, основными факторами трансформации этноконфессиональной структуры независимых государств Центральной Азии (ЦА) в течение 1990-х – середины первого десятилетия 2000-х годов можно считать естественное и миграционное движения населения.

К Центральной Азии в данной статье относятся Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, к Средней Азии – Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Под коренными этносами в статье понимаются народы, проживавшие на территории Центральной Азии ко времени ее включения в состав Российской империи, под некоренными – переселенцы дореволюционного и советского периодов из других, преимущественно европейских, районов страны. В качестве синонима термина «некоренное» используется определение «европейское».

В условиях глубокого экономического кризиса и нестабильной общественно-политической ситуации, сопровождавших распад СССР, темпы естественного прироста населения бывших союзных республик заметно снизились. В Средней Азии и Казахстане замедление демографического роста наметилось еще в 1970-е годы. Если в период демографического «взрыва», пик которого пришелся на 1959–1970 гг., прирост населения достигал 42,6%, в 1970–1979 гг. – 22,6, в 1979–1989 гг. – 22,9, то в 1991–2000 гг. – всего 9,3%, сократившись по сравнению с предыдущим десятилетием более чем в два раза. К 2000 г. численность жителей региона достигла 55,2 млн., к 2008 г. – 60,6 млн. человек, а ее доля среди населения СНГ в 1991–2005 гг. выросла с 18 до 21,6%.

Вместе с тем тенденции демографического развития государств ЦА в постсоветский период были разнонаправленными. На

протяжении 1990–1999 гг. среднегодовые темпы прироста населения Киргизии составляли 0,8%, Таджикистана – 1,8, а Узбекистана – 2%. В Казахстане численность населения в 1990-е годы, напротив, ежегодно сокращалась на 0,6%, что было следствием массовой эмиграции некоренных этносов и резкого снижения показателей естественного прироста. В результате численность жителей Казахстана к 2000 г. сократилась на 9,1% (1,5 млн. человек), тогда как в Киргизии численность населения увеличилась на 11,4 (0,5 млн.), в Таджикистане – на 15,1 (0,8 млн.), а в Узбекистане – на 18,9% (3,9 млн. человек).

В 2000–2008 гг. намечился небольшой прирост населения в Казахстане (на 0,8 млн.), в результате чего его общая убыль к 2008 г. сократилась до 4,3%. В Средней Азии население продолжало быстро расти, увеличившись в Киргизии на 18,2%, в Узбекистане – на 32, в Туркмении – на 36,8 и в Таджикистане – на 37,7%. Различия в темпах демографического роста привели к тому, что доля Казахстана в населении ЦА на протяжении 1991–2008 гг. сократилась с 32,5 до 25,9%, а доля Узбекистана выросла с 40,8 до 44,9%, что вело к дальнейшей концентрации населения в перенаселенной Средней Азии.

В целом, безусловными демографическими лидерами Центральной Азии являются Узбекистан и Казахстан, где проживает более 70% населения региона. Однако на фоне соседних государств Ближнего и Среднего Востока¹ эти показатели не особенно впечатляют. Так, по данным на 2005 г., демографический потенциал Узбекистана сопоставим с такими странами, как Ирак (28,8 млн.) и Саудовская Аравия (24,6 млн.), а Казахстана с Сирией (18,4 млн.). Ведущие государства региона – Турция (72,9 млн.) и Иран (69,5 млн.) – не только в 2,5–5 раз превосходят по числу жителей Узбекистан и Казахстан, но и все население ЦА вместе взятое.

Снижение темпов демографического роста в суверенных государствах Центральной Азии было вызвано сокращением естест-

¹ Последние годы через публицистику в научный обиход входит выражение «Большой Ближний Восток», введенное американскими экспертами во время правления Дж. Буша-младшего. В Большой Ближний Восток ими были включены Турция, государства Закавказья, Сирия, Ливан, Израиль, Иран, Афганистан, Пакистан, страны Северной Африки, где господствует ислам. После волнений 2010–2011 гг. в арабском мире в политической риторике Вашингтона появилось выражение «Новый Ближний Восток».

венного прироста населения. В 1991–1999 гг. общий коэффициент рождаемости в Киргизии уменьшился в 1,3, в Казахстане и Узбекистане – в 1,5, в Туркменистане – в 1,8, а в Таджикистане – в 2,1 раза. Несмотря на снижение смертности в республиках Средней Азии, связанное с более молодой возрастной структурой, и ее небольшой рост в Казахстане, естественный прирост населения Киргизии снизился в 1,5 (с 21,6 до 14,6 на 1000 человек), Узбекистана – в 1,7 (с 28,3 до 17), Туркмении – в 1,9 (с 25,4 до 13,1), Таджикистана – в 2,3 (с 32,8 до 14,4), а Казахстана – в 3 раза (с 13,4 до 4,4). Общий коэффициент естественного прироста населения Таджикистана в 1999–2008 гг. повысился с 14,4 до 22, Казахстана – с 4,4 до 11, Туркменистана – с 13,1 до 18,0, Киргизии – с 14,6 до 17, а в Узбекистане остался на прежнем уровне (17 на 1000 человек). К 2008 г. самым низким по-прежнему являлся естественный прирост населения Казахстана, а наиболее высоким – Таджикистана, различия между которыми поел распада СССР заметно снизились.

Основными причинами долговременного снижения рождаемости являлись глубокий экономический кризис и падение уровня жизни населения, изменившие его репродуктивное поведение. На протяжении 1988–1998 гг. среднее число детей, рожденных женщиной в течение жизни, уменьшилось: в Казахстане с 3,1 до 2, в Киргизии – с 4 до 2,8, в Узбекистане – с 4,3 до 2,8, в Туркмении – с 4,6 до 2,9, а в Таджикистане – с 5,3 до 3,4. К концу 1990-х годов рождаемость в Казахстане обеспечивала лишь простое, а в республиках Средней Азии – расширенное воспроизводство населения.

Несмотря на сокращение среднего размера семей, в большинстве они являлись многодетными. В 1993 г. 45% всех семей Киргизии и около 60% – Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана состояли из пяти и более человек. В Таджикистане, по данным переписи 2000 г., 10,8% всех домохозяйств включали десять и более человек. На общие данные, отражавшие менее значительный размер семей в Казахстане и Киргизии, влиял фактор высокой доли некоренного населения, для которого характерны малодетные семьи.

Сохранение традиции многодетности у коренных и ее отсутствие у некоренных этносов обусловили разнонаправленность протекавших в их средах демографических процессов. Если для первых были характерны высокие темпы естественного прироста, то для вторых – депопуляция, вызванная резким снижением рождаемости и ростом смертности. По данным на 1995 г., в Таджикистане рождаемость среди таджиков составляла 29,8, узбеков – 30,3,

русских – 6,2 человека, тогда как смертность – 5,3, 5,4 и 16 на 1000 человек соответственно. То есть рождаемость у русских была в 4,8 раза ниже, а смертность – в 3 раза выше, чем у коренных этносов. В Киргизии общий коэффициент рождаемости у киргизов в 1995 г. составлял 30,6, смертности – 6,4, а естественного прироста – 24,2, среди узбеков – 32,1, 6 и 26,1, а у русских – 9,2, 14,6 и 5,2 человека.

Снижение естественного прироста вело к «взрослению» населения, в составе которого удельный вес младших сокращался, а средних возрастных групп увеличивался. В 1991–2003 гг. доля детей и подростков до 15 лет в Казахстане уменьшилась с 32 до 25%, в Киргизии – с 37 до 33, в Таджикистане – с 43 до 40, в Туркменистане – с 41 до 37, в Узбекистане – с 41 до 36%, а доля населения в возрасте от 15 до 64 лет – увеличилась по вышеперечисленным республикам соответственно с 62 до 67, с 58 до 62, с 53 до 56, с 55 до 59 и с 55 до 60%. Доля населения в возрасте 65 лет и старше выросла только в Казахстане (с 6 до 8%), а в остальных странах ЦА она оставалась на уровне 4–5%.

Преобладание молодых возрастных групп свидетельствует о быстрой смене поколений, вследствие которой на протяжении двух–трех десятилетий произойдет смена основной массы трудоспособного населения ЦА. В среднесрочной перспективе большинство ее жителей будут составлять те, кто родился на свет уже после распада СССР, что неизбежно приведет к существенному изменению социокультурного облика региона.

Эмиграция некоренного населения из республик Средней Азии и Казахстана началась задолго до распада СССР. В Казахской ССР отток европейского населения был впервые зафиксирован в 1968 г., а в Средней Азии он начался в 1970-е годы. К этому времени стали сказываться последствия демографического «взрыва» среди коренного населения, вызвавшего рост напряженности на рынках труда, а также политики «коренизации». Сферой пересечения интересов коренных и некоренных этносов стали партийно-государственный аппарат, система образования, сферы здравоохранения, культуры и искусства, престижные должности в которых все чаще стали заниматься представителями титульных этносов. В результате миграционный приток европейского населения сменился оттоком.

В основе постсоветских миграций лежал целый комплекс факторов, определявших характер и интенсивность их протекания на разных исторических отрезках времени. К числу объективных

факторов относились политический (распад СССР и превращение административных границ между республиками в государственные, что вынуждало некоренное население определиться со своим гражданством и страной проживания), социальный (невключенность некоренных этносов в систему неформальных социальных связей) и экономический (значительное сокращение занятости в индустриальных отраслях), а к субъективным – этнический (рост националистических настроений среди коренного населения региона), конфессиональный (усиление влияния ислама) и культурный (сужение русского культурного, информационного и образовательного пространства).

В конкретной исторической ситуации отмеченные факторы трансформировались в причины, определявшие динамику миграций в той или иной стране. По итогам выборочного обследования 1991 г. эмиграция из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана была вызвана в основном обострением межэтнических отношений, на долю которых приходилось соответственно 40,6, 32,7 и 27,3% общего числа причин отъезда. По этому показателю Таджикистан уступал только Азербайджану (47,9%), втянутому к тому времени в вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе. В то же время в Туркменистане и Казахстане межэтнические отношения среди причин эмиграции находились лишь на втором и третьем местах после семейных обстоятельств и смены места работы. В Узбекистане, Киргизии и Таджикистане, переживших межэтнические конфликты, важной причиной эмиграции была криминогенная динамика, обычно сопровождающая периоды внутривнутриполитической нестабильности.

К середине 1990-х годов, когда ситуация в Центральной Азии несколько стабилизировалась, на первое место среди причин эмиграции вышли экономические проблемы. Проведенный в 1994 г. опрос русских горожан Казахстана показал, что главной причиной их отъезда являлось неустойчивое экономическое положение. Дискриминация по этническому признаку, проявлявшаяся, по данным экспертного опроса 1999 г., в преимуществах титульного населения при трудоустройстве и продвижении по службе, занимала среди причин отъезда из Казахстана и Киргизии третье место, сохраняя, однако, выталкивающий эффект.

В количественном отношении эмиграция населения из государств ПА продолжала возрастать до середины 1990-х годов и начала снижаться во второй половине десятилетия. С одной стороны, ее сокращение было вызвано снижением численности некоренных

этносов и, как следствие, постепенным исчерпанием миграционного потенциала, а с другой – относительной стабилизацией политической и экономической ситуации. Однако периодические всплески миграционного оттока населения, связанные с обострением внутривнутриполитической обстановки, наблюдались в регионе на всем протяжении второй половины 1990-х – первого десятилетия 2000-х годов.

Абсолютное большинство мигрантов из Центральной Азии переселялись в Россию. По мере исчерпания миграционного потенциала немцев, евреев, греков, поляков и других народов, историческая родина которых находилась за пределами СССР, удельный вес РФ среди стран выезда возрастал. Если в 1991 г. на долю России приходилось около 3/4 всех переселенцев из Казахстана и более 1/2 из Средней Азии, то к концу десятилетия – 93,2% мигрантов из Казахстана, 84,2 – из Киргизии, 76,9 – из Узбекистана, 71,7 – из Таджикистана и 67,5% – из Туркменистана.

В общей сложности нетто-миграция населения из ЦА в Россию на протяжении 1991–2008 гг. составила 3 млн. 535,5 тыс. человек, 50% которых пришлось на долю Казахстана, 24 – Узбекистана, 11 – Киргизии, 10,8 – Таджикистана и 4,3% – Туркменистана. По сравнению с 1991–1999 гг. в первом десятилетии 2000-х годов заметно сократился удельный вес мигрантов из Казахстана (с 52,8 до 41,5%) и Таджикистана (с 11,6 до 8,4%) и увеличился – из Узбекистана (с 21,6 до 31,3%) и Киргизии (с 9,9 до 14,3%, что было обусловлено ухудшением экономической и политической ситуации в этих республиках.

Во многом уровень миграционных потерь определялся удельным весом некоренного населения. В 1989–1999 гг. 3/4 нетто-миграции в Россию («чистого» притока) из стран ЦА обеспечили славяне, в том числе более 2/3 – русские. В конце 1980-х – начале 1990-х годов доля славян среди переселенцев последовательно возрастала, достигнув максимума в 1994 г., а во второй половине десятилетия стала постепенно снижаться. Однако в 1999 г. они по-прежнему составляли почти 2/3 переселявшихся в Россию жителей региона. Только в 1991–1999 гг. население РФ за счет миграции из стран ЦА увеличилось на 3 млн. русских, 243 тыс. украинцев и 30,4 тыс. белорусов. Как следствие, миграционные процессы стали главным фактором, радикально изменившим этноконфессиональную структуру государств ЦА.

Изменение этноконфессиональной структуры

В каждом из государств ЦА трансформация этноконфессиональной структуры определялась специфическим сочетанием миграционных и демографических факторов.

В **Казахстане** такими факторами стали массовая эмиграция «некоренных» этносов, составлявших в конце 1980-х годов более половины населения, и низкий естественный прирост самих казахов. В 1989–1999 гг. население Казахстана под влиянием эмиграции сократилось на 7,7%, численность русских уменьшилась на 26,1, а казахов – увеличилась на 22,9%. Если в 1989 г. в Казахстане проживало 6062 тыс. русских и 6496,9 тыс. казахов, то в 1999 г. число первых сократилось до 4479,6 тыс., а число вторых выросло до 7985 тыс. человек. В итоге удельный вес русских снизился с 37,4 до 30%, а казахов – вырос с 40,1 до 53,4%, в связи с чем они впервые с 1926 г. стали на территории республики этническим большинством. Сокращение численности русского и увеличение титульного населения Казахстана продолжалось и в последующие годы. К 2007 г. количество русских в республике уменьшилось до 3,9 млн. (на 34% по сравнению с 1989), а казахов – увеличилось до 9,3 млн. (на 16,8%), в результате чего доля первых снизилась до 25,5, а доля вторых выросла до 59,8% населения.

Помимо русских депопуляция затронула и другие некоренные этносы Казахстана. К концу 1990-х годов численность украинцев и белорусов сократилась почти на 2/3, а общий удельный вес восточных славян, достигавший в 1989 г. 43,9% населения и превышавший долю титульного этноса, снизился до 34,4%, что привело к потере ими численного превосходства. Еще более значительно уменьшилось количество немцев, сократившееся в 2,7 раза. Если в 1989 г. их насчитывалось 946,9 тыс., то в 1999 г. – всего 353,4 тыс. человек. В итоге удельный вес немцев, активно переселявшихся в ФРГ, снизился с 5,8 до 2,4%, а среди наиболее многочисленных этносов они переместились с третьего на пятое место.

Схожие демографические процессы наблюдались и у других некоренных этносов. В 1989–1999 гг. количество греков снизилось в 3,6 раза, башкир и мордвы – в 1,8, молдаван – в 1,7, болгар – в 1,5, татар, поляков и армян – в 1,3 раза. Сокращение их численности происходило быстрее, чем русских, что было обусловлено ассимиляцией последними части «русскоязычного» населения, а также высоким миграционным оттоком этносов, историческая ро-

дина которых находилась вне постсоветского пространства. Показатели естественного прироста коренных этносов, напротив, оставались высокими. К 1999 г. количество дунган увеличилось на 23,3%, уйгур – на 15,9, узбеков – на 12%. В общей сложности коренное население Казахстана выросло на 22%, а его удельный вес – с 44 до 59,8%.

Аналогичным образом изменилось соотношение этнических групп, исторически исповедовавших христианство и ислам. В 1989 г. на территории Казахстана проживало 7 млн. 640,6 тыс. мусульман и 8258,4 тыс. христиан, составлявших соответственно 47,3 и 51% населения. К концу 1990-х годов основные этноконфессиональные группы поменялись местами. По данным переписи 1999 г., в стране насчитывалось 9077,8 тыс. мусульман и 5593,2 тыс. христиан, в связи с чем доля первых выросла до 60,7%, а доля вторых снизилась до 37,5%. Если накануне распада СССР среди жителей Казахстана преобладали христиане, что выделяло его на фоне мусульманских республик ЦА, то спустя всего десять лет большинством стали мусульмане.

Оценивая общие результаты трансформации этнодемографической и конфессиональной структуры Казахстана, следует учитывать, что исходные данные Всесоюзной переписи населения 1989 г. в период независимости были скорректированы. Если, по данным Госкомстата СССР, численность населения Казахской ССР в 1989 г. составляла 16 464,5 тыс. человек, то в изданиях Агентства Республики Казахстан по статистике приводится цифра 16 199,2 тыс. человек. В итоге население Казахстана накануне распада СССР «сократилось» на 265,3 тыс. человек (на 1,6%). Однако численность различных этносов «снизилась» при этом неравномерно. Если количество русских и белорусов уменьшилось на 2,6%, украинцев – на 2,3, то казахов – всего на 0,6%. Между тем сопоставление исходных данных переписи 1989 г. и результатов переписи 1999 г. показывает, что население Казахстана сократилось не на 1246,1 тыс., а на 1510,9 тыс. (на 9,2%). Пересмотр итогов переписи в основном был осуществлен за счет славян, число которых к 1999 г. должно было сократиться не на 1977 тыс., а на 2168,4 тыс., в том числе русских – на 1748,4 тыс. «Снижение» количества казахов, напротив, увеличило их итоговый прирост, который составил не 1450 тыс., а 1488,1 тыс. человек. Корректировка данных переписи 1989 г. позволила не только «уменьшить» масштабы депопуляции населения, но и «повысить» долю титульного

этноса, представив этнодемографическую структуру страны в более выгодном свете.

Особенностями этнодемографического развития Киргизии являлись более высокие по сравнению с Казахстаном темпы увеличения коренного и сокращения некоренного населения. В 1989–1999 гг. количество жителей республики выросло с 4,3 до 4,8 млн. человек (на 13,3%). При этом число киргизов увеличилось на 40,3% (с 2,2 до 3,1 млн. человек), а количество русских сократилось на 34,2% (с 917 до 603 тыс.), в связи с чем доля первых повысилась с 52,4 до 64,9%, а вторых – снизилась с 21,5 до 12,5%. Среди наиболее многочисленных этносов Киргизской Республики (КР) русские к 1999 г. опустились на третье место, уступив второе узбекам. По данным российского МИД, к 1 января 2007 г. в республике насчитывалось не более 470 тыс. русских (около 9% населения), число которых по сравнению с 1999 г. снизилось на 22%, а по сравнению с 1989 г. – в 2 раза.

Численность других некоренных этносов сокращалась еще быстрее, чем русских. К концу 1990-х годов количество немцев снизилось почти в 5 раз (со 101,3 до 21,5 тыс.), евреев – в 4 раза (с 5,6 до 1,6 тыс.), белорусов – в 3 раза (с 9,2 до 3,2 тыс.), украинцев – в 2 раза (со 108 до 50,4 тыс.). В меньших масштабах сократилось число татар (с 70,1 до 45,4 тыс.) и азербайджанцев (с 16 до 14 тыс.), которые, по-видимому, оказались более адаптированы к жизни в исламском регионе. Небольшой демографический; рост наблюдался у корейцев (с 18,4 до 19,8 тыс.), занятых в товарном земледелии и потому сумевших лучше приспособиться к условиям рыночной экономики. Все коренные этносы демонстрировали значительный рост населения, хотя и не столь высокий, как у киргизов. В аналогичных масштабах (на 40,4%) увеличилось лишь количество дунган, которые в силу своей малочисленности (около 52 тыс. человек) не влияли существенно на этническую структуру. У других коренных этносов темпы прироста были заметно ниже. Число уйгур выросло на 26,9% (с 37 до 47 тыс.), таджиков – на 27,2 (с 34 до 43 тыс.), узбеков – на 20,9 (с 550 до 665 тыс.), казахов – на 14,5 (с 37 до 43 тыс.), узбеков – на 20,9 (с 550 до 665 тыс.), казахов – на 14,5% (с 37 до 43 тыс.). Общая численность коренных этносов КР увеличилась с 2,92 до 3,98 млн., а некоренных – сократилась с 1,33 млн. до 846 тыс., в результате чего доля первых выросла с 68,7 до 82,5%, а вторых – снизилась с 31,3 до 17,5%.

Следствием резкого сокращения численности некоренного населения стало значительное увеличение доли мусульман и снижение – христиан. В течение 1989–1999 гг. удельный вес христиан в Киргизии снизился с 26,7 до 14%, или почти в 2 раза, а мусульман вырос с 71 до 84%. Среди христиан, в свою очередь, с 91 до 97% увеличилась доля православных, для которых был характерен менее высокий уровень миграционного оттока. Таким образом, население республики стало гораздо более моноконфессиональным, но при этом заметно возросла однородность и его христианской составляющей. В целом увеличение коренного и сокращение некоренного населения в Киргизии происходило гораздо быстрее, чем в Казахстане, что, по-видимому, было обусловлено более сильным социально-экономическим кризисом, меньшей численностью и не столь длительной адаптацией «европейской» общины. Глубокие перемены в этнической структуре отражало то, что вторым по численности этносом к 1999 г. вместо русских стали сконцентрированные в южных областях узбеки. В итоге межэтнические противоречия все более смещались в область киргизо-узбекских отношений, которые в 1990 г. уже были омрачены кровопролитным ошским конфликтом.

В Таджикистане, пережившем самую длительную и ожесточенную на постсоветском пространстве гражданскую войну, миграционный отток некоренного населения в начале 1990-х годов принял характер лавинообразного бегства. В условиях одного из самых высоких в регионе показателей естественного прироста титульного населения почти полное исчезновение некоренных этносов привело к тому, что Республика Таджикистан (РТ) стала одним из наиболее моноэтнических и моноконфессиональных государств СНГ. В 1989–2000 гг. население Таджикистана увеличилось на 20,3% и достигло 6,1 млн. человек. При этом его рост происходил почти исключительно за счет таджиков, численность которых увеличилась с 3,2 до 4,9 млн. человек (на 54,4%). Если в 1989 г. они составляли 62,3%, то в 2000 г. – уже 79,9% населения РТ. Численность других коренных этносов РТ, как правило, сокращалась. Так, количество узбеков снизилось с 1,2 до 0,9 млн. (на 21,8%), а удельный вес – с 23,5 до 15,3%, казахов – с 11,4 до 0,9 тыс. (в 12,7 раза), туркмен – с 20,5 до 20,3 тыс., среднеазиатских евреев – с 4,9 до 0,02 тыс., и лишь количество киргизов увеличилось с 63,8 до 65,5 тыс. Резкий рост числа арабов (в 52 раза) был связан с тем, что в предыдущих советских переписях они включались в состав других этносов. По тем же причинам в переписи 2000 г. появились

данные о тюркоязычных этнических группах лакайцев (51 тыс.), катаганов (4,9 тыс.), барлосов (3,7 тыс.) и юзов (1,1 тыс.), ранее считавшихся узбеками, и конгратов (15,1 тыс.), которые прежде учитывались как казахи.

Некоренные этносы почти полностью покинули Таджикистан. Численность крымских татар сократилась в 72, евреев – в 48,5, немцев – в 29,7, мордвы – в 18,3, белорусов, чувашей, болгар, украинцев – в 11–14, корейцев, осетин, башкир, поляков – в 7,0–7,9, армян и грузин – в 5–5,7, азербайджанцев, татар, молдаван – в 3–4,5 раза. Количество русских, которые, по данным переписи 1989 г., являлись третьим этносом республики, снизилось в 5,7 раза (с 388,5 до 68,2 тыс.), а удельный вес – с 7,6 до 1,1%. Большинство из них проживало в Душанбе и Согдийской области – единственном регионе Таджикистана, не затронутом в ходе конфликта военными действиями. В целом численность некоренных этносов Таджикистана на протяжении 1989–2000 гг. снизилась с 612 до 104,4 тыс. человек, а их удельный вес – с 12 до 1,7%. Сокращение некоренного населения продолжалось и в последующие годы. По данным российского МИД, к 2007 г. в Таджикистане оставалось 60–65 тыс. «этнических россиян», в том числе не более 50 тыс. русских (менее 1% населения). В итоге сегодня на улицах таджикских городов, по словам корреспондента «Известий», «очень редко можно встретить гражданское “лицо славянской национальности”». Мусульмане в постсоветский период стали едва ли не единственной конфессиональной группой республики. В 1989–2000 гг. их удельный вес вырос с 89,5 до 98,5%, а доля христиан сократилась с 9,6 до 1,2%. В отличие от других стран ЦА, где весомую часть жителей по-прежнему составляли христиане, население Таджикистана стало почти полностью мусульманским.

Трансформация этноконфессиональной структуры **Узбекистана** происходила более плавно. Эмиграция некоренных этносов первоначально не оказалась здесь столь массовой, что было связано с факторами как позитивными (относительно стабильная политическая и экономическая ситуация), так и негативными (трудности с продажей жилья, получением необходимых документов, прямые административные запреты выезда). Несмотря на быстрый рост численности титульного этноса, на рубеже 1990–2000-х годов в Узбекистане сохранилось многочисленное европейское население, игравшее важную роль в его социально-экономическом развитии. В течение 1989–1999 гг. население Республики Узбекистан под воздействием естественного прироста коренных этносов вы-

росло с 19,8 до 24,1 млн. человек, или на 22%. Изменение численности коренного и некоренного населения в основном определялось демографической динамикой двух самых многочисленных этносов – узбеков и русских, в совокупности составлявших около 80% жителей страны. К 1999 г. количество узбеков увеличилось на 32,5% (с 14,1 до 18,7 млн.), а русских сократилось на 26,9% (с 1,6 до 1,2 млн.), в результате чего доля первых выросла с 71,4 до 77,6%, а доля вторых снизилась с 8,3 до 5%. По данным МИД РФ, к концу 2002 г. в республике оставалось около 1 млн. русских, составлявших около 4% населения. Среди некоренных этносов наиболее резко сократилось число немцев и евреев (в 4,5 раза), за которыми следовали украинцы, татары (в 1,3 раза), армяне (на 11,8%), азербайджанцы (на 6,8%) и корейцы (на 3,3%). К концу 1990-х годов удельный вес большинства из них не превышал 1%, а заметное место в этнической структуре занимали лишь татары (1,3%). Неравномерная убыль некоренных этносов, как и в других странах ЦА, была обусловлена высокой эмиграцией немцев и евреев, а также лучшей адаптацией к новой экономической ситуации корейцев и кавказцев. В целом численность некоренного населения РУ в 1990-е годы снизилась с 2,7 до 1,9 млн. человек, а удельный вес – с 13,4 до 8,1%.

Численность коренных нетитульных этносов росла в 1,5–2 раза медленнее узбеков, а их удельный вес почти не изменился. В 1989–1999 гг. количество каракалпаков увеличилось на 25,7%, таджиков – на 24,7, киргизов – на 23,4, казахов – на 19,7, а туркмен – на 16,4%. В общей сложности коренные этносы к 1999 г. составляли 90,1% жителей республики. Однако данные о численности таджиков часть исследователей считают заниженными. По оценке российского этнолога Ю.Г. Кульчика, количество таджиков в Узбекистане накануне распада СССР в 1,5–2 раза превышало официальные данные (934 тыс.), а в Бухаре и Самарканде они составляли большинство населения. По мнению же американского ученого Д. Шоберлайна-Энгела, на улицах Самарканда сегодня чаще звучит таджикская, а не узбекская речь.

Конфессиональная однородность населения в Узбекистане возросла сильнее, чем в Казахстане и Киргизии, где сохранилось многочисленное немусульманское население, но слабее, чем в Таджикистане. В 1989–1999 гг. число мусульман выросло на 29%, а количество христиан сократилось на 28%. В итоге доля мусульман выросла с 86,4 до 91,5%, а доля христиан, по численности которых Узбекистан занимал второе место в регионе после Казах-

стана, снизилась с 9,6 до 5,8%. В целом темпы депопуляции некоренных этносов в Узбекистане оказались ниже, чем в большинстве соседних республик Средней Азии, что объяснялось более стабильной политической и экономической ситуацией.

К наиболее сложным в плане исследования этнодемографических процессов странам относится **Туркменистан**. Связано это с проблемой достоверности демографической статистики, возникшей вскоре после распада СССР. Начиная с 1992 г. Госкомстат Туркменистана указывал в своих изданиях завышенную численность населения, которая была воспроизведена в материалах переписи 1995 г. и ряде публикаций Статкомитета СНГ. По оценке С.В. Жукова и О.Б. Резниковой, «приписка» составила примерно 0,4 млн. человек, что резко снизило адекватность всех демографических данных. По данным переписи 1995 г., в Туркменистане, как и других странах ЦА, происходило быстрое увеличение коренного и сокращение некоренного населения. Если общая численность жителей республики в 1989–1995 гг. увеличилась на 26%, то количество туркмен – на 34,1 (с 3,5 до 4,4 млн.), узбеков – на 28,3 (с 317 до 407 тыс.), а белуджей – на 38,4% (с 26 до 36 тыс.). Различия в темпах демографического роста привели к тому, что удельный вес туркмен вырос с 72 до 77%, узбеков – с 9 до 9,2, белуджей – с 0,7 до 0,8%, а незначительное сокращение числа казахов (на 0,8 тыс.) обернулось снижением их доли с 2,5 до 2% населения.

Если следовать данным переписи 1995 г., темпы прироста населения Туркменистана в 1991–1994 гг. увеличились по сравнению с периодом 1989–1991 гг. почти в 2 раза (с 2,5 до 4,65%), что свидетельствовало о беспрецедентном демографическом «взрыве». При этом соответствующий показатель у туркмен вырос с 3,1 до 6%, а у узбеков – с 3,2 до 4,75%. Между тем в Узбекистане, демографическое развитие которого на протяжении 1980-х годов было сопоставимым с Туркменистаном, население в 1990-е годы по-прежнему росло на 2% в год.

Демографическая динамика некоренных этносов в 1989–1995 гг. была разнонаправленной. Если численность русских, уступивших статус второго этноса республик узбекам, сократилась на 10,5% (с 334 до 299 тыс.), украинцев – на 35,1 (с 35,6 до 23,1 тыс.), татар – на 7,1 (с 39,2 до 36,4 тыс.), то количество армян выросло на 5,7 (с 31,8 до 33,6 тыс.), а азербайджанцев – на 9,6% (с 33,4 до 36,6 тыс.) Однако заметное место в этнической структуре продолжали занимать только русские, удельный вес которых снизился с 9,5 до 6,7%. На долю остальных некоренных этносов к се-

редине 1990-х годов приходилось менее 1% населения. В целом же численность некоренного населения Туркмении в этот период снизилась на 9,6% (с 474 до 429 тыс.), его удельный вес – с 13,5 до 9,7%.

Этническая статистика за более поздний период отсутствует. Единственным ориентиром служит выступление президента С. Ниязова перед Народным советом в феврале 2001 г., в ходе которого он заявил, что туркмены составляют 91%, узбеки – 3, а русские – 2% жителей страны. Исходя из этих данных, численность русских можно оценить примерно в 110 тыс. человек. Аналогичные оценки приводились председателем Совета русских общин Туркмении А. Фоминым (100–120 тыс.), также в документах МИД России (около 100 тыс.). Таким образом, в течение шести лет, прошедших со времени переписи 1995 г., число русских уменьшилось в 2,5–3 раза, что сопоставимо с их эмиграцией из Таджикистана в период гражданской войны.

Количество туркмен на фоне других этносов возросло особенно значительно. По официальным данным, их численность в 1989–2001 гг. увеличилась с 2,5 до 5 млн. человек, или в 2 раза, что превышает все реальные возможности демографического роста. Если в качестве базовых принять ежегодные темпы прироста в 2,5%, характерные для периода 1980-х годов, число туркмен окажется в 1,5 раза ниже и составит около 3,4 млн. То есть они будут самым малочисленным титульным этносом региона, что, видимо, и стало одной из причин завышения их количества. Косвенно об этом говорит сделанное С. Ниязовым в мае 2003 г. заявление о планах переселения в Туркмению 2–3 млн. анатолийских турок, бессмысленное в условиях демографического «взрыва».

В целом к началу 2000-х годов Туркменистан стал одним из наиболее моноэтничных и моноконфессиональных государств региона. На долю титульного этноса приходилось более 3/4, мусульман – более 9/10 жителей республики, а по численности этнических русских Туркменистан занимал предпоследнее место в Центральной Азии, опережая лишь Таджикистан.

* * *

В течение первых полутора десятилетий после распада СССР изменение этноконфессиональной структуры суверенных государств ЦА характеризовалось увеличением абсолютной и относительной численности коренных, а также сокращением неко-

ренных этносов. При этом темпы прироста титульного населения, как правило, были выше других коренных этносов, а численность русских снижалась медленнее, чем у других групп некоренного населения. Сокращение русского населения в странах региона происходило неравномерно. Если общая численность русских в ЦА на протяжении 1989–1999/2000 гг. снизилась примерно на 29%, то в Казахстане (на 26,1%) и Узбекистане (на 26,9%) она снижалась медленнее, а в Киргизии (на 34,2%), Туркмении (в 2–3 раза) и Таджикистане (в 5,7 раза) значительно быстрее, чем в целом по региону. Темпы сокращения численности европейского населения были выше в странах со сложной политической и социально-экономической ситуацией, и ниже там, где положение было стабильнее.

Однако эмиграция русских из Центральной Азии, будучи массовым явлением, не приняла, за исключением Таджикистана, характера всеобщего бегства. В суверенных государствах региона пока осталось более половины русского населения, проживавшего на их территории к моменту распада СССР. После Украины, где насчитывается около 11 млн. этнических русских, страны ЦА являются для России вторым по значимости демографическим резервуаром зарубежного русского населения (около 5 млн.), большинство которого проживает на территории Казахстана, Киргизии и Узбекистана.

Существенно различались и темпы прироста титульных этносов. Если количество казахов увеличилось на 22,9%, то узбеков – на 32,5, туркмен – на 34,1, киргизов – на 40,3, а таджиков – на 54,4%. То есть численность среднеазиатских этносов росла в 1,4–2,4 раза быстрее, чем численность казахов, что вело к дальнейшему усилению аграрного перенаселения и смещению демографического «центра тяжести» на юг региона. В общей сложности удельный вес коренного населения ЦА к началу 2000-х годов вырос с 69,6 до 81,2%, а некоренного – снизился с 28,6 до 17,3%, или в 1,7 раза.

Одновременно с сокращением европейского населения повсеместно наблюдался быстрый демографический рост самого многочисленного народа региона – узбеков. После распада СССР узбеки стали вторым по численности этносом в Киргизии и Туркмении, опередив русских. На рубеже 1990–2000-х годов в Казахстане их насчитывалось 370,7 тыс., в Киргизии – 665 тыс., в Туркмении – около 400 тыс., а в Таджикистане – 936,7 тыс. При этом реальная численность узбеков, как правило проживавших в при-

граничных районах и представлявших, с точки зрения соседних государств, реальную опасность этнического сепаратизма, была значительно выше официально заявленной.

Суммируя общие итоги этнодемографического развития суверенных государств ЦА, следует отметить, что их население стало значительно более моноэтничным и моноконфессиональным. К середине первого десятилетия 2000-х годов на долю титульного этноса приходилось более 1/2 населения Казахстана, 2/3 – Киргизии и более 3/4 Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана. Еще выше был удельный вес мусульман, составлявших более 60% жителей Казахстана, 80 – Киргизии и 90% – других государств ЦА. Вследствие сокращения удельного веса европейского населения этноконфессиональный облик региона приобретал все более «азиатские» и мусульманские черты, что делало его типологически похожим на соседние страны Среднего Востока.

«Восток (Oriens)», М., 2011 г., № 5, с. 48–114.

Александр Алексеенко,
доктор исторических наук (Казахстан)
**КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ
ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ**

Этнодемографическим итогом существования Казахстана в составе Российской империи, а позднее – СССР стало количественное превосходство русских (прежде всего) в составе населения республики. Строительство независимости на таком фундаменте было объективно чревато негативными для суверенитета последствиями. Особую актуальность в связи с этим приобретает задача исправления этнических диспропорций прошлого. В 90-е годы XX в. результат достигался уменьшением численности европейских народов вследствие эмиграции. Стабилизация социально-экономической ситуации в первое десятилетие XXI в. привела к существенному сокращению эмиграционных потоков. На новом этапе активизируется политика репатриации этнических казахов (так называемых оралманов). Для их привлечения на историческую родину принимается ряд поощрительных мер (экономических, социальных, правовых и т.п.). В результате численность казахов в составе населения приближается в настоящее время к 70%-ной отметке. В то же время ставка на количественные показатели оставила без достаточного внимания иные проблемы. Основ-

ной из них является неприятие прибывающих в республику репатриантов определенной частью местных казахов.

Ликвидация этнодемографических диспропорций прошлого явилась основой национально-государственной стратегии. Рассмотрение сюжета этнической репатриации в Казахстане в «чистом» виде вряд ли позволит увидеть суть проблемы, выявить логику репатриантского тренда в обозримом будущем. Тема «коралманы» (репатрианты), по большому счету, не существует сама по себе. Она является частью государственной стратегии, занимая в конструкции определенное, весьма важное место. Появление и основные направления современной национально-государственной стратегии определены историческим прошлым Казахстана. Время между переписями 1897 и 1959 гг. можно назвать «европейским» периодом в истории населения Казахстана. Численность «европейской» группы (русские, украинцы, немцы, татары) увеличилась в 8 раз и составила 60,1% населения. Русских стало больше в 7,4 раза. На 82,5% рост населения Казахстана происходил за счет русских. «Азиатская» группа (казахи, узбеки, уйгуры) сократилась в 1,3 раза (32,1% населения Казахстана в 1959 г.), в первую очередь за счет казахов. В 1959 г. казахов на территории Казахстана проживало в 1,3 раза меньше, чем в конце XIX в., а их удельный вес в общей численности населения снизился до 30%.

В 1960-е годы ситуация начала постепенно меняться, в первую очередь благодаря демографическому взрыву у казахов и прекращению притока европейского населения из-за пределов Казахстана. В конце 60-х годов сальдо межреспубликанской миграции становится отрицательным.

Тем не менее даже к концу советского периода (перепись 1989 г.) удельный вес «европейской» группы был выше, чем удельный вес группы «азиатской» (51,1 против 42,8%). Главное же, не прекращался процесс русификации, существенно сократилось количество школ с казахским языком обучения, наблюдались определенные этнические диспропорции в кадровых вопросах.

После распада СССР тенденции внешней миграции, обозначившиеся в 1970–1980-х годах, достигли максимального ускорения. За 20 лет (1989–2009) численность «европейской» группы уменьшилась почти в 2 раза, «азиатской» – увеличилась в 1,5 раза. К 2009 г. удельный вес «азиатской» группы достиг 67,4%, европейской – 28,2%

Таким образом, в истории населения Казахстана, зафиксированной демографической статистикой, обнаруживается три перио-

да с различным этническим содержанием. В 1897–1959 гг. численность населения росла преимущественно за счет европейских народов (прежде всего, русских), что являлось следствием государственной политики как Российской империи, так и СССР. Временной отрезок 1959–1989 гг. можно охарактеризовать как «промежуточный», «инерционный». Число европейцев продолжает расти, но темпы роста азиатских этносов намного выше. Увеличивается удельный вес казахов в составе населения.

Третий, суверенный, этап (1989–2009) ликвидирует этнодемографические последствия первых двух этапов. В конце XX – начале XXI в. казахи стали абсолютным большинством населения в Казахстане. Данный факт имеет большое значение для идеологов национальной идеи. Довольно четко проблему сформулировал один из ведущих ее пропагандистов А. Гали, доктор наук, политолог: «Сегодня соотношение казахов к русским 3:1. А это говорит уже о многом... не должно быть тирании меньшинства. Именно культура, духовность большинства и должны развиваться. Все должно быть на родном языке». Примерные параметры этнического баланса были определены еще в середине 90-х годов XX в. и являются ориентиром до настоящего времени: «...Разве языковой вопрос, который постоянно у нас дискутируется, – это не чисто демографическая проблема? Разве языковая проблема могла бы появиться, если казахи в Казахстане составляли бы 70–80% населения? Вообще, если не произойдет демографического укрепления государства, наше будущее так и будет оставаться неопределенным» (Т. Жандаулет, журналист). После переписи 2009 г. А. Гали констатирует: «В настоящее время русские ...превратились в классическое этническое меньшинство».

Таким образом, в этническом составе населения Казахстана в последние годы произошли существенные количественные изменения. Роль количественного показателя чрезвычайно важна для определения, уточнения государственной стратегии в перспективе. Ясно, что скоро количество перейдет в иное качество. Примерные параметры нового состояния представлены, главным образом, в проправительственных СМИ. В статье «Новые подходы в консолидации общества: проблемы и аспекты», опубликованной в «Казахстанской правде», говорится: «За годы независимости в Казахстане произошли коренные этнодемографические сдвиги. Сегодня казахи впервые за много лет стали доминирующим этносом в собственной стране. Население Казахстана становится более однородным, что требует выработки новых подходов и консолидации...

Главное – определение и четкое понимание роли интегрирующего казахского культурного ядра... Государственность в Казахстане – это казахская государственность, зафиксированная в международных актах и двусторонних договорах и соглашениях».

Итак, стратегически важным для Казахстана являлся факт ликвидации этнодемографических диспропорций, доставшихся суверенному государству от прежних времен. К настоящему времени этнодемографическая ситуация кардинально отличается от «предсуверенной». Тем не менее основные направления национально-государственной стратегии остаются прежними. Ведется целенаправленная политика, рассчитанная на долгие годы.

Ведущим компонентом в решении как демографических (увеличение общей численности населения), так и этнодемографических (увеличение численности и удельного веса в составе населения казахов) задач является иммиграционная политика Республики Казахстан, посвященная возвращению на историческую родину этнических казахов, предки которых в разное время покинули страну. Таковых, по оценкам казахстанских демографов, насчитывается около 4–4,5 млн. человек. Больше всего в настоящее время казахов проживает в Китае (около 1,5 млн.), Узбекистане (более 1 млн.), России (около 1 млн.). Статистически именно эти государства могут быть основными миграционными донорами Казахстана. Для того чтобы не только принять соотечественников, но и подготовить для них «достойный старт», разработан статус оралмана, предусматривающий следующие меры:

- помощь в трудоустройстве, повышении квалификации и освоении новой профессии;
- создание условий для изучения казахского языка и, по желанию, русского;
- отсрочка от службы в рядах Вооруженных сил;
- квота для поступления в средние и высшие учебные заведения, места в школах, дошкольных учреждениях;
- пенсии, пособия по инвалидности, по случаю потери кормильца и по возрасту;
- восстановление в гражданстве, право на государственные социальные пособия;
- право на компенсацию как жертвам массовых политических репрессий;
- гарантированный объем бесплатной медицинской помощи, государственная адресная социальная помощь;

– предоставление земли под строительство жилья и участков для полеводства, кредит под 4% годовых на 16 лет;

– выделение из государственных средств 833 тыс. тенге (5,7 тыс. долл. США по курсу 2010 г.) на семью, в среднем состоящую из пяти человек, для аренды или покупки жилья, проезда и провоза имущества.

Другие составные части государственной национальной стратегии постепенно теряют актуальность. Эмиграция европейцев в 90-е годы XX в. выполнила свою основную задачу – удельный вес казахов в составе населения существенно повысился и пересек 50%-ную отметку за менее чем десятилетний период суверенного развития. В то же время общая численность населения Казахстана сократилась.

В начале XXI в. все более явным становилось внимание государства к проблемам естественного движения населения, а именно к росту рождаемости. Активно пропагандировался возврат к традиционной многодетной семье, повышались пособия по рождению детей. Но ожидаемых результатов в этом направлении достигнуто не было. «Жизнь показывает, что невозможно заставить рожать, но можно через миграции изменить обстановку в каком-то конкретном месте ...если эта политика развернется, то ...увеличение населения Казахстана резко возрастет за счет оралманов» («Деловая неделя» 04.09.2009).

В результате, на первый план вышла миграционная политика. Основные движущие факторы этой политики обозначили политические лидеры, общественные деятели РК: «...Правительство прорабатывает вопрос о репатриации 500 тыс. этнических казахов в ближайшие годы. Эти меры будут способствовать решению демографических проблем» (Ахметов Д.К., заместитель премьер-министра РК в 2000 г.); «Для увеличения численности населения Республика обратилась с призывом к соотечественникам за рубежом, разбросанным по всему земному шару, чтобы они возвращались на историческую родину...В целом для Казахстана главной является демографическая проблема, которая непосредственно влияет на независимость и безопасность республики» (Айтаханов К., депутат сената парламента РК); «Этническая репатриация представляет интерес для Казахстана по целому ряду причин, основная – это стабилизация демографической ситуации, восполнение миграционных потерь» (Мусин А., спикер мажилиса Парламента РК); «Как свидетельствуют результаты последней переписи, мы не просто восстановили численность населения, фиксировав-

шуюся до обретения независимости, но и значительно ее нарастили. Это яркое подтверждение того, что к 20-летию независимости мы построили состоявшееся государство, которое признано и уважаемо в мире» (Саудабаев К., государственный секретарь, министр иностранных дел РК).

Одним из результатов социально-экономической стабилизации в Казахстане в последние годы стало то, что в регион устремилось значительное число трудовых мигрантов, в первую очередь из центральноазиатских стран. К 2009 г. Казахстан вошел в первую десятку стран мира по уровню иностранной миграции. Данный факт еще более актуализировал проблему репатриации этнических казахов: «Значительный приток иностранцев стал влиять на этнодемографическую структуру населения, социокультурную среду, религиозную ситуацию. Этот процесс представляет определенный риск, так как если его не контролировать и не регулировать должным образом, количество иноэтничных мигрантов может достичь критических для внутривнутриполитической стабильности величин. При этом нужно четко разграничивать миграцию этнически и культурно близких народов и миграцию народов, чуждых нашему этнокультурному ареалу» («Казахстанская правда, 13.03.2010).

Итак, анализ высказываний представителей политического, национально-культурного истеблишмента позволяет прийти к выводу о том, что основной целью иммиграционной политики является решение этнодемографических проблем, вопросов национальной безопасности. Во главе угла – достижение необходимого этнического оптимума за счет привлечения на историческую родину казахов. В то же время создается впечатление, что численность прибывших в Казахстан за суверенный период этнических репатриантов еще не определена. Так, председатель Агентства РК по миграции и демографии в 2004 г. А. Джаганова в газете «Казахстанская правда» от 18 июля 2004 г. сообщает: «С 1991 г. по апрель 2004 г. в РК прибыло 83 936 семей оралманов, или 322 432 человека». Через два дня тот же автор в том же издании приводит иные данные: «С 1991 г. по апрель 2004 г. в РК прибыло 62 016 семей оралманов, или 259,8 тыс. человек». В 2005 г. председатель Комитета по миграции Министерства труда и социальной защиты населения Ж.Н. Абдиев говорит: «Со времени обретения независимости в республику на постоянное место жительства приехало свыше 374 тыс. оралманов».

В последующие годы оценочный диапазон численности оралманов остается довольно большим: «...за годы независимости

в Казахстан переехало более полумиллиона этнических казахов. В ближайшие годы их число достигнет миллиона человек»; «Всего с момента обретения суверенитета Казахстан принял 600 тыс. соотечественников, причем подавляющую часть – в последние годы»; «Начиная с 1991 г. наша республика приняла более 706 тыс. этнических казахов»; «Реально за последние десять лет в страну прибыло 1 120 000–1 130 000 оралманов» («Казахстанская правда», 2009–2010 гг.).

Затрагивает проблему численности оралманов в стране и президент РК: «Все годы независимости, несмотря на трудности...мы делаем все возможное, чтобы собрать своих соотечественников, которые разбросаны по всему миру. Благодаря этому свыше одного миллиона наших братьев вернулись на родину». Чуть более чем через месяц президент оценил численность оралманов несколько по-иному: «Когда мы обрели независимость, казахское население в стране составляло 42% от общего числа, сейчас цифра достигла 65%. За эти годы около одного миллиона наших сородичей вернулись на историческую родину, получив поддержку от государства».

Таким образом, существует очень значительный разброс мнений о численности оралманов в Казахстане. Причем мнений высокопоставленных лиц, опубликованных в ведущих изданиях страны. Большинство авторов, приводящих какие-либо данные о численности оралманов в РК, даже не пытаются представить образовательную, социальную и т.п. структуру репатриантов. Попытки же подобного анализа приводят к еще большей неразберихе. Так, в статье вице-министра юстиции РК М. Бекетаева «Ключевые направления миграционной политики» приводятся данные об уровне образования оралманов: среднее образование – 233,7 тыс. человек, среднее специальное – 10,6 тыс., незаконченное высшее – 5,2 тыс., высшее образование – 33,1 тыс., не имеют образования – 14,0 тыс. В сумме, таким образом, получается 296,6 тыс. человек. Но автор статьи решил привести и относительные данные, из которых следует, что высшее образование (33,1 тыс. человек) имеют 9,2% оралманов, среднее – 65% (233,7 тыс. человек) и т.д. Простые арифметические действия показывают, что, например, если 33,1 тыс. составляют 9,2% от общего числа, 233,7 тыс. – 65%, то это общее число должно равняться примерно 360 тыс. Но и это не все. В этой же статье имеется еще один вариант – в РК в настоящее время находится более 706 тыс. оралманов.

Итак, количество оралманов в РК неизвестно, по всей видимости, никому. Вполне вероятно, что оценки скоро будут даваться в таких формулировках – «около миллиона», «более миллиона», «приближается к полутора миллионам» и т.п. Главное в ином. Невыявленное количество оралманов предоставляет простор для статистического «творчества» в определении этнического состава населения РК.

Какие же функции, помимо демографических, должны выполнять оралманы на исторической родине? По мнению ответственного секретаря Министерства труда Т. Дуйсеновой, «штат квалифицированных кадров может пополняться за счет этнических казахов, граждан соседних государств». Но, как выяснилось, вряд ли подобным образом можно решить кадровую проблему в государственных масштабах. По словам председателя Комитета по миграции Министерства труда и социальной защиты РК Ж. Абдиева, в Казахстан прибывают неквалифицированные переселенцы, которые не владеют ни казахским, ни русским языком, поэтому почти 50% из них – безработные. В Казахстан, считает Ж. Абдиев, импортируется нищета.

А. Гали предлагает использовать оралманов и трудовых мигрантов для иных целей: «...Надо принимать рабочую силу из южных республик только в сельских местностях, тогда бы мы стимулировали отток казахов в города. Создание аграрных поясов вокруг городов будет способствовать процессу урбанизации казахов. Вообще нужно преодолеть порог в 60% казахов в городах... Чем скорее мы пересечем 60%-ный барьер и переселимся в города, тем выше будет социальная безопасность страны...Трайбализм в перспективе город будет поглощать, социализировать и ликвидировать, вплоть до последних остатков родоплеменных отношений». По проекту «Нурлы Кош» зоны компактного проживания репатриантов определены около городов – так оралманы помогут решить демографическую проблему, а также станут поставщиками сельскохозяйственной продукции в города. А. Гали дополняет: «Сейчас государство ориентировано четко на заселение районов с малым удельным весом казахов для предотвращения сепаратизма».

Но проблема в том, что оралманы не хотят ехать в районы, которые им определены. Они стремятся обосноваться рядом с родственниками и друзьями. Начальник управления миграции Восточно-Казахстанской области Д. Сеилханов видит выход в увеличении размера подъемных, например, до 10 тыс. долл. на семью.

В этом случае оралманы будут заселяться в пустующие села. Вполне возможно, что в случае дополнительного материального поощрения репатрианты будут более активно прибывать в обозначенные места. Но проблема в том, что часто оралманы, получив пособия, уезжают за пределы Казахстана или получают материальную помощь несколько раз, переезжая из области в область.

Итак, основной целью иммиграционной политики является решение следующих государственных задач: восстановление исторической справедливости; ликвидация этнодемографических диспропорций, доставшихся в наследство от советской эпохи; заселение пустующих территорий; стабилизация демографической ситуации в целом; повышение имиджа страны на международной арене в результате достижения положительного сальдо внешней миграции и т.п. Четкого же представления о том, как ситуация будет развиваться в последующем, по всей видимости, пока нет.

Одной из важных проблем, вызываемых иммиграцией, является отношение местного населения к репатриантам. Необходимо отметить, что русские (не казахи в целом) в массе своей относятся к теме «оралманы» индифферентно. Казахи же принимают ее близко к сердцу, активно и эмоционально обсуждают: «Государство “ввело” оралманов в какой-то особый ранг...» При этом диапазон мнений чрезвычайно велик. Вследствие этого автором были опрошены в основном представители казахского этноса. В первую часть исследования входили беседы с жителями сел и городов как Восточно-Казахстанской области, так и других регионов РК, по отдельным, избранным респондентами проблемам. Их суждения представлены ниже.

«Да, наши ребята обижаются на оралманов. Им все можно. Сено косят, где хотят, на тракторных тележках ездят по селу. И полиция ничего им сделать не может – запретили! А наших – сразу штрафуют...» (Виктор, с. Предгорное, Восточно-Казахстанская область).

«Да они (оралманы) – предатели! Когда трудно было – уехали в свой Иран, а как лучше стало, денег пообещали – вернулись сразу. А если опять что-нибудь случится – опять убегут? Наша молодежь (называются казахские, русские имена) дерется с ними постоянно» (Ерболат, п. Тюлькубас, Южно-Казахстанская область).

«У местных казахов (монгольских) самый прибыльный бизнес – пособия из Казахстана. Они туда едут, получают пособие – и возвращаются. На эти деньги дома строят, скот покупают, бизнес какой-то заводят» (Сауле, г. Караганда).

«В конце 50-х – начале 60-х несколько семей из Китая к нам приехали. Поселились отдельно. Мы еще детьми были, ходили к ним поиграть, познакомиться. Так их родители не пускали, не разрешали с нами общаться. И сами ни с кем не общались. У них все какое-то другое, не так, как у нас. И еда другая, и детей по-другому воспитывали. Был недавно в этом ауле – почти все так и осталось. Они – сами по себе, мы (местные) – сами по себе» (Едиль, г. Семей, Восточно-Казахстанская область).

«На бытовом уровне мы друг друга неплохо понимаем. Но как только дело касается предмета (респондент – преподаватель истории Казахстана в вузе) – начинаются проблемы: термины исторические, даты и т.п. Да и историю Казахстана они видят “по-китайски” (студенческая группа – репатрианты из Китая, СУАР). Долго спорить приходится... Родители почти у всех остались в Китае. Большинство туда собираются вернуться, почти никто не принял казахстанского гражданства, почти все – граждане Китая. Приехали потому, что высшее образование в Китае получить дорого. А здесь – бесплатно, по квоте. Да и субсидии от Казахского государства они получают, места в общежитии бесплатно и без очереди – и самые лучшие. А местные ребята квартиры вынуждены снимать ...Они (оралманы) сами говорят, что китайцы им ближе. Говорят, что вам (местным казахам) русские ближе, а нам китайцы. Как увидят китайца на улице – бегут, знакомятся, обнимаются. Они только внешне казахи, а на самом деле китайцы... Наши ребята их не любят. Да и вообще, не знаю, кому они нравятся. Плохую оценку им ставить нельзя, критерии по тестированию у них намного ниже, чем у наших. Наши же все видят» (Жадира, Усть-Каменогорск).

«Вот строят дома для оралманов. Магазин, аптеку тоже строят. Мы тут всю жизнь живем, аптеки не было – в город ездили. А им – сразу все. За что? Может, мне уехать из Казахстана куда-нибудь, а потом вернуться? Тогда все проблемы и решатся» (Адилбек, пос. Новоявленка).

«В нашем селе в детский сад взяли работать оралманку. Многие родители (казахи) не восприняли всерьез эту воспитательницу и отдали детей в русскоязычную группу детского сада, потому что там работает воспитатель с большим стажем детсадовской работы. Так оралманка обижается: “Почему вы детей не отдаете в мою группу? Только потому, что я оралманка?” А родители считают, что оралманка не даст их детям ту подготовку к школе, которую дает воспитательница из русскоязычной группы. Она вос-

питательницей у самих этих родителей еще была» (Мадина, с. Миролюбовка, Восточно-Казахстанская область).

«Местные студенты-казахи не любят оралманов: “Почему мы должны платить за свое обучение, а оралманы не должны?” И еще одна есть причина – оралман не может стать истинным патриотом страны, так как его дедов не репрессировали, их деды не погибали в Великой Отечественной войне» (Баян, Усть-Каменогорск).

Итак, большинство людей, с которыми беседовал автор, нелицеприятно отзываются об оралманах. Объясняется это, видимо, тем, что собеседники вспоминали конкретные бытовые примеры столкновений «аборигенов» с приезжими. Тем не менее заметно, что фоном воспроизведенных локальных конфликтных ситуаций является мнение местного населения о привилегированном положении репатриантов, что считается несправедливым, неправильным. Чтобы представления о репатриантах не ограничивались бытовыми примерами, автор опирался также на мнения экспертов, способных посмотреть на проблему «сверху». Роль бытового, субъективного фактора в суждениях экспертов играет гораздо меньшее значение хотя бы в силу того, что в социальных нишах, где они находятся, оралманов фактически нет.

А. Алексеев: «Как Вы считаете, сколько сейчас оралманов проживает в Казахстане?»

Канша (преподаватель вуза, кандидат исторических наук, г. Усть-Каменогорск): «Точной общей цифры, наверное, пока никто не сможет назвать. Предполагаю, что больше половины миллиона по республике». **Раушан** (магистр истории, г. Усть-Каменогорск): «Около одного миллиона». **Маулен** (преподаватель вуза, кандидат исторических наук, г. Караганда): «Точно не знаю, примерно 500 тыс. человек». **Айжан** (врач, г. Семей, Восточно-Казахстанская область): «Примерно 100 тыс. человек». Гульжан (преподаватель вуза, кандидат исторических наук, г. Усть-Каменогорск): «Примерно 100–150 тыс.».

Как видно из ответов, эксперты имеют слабое представление о численности репатриантов в Казахстане. Данные мнения практически адекватно отражают положение дел в государственной статистике. А. Гали считает, что «мы не можем наладить учет оралманов, так как часть казахов из Китая не принимают гражданства и два-три года живут в Казахстане как граждане КНР». Власть же, в свою очередь, «...скрывает или даже не знает масштабы реального притока мигрантов».

А. Алексеенко: «Если бы государство не давало пособий, не предоставляло никаких социально-экономических льгот оралманам, поехали бы они в Казахстан?»

Канша: «Думаю, что в таком случае оралманов было бы очень-очень мало». **Раушан:** «Некоторая часть, да. Но бóльшая часть осталась бы там». **Баулен:** «Не все, конечно, но большинство. Лишь бы не запрещали им вернуться на историческую родину». **Айжан:** «Вряд ли. Оралманы приезжают ради этих пособий, ради выгоды, ради того, чтобы рожать детей. Насколько я знаю, в Китае им можно иметь только одного ребенка. Может, один процент из ста приезжает из чувства патриотизма. У остальных же главная причина – материальная выгода». **Гульжан:** «Предполагаю, что если бы государство не оказывало социально-экономическую поддержку оралманам, они все равно возвращались бы в Казахстан. Разве что поток их был бы значительно меньше».

По мнению большинства, без материальной поддержки, социально-экономических льгот поток оралманов был бы намного меньше. Такие выводы существенно подрывают постулат о приоритете патриотических убеждений, мечте вернуться на историческую родину. На самом деле, судя по странам-донорам, наиболее патриотичны казахи, проживавшие в Узбекистане, Китае, Монголии (более 90% иммигрантов). Гораздо меньшими патриотами являются казахи России. И уж совсем это чувство неведомо казахам из Западной Европы, Северной Америки и других высокоразвитых стран.

А. Алексеенко: «Оралманы – “настоящие” казахи или их называют “монголами”, “китайцами”, “узбеками”, т.е. по месту выхода?».

Канша: «Нет не считаю их настоящими казахами. Называем по месту их выхода». **Раушан:** «Нет, они не настоящие казахи. Да, некоторые традиции они сохранили: шьют национальные костюмы, делают казахские орнаменты (почти все), знают почти все традиции казахов. Но они близки к местному населению (китайцам, монголам, узбекам). Там, где они раньше проживали. Язык смешанный. К казахскому добавляется китайский и т.д. Они говорят, что им легче общаться и даже ближе те же самые китайцы, монголы, нежели казахи Казахстана». **Маулен:** «Это те же казахи, что и местные. Разница лишь в том, что их судьба разбросала по разные стороны границы. Я их не отделяю». **Айжан:** «Я считаю оралманов не настоящими казахами и называю их “монголами”».

“китайцами”. Считаю, что их предки когда-то предали свою родину, испугались трудностей, голода и оставили своих соотечественников погибать». **Гульжан:** «Да, я считаю оралманов “настоящими” казахами. А в некотором отношении (знание языка, традиций, обычаев) они больше казахи, чем мы – местное население».

Ответы на данный вопрос, по мнению автора, отразили в целом весь спектр мнений о том, кто же такой «настоящий» казах. Вопрос этот остро стоит и в самом Казахстане, где в последнее время существенно усилились позиции национал-патриотов. Лидер движения Мухтар Шаханов предложил следующую классификацию казахов: «Я делю казахов условно на четыре группы. Первая – это люди, глубоко пустившие корни в свой народ, уважающие, ценящие язык, традиции, вложившие в это душу ...Вторая группа – наполовину казахи, наполовину русские. Если власть будет формировать правильное мировоззрение, они готовы вернуться в лоно народа. А иначе они и дальше будут русифицироваться. Третья группа – конченная группа, это от начала до конца обрусевшие люди. Их можно назвать КТЛ – “казахи только лицом”. Если казахский язык исчезнет, праздновать будет именно эта группа. Четвертая группа еще опаснее. Они и по-казахски, и по-русски говорят хорошо. Свою власть они используют для того, чтобы поставить казахов ниже других наций и завоевать у них авторитет». Если исходить из данной классификации, «ненастоящими» казахами окажется большинство экспертов. Классические же «настоящие» – как раз оралманы, сохранившие обычаи, традиции, язык казахского народа.

Следует обратить внимание на то, что многие эксперты отмечают сильное влияние на репатриантов культуры страны выхода. Об этом говорит и депутат мажилиса Парламента РК К. Уали: «Вызывает беспокойство активная китаизация казахов, проживающих на территории Китая. Правительство Китая выделяет им всевозможные льготы для того, чтобы только удержать их на китайской земле ...Результаты уже налицо: мы теряем своих соотечественников, они полностью поддерживают китайскую политику, и даже закрываются казахские школы, а казахи обучаются на китайском». Таким образом, в настоящее время все более важными становятся задача адаптации репатриантов, их интеграция в казахстанское общество. С ростом численности оралманов актуальность проблемы будет возрастать.

А. Алексеенко: «Отличаются ли оралманы от местных казахов, в чем эти отличия проявляются?»

Канша: «Да. Оралманы из Монголии, Китая не умеют писать на кириллице, на основе которой создан казахский алфавит (а это еще одна расходная часть в бюджете республики, чтобы организовать подготовительные курсы для абитуриентов). Различия в обычаях и традициях тоже есть. Страна выхода повлияла на культуру оралманов. Эта культура “традиционная” (может, “законсервированная”). То есть они помнят ту культуру, которую им передали отцы и деды. Они, компактно проживая в одном месте, пытались сохранить эту культуру. Оралманы – это не “чистые” казахи, это омонголизованные и окитаезированные казахи».

Раушан: «Язык отличается, он смешанный (с китайским, монгольским). Употребляют старые, давно вышедшие из употребления казахские слова. Питание. Оралманы, приехавшие из Китая, любят есть острые блюда, много перца. Их любимое блюдо – дафанджи (наверное, это китайское название). Это примерно бешбармак, но из курицы и овощей с перцем».

Маулен: «Есть. Наши традиции сохранились у них больше, чем у нас, местных. Язык – более чистый, без примеси. Они более предприимчивы, целеустремленны. Поэтому среди местных они быстро достигают своих целей и становятся более состоятельными. Это бросается в глаза. И поэтому на местах иногда у местных возникает недовольство по этому поводу. Но они в этом не виноваты. Чужбина их приучила к этой предприимчивости. А мы у себя дома, более раскованны и не столь интенсивно стремимся к скорому достижению цели. Для нас время течет медленнее».

Айжан: «Отличия, конечно, есть. Они проявляются в диалекте, внешне (оралманы смуглые), в низком социальном уровне. Они отличаются характером – или забитые, замкнутые, или наглые, кичатся тем, что они оралманы. Что мне нравится, оралманы очень хорошо знают родной язык, соблюдают национальные обычаи и традиции».

Оралгайша: «Оралманы отличаются манерой поведения, питанием. Мы – обрусевшие, они – чистые казахи, уважают старших, патриоты своей родины. У оралманов из Средней Азии есть отличия в языке».

Алибек: «Есть. Оралманы – очень работающие. Также они адаптивные. Оралманам знакомо чувство взаимовыручки. Они всегда готовы прийти на помощь, как своим, так и местным».

Светлана: «Отличный масса. Все зависит от того, откуда вернулись те или иные оралманы. Оралманы из России и Китая, например, – между ними огромная разница по всем направлениям (язык, религия, виды занятий, уровень образования, стереотипы поведения и т.д.)».

Основное отличие, отмеченное практически всеми экспертами, – традиционность оралманов (язык, обычаи, традиции, менталитет и т.д.). При этом, как отмечалось выше, большое влияние на репатриантов оказала культура стран выхода.

А. Алексеев: «Охотно ли идут оралманы на контакт с местным населением. Или они предпочитают общение в своем кругу?»

Канша: «Предпочитают общение в своем кругу, друг с другом. При этом, оралманы, приехавшие в начале 90-х годов называют оралманов начала 2000-х “монголами”, “китайцами”, хотя их самих раньше так же называли. Оралманы 1990-х годов не общаются с оралманами 2000-х. Местные же казахи с трудом идут на контакт с оралманами, так как в них они видят людей, с которыми они вынуждены “делиться”. И, конечно же, социальная помощь, предоставленная оралманам, вызывает у местных казахов недовольство и возмущение – почему оралманам предоставляем льготы, “они когда-то убежали, а теперь мы их должны содержать”; “деды оралманов ушли в другие страны, чтобы сохранить свое имущество и жизнь” и т.д.». **Раушан:** «Это заметно в общежитии, они очень тесно общаются друг с другом. Друзей у них мало среди местного населения». **Маулен:** «Я специально их не исследовал, но там, где я их встречал, общались с местными спокойно. Наиболее умелые и способные люди даже вызывали у местных уважение. К их услугам местные обращались с охотой, а они без проблем делились своим опытом. Это умельцы по изготовлению бытовых предметов, орудий труда, народные лекари и т.д.». **Айжан:** «Мне кажется, зависит от характера и контактности самого человека. Однако я думаю, что оралманы охотно идут на контакт с местным населением и хорошо общаются друг с другом, оказывая поддержку».

Мнения опрошиваемых разделились. Большое значение имеют и возраст (как прибывающих, так и принимающих), и страна выхода репатриантов, и место «оседания» в Казахстане. В результате сочетания различных компонентов и создаются как «благоприятные», так и «неблагоприятные» зоны общения репатриантов с местным населением.

А. Алексеев: «Местное население имеет такие же права, как оралманы, или нет? Если оралманы имеют преимущества, то почему?»

Канша: «Права местных казахов ущемляются. Государство “ввело” оралманов в какой-то особый ранг. И это объясняется тем,

что оралманы увеличат численность казахов, а для Казахстана это сейчас необходимо. Хотя можно было бы проводить специальную демографическую политику, направленную на поддержку, в первую очередь, местных казахов». **Раушан:** «Пока оралманы не получают гражданство, у них есть преимущества. Чтобы они обратно не уехали, государство выделяет на каждого члена семьи определенные льготы (больше 100 тыс. тенге). Когда у них иностранное гражданство, их нельзя трогать. Например, двухпроцентная квота для поступления в вузы. Набирая меньше баллов, чем местные, они поступают. Например, в 2007–2008 гг. из подготовительного отделения поступило 70% оралманов. Поступил человек, еле писавший на кириллице (даже не умел писать). Даже почти не знающие историю поступают в вузы (на исторический факультет). А местные школьники, которые 11 лет учились здесь и лучше, чем они, знают предмет, – не поступают». **Маулен:** «У оралманов есть преимущества. Это необходимо, чтобы они успешно, без особых проблем могли адаптироваться в новой среде. А со временем, когда это осуществится, то, думаю, эти льготы надо отменять». **Айжан:** «Местное население, мне кажется, ущемлено в правах по сравнению с оралманами. Они имеют преимущества при поступлении в вузы, оказании медицинской и социальной помощи. Считают статус оралмана пропуском, которым можно пользоваться даже после получения гражданства».

По мнению автора, обсуждаемая проблема – одна из ключевых в теме «репатриация этнических казахов», играющая основную роль в формировании отношений между местным и приезжим населением. Большинство экспертов отметили, что оралманы имеют определенные преимущества. Именно льготы, предоставляемые иммигрантам государством, более всего раздражают казахское население РК и являются основной причиной негативного к ним отношения.

А. Алексеенко: «В целом, на Ваш взгляд, как местное население относится к оралманам: положительно, нейтрально или отрицательно?».

Канша: «Положительно и нейтрально – меньшая часть, отрицательно – большая часть». **Раушан:** «Некоторые положительно, некоторые – отрицательно. Положительно потому, что они более гостеприимные, чем местные казахи. Отрицательно потому, что местное население их считает (их дедов, прадедов) предателями родины. Что они сбежали в трудные времена в другую страну. Также и потому, что у них есть преимущества (поступление в вуз,

в общежитии проживают бесплатно, бесплатная медицина). Пока у них есть удостоверение оралмана – им везде зеленый свет». **Маулен:** «Вначале положительно, сейчас кое-где появляются роптания, т.е. недовольства. Но в последующем все будут относиться к ним нейтрально, как к своим. Нет особых проблем для их адаптации к новой среде, если эту проблему искусственно не раздувать через СМИ. Жизнь все поставит на свои места. Они обретут адекватную идентичность, т.е. такую же, как у местных». **Айжан:** «В целом, отрицательно. А причины, с моей точки зрения, таковы: это потомки предателей своей исторической родины; они создают конкуренцию на рынке труда и повышают безработицу, соглашаясь на любую работу и низкую оплату за нее; занимают места в вузах, при этом у многих из них недостаточно знаний; квартиры, земли распределяют в первую очередь оралманам; при устройстве на работу, в детский сад – им тоже зеленый свет. Все же я не против того, чтобы оралманы приезжали к нам, пополняли численность населения Казахстана. Но в целом мое отношение к ним отрицательное». **Оралгайша:** «Многие относятся к оралманам положительно, потому что они трудолюбивые, общительные, честные». **Гульжан:** «Однозначного ответа дать не могу. Среди местного населения есть те, кто категорически против приезда оралманов в Казахстан, есть сочувствующие и поддерживающие их. Причины отрицательного отношения к оралманам, думаю, кроются в недостаточном знании истории нашей страны, судьбе казахского этноса в 20–30-е годы XX столетия. В свое время предки оралманов были вынуждены покинуть Казахстан. Согласна с тем, что оралманы создают некоторую конкуренцию в вузах, на рынке труда. Но это, наоборот, должно стимулировать местное население. Среди положительного отношения к оралманам можно назвать жалость, хорошее знание ими казахского языка, традиций, истории, их желание вернуться на историческую родину, патриотизм. Они как укор нам, местным казахам, подрастерявшим за относительно короткий исторический промежуток многие национальные ценности. Может, оралманы – это наш шанс на духовное возрождение». **Алибек:** «Местное население относится к оралманам положительно. Ценит их трудолюбие, честность, дружелюбие». **Светлана:** «Я думаю, есть и отрицательное, и положительное отношение. Все зависит от уровня культуры, глубины и степени взаимодействия друг с другом».

Ответы на этот вопрос демонстрируют весь спектр отношений казахов Казахстана к оралманам. Однозначных отрицательных

или положительных мнений немного. Но в комбинированных вариантах чаще присутствует сочетание «безразлично-отрицательное». Многие объясняет точка зрения, высказанная Сауле: «Местное население относится к оралманам нейтрально или никак, если это не затрагивает их личные интересы». Следует понимать, что если личные интересы будут затронуты, отношения из нейтральных превратятся в отрицательные.

* * *

Таким образом, миграционная политика в Казахстане носит четко выраженный этнический характер. Иммиграция этнических казахов является составной частью стратегии развития государства на длительную перспективу. В то же время приоритет количественного фактора оставляет в тени ряд проблем, вызываемых прибытием все большего числа репатриантов. Особенность ситуации состоит в том, что выразителем сути этих проблем является население Казахстана, и, что немаловажно, в первую очередь казахское население. Государственная риторика ограничивается, в основном, патриотическим вариантом освещения темы «репатрианты». Какие-либо негативные характеристики качественного состава оралманов, их отношений с местным населением и т.п., в государственных СМИ встречаются крайне редко. Довольно четко наблюдается государственный тренд развития темы: население Республики Казахстан должно объединиться вокруг казахского культурного ядра, казахи – основа государственности. Вследствие этого количественный фактор имеет огромное значение, особенно на фоне демографических катастроф казахов в XX в. Основным источником этнического пополнения является иммиграция. А. Гали видит еще один источник пополнения численности казахского этноса: «...надо записывать казахами каракалпаков и другие близкородственные народы, а также “обузбеченных” казахов – в казахи».

Учитывая активную идеологическую, социальную, материальную помощь государства репатриантам, можно говорить о том, что в Казахстане необходимо в перспективе учитывать не только реакцию принимающего общества, но и мнение оралманов, часто весьма конъюнктурно чувствующих государственную линию. Большое значение в становлении подобного «самоутверждения» имеет география выхода репатриантов – подавляющее большинство прибывает из Узбекистана, Китая, Монголии. Качественный

уровень (образовательный, профессиональный) иммигрантов из этих регионов, в силу объективных причин, зачастую намного ниже уровня местного населения. Но репатрианты чувствуют себя в большей мере «настоящими» казахами, чем «русифицированные» местные (в первую очередь это касается северо-восточных регионов РК). Оралманы сохранили, «законсервировали» обычаи, традиции казахского народа, лучше знают родной язык. Ощущения «самости», «истинности» часто перевешивают факт образовательного, социально-экономического отставания, что и является основанием весьма независимой риторики. Все это вызывает определенное раздражение местного населения, неприятие некоторой его частью оралманов.

Образ оралмана формируется как бы в двух уровнях. С одной стороны, государственные структуры через СМИ создают портрет человека, вернувшегося в Казахстан, несмотря ни на какие трудности ради возможности принести пользу родине. У населения Казахстана, при всем многообразии точек зрения (многие придерживаются и государственной линии), сложились следующие стереотипы:

– репатрианты – потомки предателей исторической родины, покинувших ее в сложные времена. На оралманов нельзя положиться, так как в случае появления проблем они вновь могут покинуть Казахстан в поисках лучшей жизни;

оралманы – иждивенцы, прибывающие в Казахстан в основном из-за пособий, материальной поддержки государства. В ином случае большинство не приехали бы. Оралманам достается то, что государство должно было предоставить местным казахам. У местных гораздо меньше прав, чем у репатриантов;

– оралманы – не «настоящие» казахи, так как в их языке, культуре, менталитете неизгладимо отразилось влияние стран выхода. Отметим, что репатрианты данный упрек адресуют, в свою очередь, местным казахам («русифицированные»);

– у большинства оралманов – низкий образовательный, профессиональный уровень. С точки зрения модернизационного развития они немного могут дать Казахстану. Но наряду с вышеприведенным стереотипом параллельно существует и иной – репатрианты более работоспособны, предприимчивы, чем местные казахи. Очень скоро их материальный уровень и социальный статус будут выше, чем у местного населения;

– оралманы плохо интегрируются в казахстанскую действительность, предпочитая жить компактно, общаясь, в основном, только друг с другом.

Вышеприведенный набор стереотипов отражает в целом представления казахского населения РК. В одних регионах более распространены одни штампы, в других – иные. Многое зависит от географии выхода репатриантов. Например, штамп «предатели родины» уготован для казахов, возвращающихся из «дальнего зарубежья» (Китая и Монголии). На репатриантов из республик бывшего СССР он практически не распространяется. Роль СМИ в распространении мигрантофобии очень невелика. Штампы / стереотипы населением создаются самостоятельно, без их влияния. Соответственно, СМИ (в первую очередь, официальные) данные штампы не тиражируют. Таким образом, поддерживаемый государством иммиграционный поток, традиции многодетности, молодая возрастная структура репатриантов позволяют говорить о том, что в перспективе их роль в Республике Казахстан (во всяком случае – количественная) существенно повысится. В случае сохранения основных факторов, формирующих в настоящее время отношение местного населения к оралманам, проблема мигрантофобии может стать одной из важных во внутреннем развитии.

*«Миграция и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири: Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков»,
Иркутск, 2011 г., с. 567–591.*

Константин Григоричев,
кандидат исторических наук (г. Иркутск)
**МИГРАНТЫ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ
ОСВАИВАЮТ СИБИРЬ
(на примере Иркутской области)**

Иностранные трудовые мигранты давно стали привычной и, кажется, уже неотъемлемой частью жизни сибирских регионов. Постоянная потребность региональной экономики в рабочих руках, конъюнктура рынков, демографическая ситуация, некоторая либерализация российского миграционного законодательства – все это объективно повышает привлекательность Сибири для временных трудовых мигрантов из-за рубежа. Соседство с КНР и, что немаловажно, удаленность Сибири от федерального центра

порождают огромное число мифов и ложных представлений, опасений – реальных и надуманных – о численности и степени иностранных мигрантов, прежде всего – китайцев.

Иными словами, Сибирь уже основательно «освоена» иностранными мигрантами как в реальности, так и в «виртуале» – мифах, стереотипах, бытующих в массовом сознании. При всей разности этих «миров» объединяет их общность пространства, в котором собственно и протекают миграционные и связанные с ними процессы. Это пространство Города – пространство социальное, экономическое, культурное, ментальное, даже правовое. Немногочисленные миграционные исследования, вне городской среды, выполняются в жанре case-studies и, как правило, связаны с изучением специфической группы мигрантов и / или уникального миграционного опыта. В результате, невольно складывается представление о том, что пространство Города остается едва ли не единственным, где происходит взаимодействие мигрантов и принимающего общества.

Безусловно, города Сибири являются средоточием жизни в регионе. Здесь сконцентрировано около 71% населения в Сибирском федеральном округе и более 74% жителей Дальневосточного федерального округа. Здесь протекает основная экономическая, социальная, культурная жизнь региона. Характер внутрорегиональной миграции (прежде всего, ее пространственные векторы) ведут к росту городского пространства, вследствие чего пространство Города все более явно выходит за пределы административной черты городов. Собственно городские округа (этим статусом обладают центры субъектов Федерации и немногочисленные прочие крупные и средние города) постепенно все более тесно включают в свою орбиту прилегающие сельские районы, формируя сложное субурбанизированное пространство. В полупатриархальное пространство сельского пригорода входит мир Города, привнося множество новых, не свойственных ранее явлений, процессов, социальных групп.

Такой подход позволяет, на мой взгляд, поставить обширный комплекс исследовательских проблем. Идет ли процесс проникновения иностранных трудовых мигрантов в пригороды крупных сибирских городов? Появляются ли здесь заметные группы гастарбайтеров из ближнего и дальнего зарубежья? Сколько их и кто они? Складываются ли новые, отличные от городских, модели и механизмы взаимодействия между мигрантами и местными сообществами, в том числе и органами местного самоуправления?

Насколько специфика субурбанизированного пространства тормозит или ускоряет процесс взаимной адаптации?

Пространство Иркутского сельского района, во всяком случае его пригородной зоны, представляется вполне подходящим «полем» для разработки поставленных исследовательских проблем. И здесь возникает проблема метода. Имеющийся массив статистических данных позволяет очертить лишь общий «контекст» – динамику миграционных процессов в районе в целом, изменение распределения населения по территории района и т.п.

Присутствие иностранных трудовых мигрантов в Иркутском районе, точнее, его пригородной части, достаточно четко очерченной радиусом 30–40-минутной транспортной доступности от областного центра, становится в последние годы все более заметным. Однако попытка определить если не численность, то хотя бы масштабы их присутствия в поселениях района, наталкивается на серьезные сложности. Обращение к данным государственной статистики фактически бессмысленно, поскольку она отражает данные лишь о мигрантах, пребывающих в районе более 6 месяцев и, что самое важное, – вставших здесь на миграционный учет по месту пребывания. Так, например, по данным Иркутстата, в 2007 г. в населенные пункты Иркутского района прибыло всего 22 (!) человека из Узбекистана и 8 (!) – из Таджикистана. Иными словами, если принять за основу данные госстатистики об иностранных мигрантах в районе, то придется признать визуальные признаки их присутствия не более чем миражами.

Официальные данные не позволяют определить ни численность иностранных мигрантов, ни их размещение по достаточно обширной территории района. Обращение к представителям местных и районной администраций приводит к неожиданному открытию. Ни на одном уровне местного самоуправления нет сколько-нибудь ясного представления ни о численности, ни о структуре, ни о размещении иностранных мигрантов в районе. Отсутствие полномочий и каких-либо правовых инструментов для работы с мигрантами в муниципалитетах первого уровня оставляет сотрудникам последних в качестве источников информации лишь визуальные наблюдения и «ощущения».

Информированность органов местного самоуправления о присутствии иностранных мигрантов на территории района ограничивается констатацией факта – «они у нас есть». Сколько-нибудь отчетливого представления о численности и размещении иностранных трудовых мигрантов в районе местная власть не име-

ет. И если на низовом уровне (сельские поселения) сохраняется хотя бы общий интерес к получению информации о численности мигрантов, то на районном уровне мигранты и власть живут де-факто в параллельных плоскостях. Такая ситуация подразумевает и крайне неполную информацию о структуре прибывающих в район иностранных мигрантов.

При всей неосведомленности власти (муниципалитетов всех уровней) о численности и структуре мигрантов представители администрации (как и другие представители местного сообщества) довольно уверенно разделяют их на две крупные группы.

1. «Китайцы» – мигранты из КНР, проживающие преимущественно в прилегающих к городу населенных пунктах.

2. «Таджики» – собирательное название для группы, в которую включают мигрантов из постсоветских стран Центральной Азии (преимущественно из Таджикистана и Узбекистана). Подчеркну, что название группы, бытующее в местном сообществе, воспринимается не как этноним, а именно как обозначение широкой мигрантской группы, включающей представителей различных этнических групп и выходцев из разных государств. Здесь я буду использовать термин «таджик», «таджики» не в этническом его значении, а именно как собирательное обозначение категории иностранных трудовых мигрантов, прибывших из Центральной Азии. Эти группы достаточно жестко разделяются как в представлениях власти (местных администраций), так и в обыденной жизни. Причем критерием для этого выступает отнюдь не этнический фактор, а скорее гражданская (по стране происхождения) принадлежность. Так, в большинстве интервью «китайцы» противопоставляются «нерусским», «таджикам» и даже «гастарбайтерам».

Несмотря на длительное соседство с сельским сообществом, предполагающим в иных случаях складывание неформальных, «человеческих» отношений, «китайцы» остаются максимально закрытой группой. Ее члены стремятся к максимальной минимизации контактов с местным населением и властью. Как следствие эта группа остается и для местных жителей, и для администрации привычным, но мало понятным элементом повседневной жизни.

Собирательное обозначение «таджики», основанное на критерии их занятости и месте в экономической жизни местного сообщества, предопределяет гетерогенность «таджиков» как мигрантской группы: она крайне неоднородна, в нее включаются мигранты, совершенно разные по этнической и гражданской принадлежности, продолжительности пребывания в изучаемом районе

и т.д. Этническое происхождение этих мигрантов нередко не совпадает с гражданской принадлежностью, а формальные характеристики по длительности пребывания в России (как критерий градации на постоянных и временных мигрантов) нередко противоречат характеру их занятости, системе налогообложения и т.д. В связи с этим представляется невозможным и некорректным структурировать эту группу по традиционным критериям, используемым в миграционном и статистическом учете.

Более перспективным подходом для выделения внутренней структуры этой группы иностранных мигрантов может быть использование аналогии с устоявшимися категориями «белых» (полностью легальных) и «серых» (полулегальных, непрозрачных) бизнес-схем. Обозначение этих категорий, при некоторой их искусственности, давно вошло как в научный язык, так и в терминологический аппарат административно-управленческой практики. Отталкиваясь от указанной аналогии, в группе «таджиков» можно выделить две подгруппы:

1. «Белые таджики» – трудовые мигранты, которые находятся в стране на законных основаниях, официально трудоустроены, получают «белую» заработную плату, словом – полностью легализованы.

2. «Серые таджики» – «гастарбайтеры», законность пребывания и занятости которых непрозрачна и частично или полностью нелегальна. Представители этой подгруппы, как правило, не имеют официального трудоустройства, юридически оформленных отношений с работодателями, а нередко – и разрешения на трудовую деятельность в РФ.

Появление «белых таджиков» как особой подгруппы временных трудовых мигрантов во многом определено интересами бизнеса, вынужденного лавировать между конъюнктурой рынка труда и изменяющимся миграционным законодательством. С одной стороны, характер демографических и миграционных процессов в Сибири (да и в стране в целом) предопределяет неизбежность привлечения трудовых мигрантов. С другой – кардинальное изменение миграционного законодательства России, пережившего в постсоветские годы несколько этапов, связанных со сменой парадигмы миграционной политики, связывало привлечение иностранных рабочих с серьезными рисками. Однако логика развития производства, требующая привлечения большого числа рабочих и минимизации связанных с этим издержек, сделала, на мой взгляд,

легальное привлечение иностранных рабочих неизбежным процессом.

Исследования второй половины 2000-х годов показали достаточно явный интерес бизнеса (в том числе – мелкого и среднего) к использованию именно временных мигрантов. Постоянные мигранты, оседающие в местах локализации производств и становящиеся постоянными сотрудниками предприятий, могут быть предпочтительнее для бизнеса в связи с возможностью роста их квалификации, профессионализма, адаптированности к местной специфике, в том числе и условиям труда. Но издержки, связанные с социальным обустройством таких мигрантов, высоки и могут окупиться лишь в долгосрочной перспективе. Временные мигранты – заметно дешевле (как правило, и в оценке их труда) и не влекут комплекса проблем социального характера. Но часто их недостаточная квалификация, отсутствие профильного образования, «непроверенность» являются серьезными рисками для бизнеса, особенно связанного с использованием достаточно сложной и дорогой техники и оборудования.

В качестве решения, похоже, сформировались вполне устойчивые связи бизнеса с мигрантами. Ежегодный наем на работу одних и тех же или, по крайней мере, части нанимаемых рабочих-мигрантов позволил установить вполне личные контакты с ними. «Адресным» становится и подбор рабочих на каждый сезон, что позволяет учитывать конъюнктуру рынка. Работающие в течение десяти и более лет на одном и том же предприятии временные рабочие-мигранты освоили и специфику труда, и технику, используемую в работе. Зарекомендовав себя как вполне надежные работники, они, сохраняя статус временного иностранного мигранта, фактически становятся постоянными рабочими.

В этом двойственном статусе (временные мигранты и одновременно – постоянные рабочие) таджики оказываются чрезвычайно выгодны местному бизнесу. Обеспечивая работодателю все выгоды постоянного персонала (необходимый уровень квалификации, сложившаяся репутация, приспособленность к местным условиям), они в то же время сохраняют и все выгоды найма временных рабочих – отсутствие комплекса социальных обязательств (детские учреждения, трудовая занятость взрослых членов семьи, иные издержки), возможность регулирования численности работающих в зависимости от сезона и конъюнктуры, минимальные расходы на обеспечение быта.

Очевидно, выгодно такое положение и самим мигрантам. Постоянная работа с гарантированным уровнем зарплаты, официальное трудоустройство с легальным и, что, возможно, важнее, – организованным, коллективным решением всех вопросов по регистрации и получению разрешения на работу, не требующим индивидуальных усилий и обращения к услугам тех или иных посредников. Для них посредником между ними и государством в лице ФМС становится их работодатель. Пожалуй, единственный очевидный минус в таком положении дел для мигрантов – это необходимость уплаты значительных налогов, которые начисляются на заработную плату нерезидентов страны. Однако длительное и официальное трудоустройство решает и эту проблему: пребывая на территории России более полугода и имея легальную трудовую занятость, «таджики» становятся резидентами РФ. При этом размер удерживаемых с них налогов не многим отличается от таких, взимаемых с российских граждан.

Отсутствие реальной конкуренции со стороны местного населения за эти рабочие места привело к формированию не только взаимного интереса работодателя и «белых таджиков», но и все более заметной взаимозависимости. Если для мигрантов эта зависимость становится «возможностью», некоторой гарантией трудоустройства и заработка, то для бизнеса вместе с преимуществами она несет и риски. Финансовые, организационные и другие вложения в организацию системы найма «белых таджиков» в сочетании с отсутствием реальной конкуренции за рабочие места со стороны местного населения ведут к тому, что иностранные рабочие становятся (или уже стали) критическим фактором для устойчивости местного бизнеса. Иными словами, легальное использование иностранных трудовых мигрантов в мелком и среднем бизнесе в условиях узкого и / или весьма специфичного рынка рабочей силы в пригороде, устраняя одни проблемы (прежде всего, в сфере взаимоотношений с государством), формирует новые риски, слабо осознаваемые властью и лишь постепенно формулируемые представителями бизнес-сообщества. Эти риски и их «осознание», возможно, свидетельствуют о том, что процесс взаимной адаптации мигрантов и местного сообщества, по крайней мере, в данной сфере, входит в новую фазу, в которой «взаимный интерес» дополняется (сменяется?) «взаимной зависимостью».

Продолжая аналогию с бизнес-схемами, формирование группы «серых таджиков» имеет вполне легальную базу (законный въезд в страну), на основе которой формируются легальные, полу-

легальные и вовсе незаконные практики. Вероятно, большинство мигрантов этой группы въезжают в Россию на вполне законных основаниях. Однако дальнейший характер их пребывания и трудовая деятельность уже не фиксируются в учете официальных органов и становятся мало прозрачными для власти. Говорить о теневой составляющей жизни и деятельности «серых таджиков» пока достаточно сложно (хотя эта составляющая, вероятно, довольно значительна). Основной сферой трудовой деятельности «серых таджиков» является строительство и ремонт, а также подсобные работы. Основной причиной появления «серых таджиков» в сельских населенных пунктах стал массовый приток горожан, главной целью которых является строительство жилья – домов и усадеб. Став в последнее десятилетие для Города едва ли не главной рабочей силой в строительной сфере, «таджики» появились в сельской местности вместе с волной «состоятельных людей» на рубеже 1990-х и 2000-х.

Формальных, оформленных официальным договором отношений с работодателем у большинства «серых таджиков» нет, что и дает основание для выделения этой подгруппы. Как индивидуальный, так и коллективный (бригадный) наем на работу происходит неофициально, в большинстве случаев по рекомендации. Примечательно, что неофициальный порядок найма «таджиков» предпочитают не только частные лица, но и администрации сельских поселений, предпочитающие использовать их услуги для небольших ремонтных работ, выпаса сельского стада, благоустройства территории. Важно, что администрации муниципалитетов первого уровня здесь выступают как низовой уровень власти, формально следующий законодательству, но на деле реализующий совсем иные практики.

Причины, подталкивающие местную власть к «неформальным», т.е. фактически теневым, «серым» схемам взаимодействия с «таджиками», представляются вполне очевидными. С одной стороны, это жесткие ограничения Бюджетного кодекса и связанных с ним федеральных законов, соблюдение которых в полном объеме не только усложняет решение любого хозяйственного вопроса, но растягивает эту процедуру на несколько месяцев. Относительно непродолжительней строительно-ремонтный сезон и требование расходования средств до конца финансового года делают подобные проволочки крайне нежелательными для местных администраций. Более того, отсутствие каких-либо официальных документов о найме иностранного рабочего (или бригады) де-юре означает

отсутствие и каких-либо отношений муниципалитета с мигрантами по известному принципу «нет человека (в этом случае мигранта) – нет проблемы».

С другой стороны, сами мигранты, имеющие статус нерезидентов России, не заинтересованы в официальных трудовых отношениях, поскольку такой статус обязывает выплачивать подходящий и иные налоги по повышенным ставкам. Совпадение интересов мигрантов, местной власти и местного сообщества в целом выталкивает их взаимоотношения в сферу неформальных практик, в тень, «серую» зону деловых отношений. Традиционная «неформализованность» повседневности сельской местности и взаимное нежелание юридического оформления взаимодействия «заказчиков» и «работников» (а значит, и обозначения жестких рамок этих отношений) дают широкие возможности для самоорганизации «серых таджиков». В результате в Иркутской области формируется довольно сложная трехуровневая организация работы «серых таджиков». Низовой ее уровень представлен рядовыми работниками, организованными в бригады. Возглавляют бригады более квалифицированные работники, как правило, выполняющие более квалифицированные виды работ, непосредственно организующие выполнение работ на «объекте» и формирующие второй уровень организации – «бригадиров». Если эти два уровня вполне традиционны для организации неформальных рабочих бригад и распространены и в городе, то третий (верхний) уровень специфичен для пригорода, а его появление вызвано необходимостью распределения «объектов» между бригадами в нескольких населенных пунктах. Представители этого уровня, обозначенные респондентами как «мастера», «мастера-бригадиры», немногочисленны – по оценкам представителей сельских администраций, «в сезон» на территории муниципального образования, включающего 4–5 населенных пунктов с общим числом жителей около 5–6 тыс. человек, работают 4–5 таких «мастеров».

В функции «мастеров», помимо распределения («раскидывания») бригад, входит выполнение высококвалифицированных работ, заключение договоров, денежные расчеты с заказчиком и бригадами.

Формирование подобной узкой группы может свидетельствовать о складывании мигрантской элиты, своеобразной «рабочей аристократии». Она формируется из наиболее предприимчивых и адаптированных к местным реалиям мигрантов, концентрирующих в своих руках ключевые функции по организации экономиче-

ского взаимодействия «серых таджиков» и местных сообществ. Представители этой «прослойки» заметно отличаются от рядовых рабочих как внешне, так и по уровню доходов.

Формирование подобной структуры организации работы «серых таджиков», которая сложилась всего за 10–12 лет, является крайне важным фактом. Он позволяет говорить о том, что процесс взаимной адаптации иностранных трудовых мигрантов и местного сообщества в области идет заметно быстрее, нежели в городе. Специфика сельской местности благоприятствует большей вариативности этого процесса, возникновению широкого спектра практик (вероятно, со значительным преобладанием неформальных) и более глубокой интеграции мигрантов и местного сообщества. Если «белые таджики» стали критическим фактором для устойчивой деятельности местного бизнеса, то «серые таджики», похоже, стали неотъемлемой частью экономической жизни остальной части принимающего сообщества в сельской местности. И с этой точки зрения присутствие «таджиков» воспринимается позитивно на всех уровнях муниципальных администраций.

Реализация большинства проектов в сельских поселениях, даже самых незначительных, практически все частное строительство, планируется и реализуется исключительно с привлечением «серых таджиков». Спектр «объектов», на которых используется труд «серых таджиков», крайне широк – от сооружения дощатых торговых киосков до реставрации церкви. Подобная практика стала привычной, повседневной и воспринимается как само собой разумеющаяся. Более того, формируется все более явное предпочтение в выборе между местными и иностранными рабочими в пользу «серых таджиков». И выбор этот диктуется не только дешевизной мигрантского труда, но и массой других факторов: сложившейся репутацией, готовностью к любой работе, ответственностью, трезвостью.

Эта «традиция» отражает проигрыш местных строительных бригад в конкуренции со строителями-«таджиками». Бригады строителей из местного населения уже практически не встречаются и воспринимаются местным сообществом как воспоминание из «колхозного прошлого». Исключение составляют лишь наиболее сложные строительные специальности, специфичные для условий Сибири, прежде всего – печники.

Иными словами, местное население оказалось постепенно вытесненным с рынка строительства. Не имея ощутимых преимуществ в профессиональных качествах, местные рабочие начинают

прибегать к этномиграционному фактору в конкуренции с «серыми таджиками». В районе масштабных строек в пригородах Иркутска все чаще встречаются объявления от строительных бригад, в которых подчеркивается их «русский», «местный» состав. Однако оценить, насколько эффективно использование этого фактора, крайне сложно. Пока же строительно-ремонтная сфера экономической жизни Иркутской области прочно связана с «таджиками», и ее устойчивость, похоже зависит от присутствия мигрантов.

Заняв обширную экономическую нишу, вписавшись в местное сообщество, «таджики» начинают все активнее «вписывать» местное сообщество в свою жизнь. Пожалуй, наиболее ярким и неожиданным проявлением этого процесса является наем мигрантами местного населения в качестве чернорабочих на поденную работу. Как правило, в качестве таких поденщиков нанимают неквалифицированных местных жителей из неблагополучной социальной среды. Такими поденщиками являются разнорабочие, которые используются на подсобных работах – «унеси-принеси», «выкопай», «подержи».

Закрепление и довольно широкое использование этого понятия, на мой взгляд, свидетельствует о том, что этап первичной адаптации «таджиков» (не индивидуально каждого, разумеется, а в качестве новой социальной группы в местном социуме) закончился. Если ранее «таджики» искали свое место в принимающем сообществе, то ныне, прочно заняв найденную нишу в экономической жизни и фактически монополизировав ее, мигранты все более уверенно пытаются изменить сложившиеся правила игры.

В последние два года, несмотря на экономический кризис и рост безработицы, услуги «таджиков» (прежде всего – «серых») резко подорожали. Стоимость работ выросла в 1,5–2 раза, а иногда и больше. Причем нередко длительный торг не дает результатов – бригада (точнее, выступающий от ее лица «бригадир» или «мастер») или отдельные мигранты, подрабатывающие «на стороне» помимо основной работы, предпочитают отказать от заказа, но не снижают запрошенную цену. Столь смелые, даже рискованные шаги, как мне представляется, могут быть сделаны лишь на фоне осознанной монополии и, как следствие, зависимости местного сообщества от мигрантов. Примечательно, что это произошло на фоне весьма благоприятной для местной экономики ситуации с трудовыми ресурсами. Численность населения трудовых возрастов до последних двух-трех лет была максимально высока и даже росла. Уровень безработицы же на селе достаточно высок для того,

чтобы теоретически подтолкнуть безработных из местного населения к работе в тех отраслях, которые сейчас заняли мигранты. В перспективе же численность населения трудоспособных возрастов будет очень быстро сокращаться, что создаст еще более благоприятную конъюнктуру для иностранных рабочих.

* * *

Сделанные наблюдения позволяют прийти к нескольким выводам. Несмотря на их предварительный – в силу недостаточной пока основы для генерализации – характер, они представляются достаточно важными для понимания динамики взаимной адаптации иностранных мигрантов и принимающего общества в сибирских регионах.

Как видно, процесс взаимодействия иностранных мигрантов и принимающего общества вышел за пределы городов и широко распространился в сельской местности. За городской чертой он не только не затормозился в силу меньшего объема рынка, более низкой платежеспособности сельского населения и тому подобных факторов, напротив, он приобрел новые, отличные от городских, формы и, похоже, заметно бóльшую динамику.

Менее формализованная сельская жизнь способствует более высоким темпам адаптации и большей степени взаимной интеграции иностранных мигрантов и местного сообщества. Интересы иностранных рабочих и местного сообщества (в том числе и администраций муниципалитетов нижнего уровня), по крайней мере, в экономической сфере, здесь достаточно близки. В отличие от позиции государства, сохраняющего (несмотря на существенную либерализацию) контрольно-ограничительную логику миграционной политики в отношении трудовой миграции, местная власть прямо заинтересована в присутствии иностранных мигрантов, прежде всего – «таджиков».

Вполне очевидна и заинтересованность местной власти в максимальном уходе от контрольных и ограничительных мер, которые сложились в рамках действующей системы приема иностранных трудовых мигрантов. Эти меры зачастую не только ничего не дают муниципалитетам – как административным органам и местным сообществам в целом, но и, напротив, затрудняют решение повседневных проблем и текущих вопросов. В результате складывающееся противоречие выталкивает местные сообщества

и местную власть в сферу неформальных практик взаимодействия с иностранными трудовыми мигрантами.

Глубина и степень взаимной адаптации иностранных трудовых мигрантов (в частности, «таджиков») и местного сообщества в сельской местности выводят на повестку дня проблему «дня без мексиканца»¹, а применительно к Сибири – «дня без “таджика”». Местные сообщества и, прежде всего, локальный малый и средний бизнес только начинают осознавать сформировавшуюся взаимозависимость. В системе же государственной власти и местного самоуправления ни на низовом, ни на каком-либо ином уровне эта проблема не только не ставится, но даже и не осознается.

Между тем сложившаяся система отношений может свидетельствовать о начале нового этапа в процессе взаимодействия иностранных трудовых мигрантов и местного сообщества. Этапа, на котором вопросы «нужны или не нужны мигранты?» и «на каких условиях они нам нужны?» могут стать уже неактуальными, а на повестку дня выйдет более жесткий вопрос: «Можем ли мы жить без “таджиков”?»

«Миграция и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири: Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков», Иркутск, 2011 г., с. 156–176.

Георгий Ситнянский,

публицист (Институт этнологии и антропологии РАН)

ИНТЕГРАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: РОССИЙСКИЙ И ТУРЕЦКИЙ ПРОЕКТЫ – СОПЕРНИЧЕСТВО ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО?

В ноябре 2011 г. в Туркменбаши (бывший Красноводск) в Туркменистане впервые встретились лидеры Туркменистана, Азербайджана и Турции – Гурбангулы Бердымухаммедов, Ильхам Алиев и Абдулла Гюль. Помимо всего прочего, это первая за многие годы туркменско-азербайджанская встреча, поскольку после приснопамятного покушения на Туркменбаши 25 ноября 2002 г., в причастности к которому тогда обвиняли Азербайджан, отношения между Ашхабадом и Баку были фактически прерваны и возоб-

¹ Jeffrey H. Cohen. Where do they go? «A day without Mexican», a perspective from south of the border // Migration letters, 2006. Vol. 3. N 1. April. P. 77–86.

новляются только сейчас, после кончины «Великого Сердара» (одно из официальных наименований Ниязова-Туркменбаши): в январе этого года возобновилась работа двусторонней комиссии по экономическому сотрудничеству, были проведены переговоры по определению срединной линии на Каспии. В марте 2008 г. Туркменистан назначил посла в Баку. Наконец, на днях стороны урегулировали вопрос о погашении азербайджанского долга за туркменский газ, а также «достигли определенного прогресса» по вопросам раздела Каспия и спорных месторождений.

Но куда интереснее присутствие на встрече главы еще одного государства – Турции, равно как и предмет обсуждений трехсторонней встречи. По информации МИД Туркменистана, главы трех государств, помимо вопроса торговых отношений, обсудят и проблемы сотрудничества в энергетической сфере.

Автору уже приходилось, причем неоднократно, писать об энергетической интеграции России с цивилизационно близкими ей евразийскими (т.е. населенными преимущественно скотоводческим населением кипчакского происхождения) государствами региона – Казахстаном и Киргизстаном. С 1996 г. рассматривался и вот, наконец, начал реализовываться проект участия России в гидроэнергетическом строительстве в Киргизстане (Камбар-Атинский каскад ГЭС), а в перспективе, после решения Киргизстаном проблем со своим электричеством, – и поставок киргизской электроэнергии в Сибирь в обмен на нефть и газ. Возможно, это будет первый шаг к российско-казахстанско-киргизстанской интеграции в рамках евразийского «славяно-кипчакского» проекта.

Здесь надо оговориться: большинство россиян до сих пор воспринимают Центральную Азию как единое целое, хотя на самом деле регион состоит из трех различных частей – евразийской, или скотоводческой степной (Казахстан и Киргизстан), тяготеющей к России (впрочем, Казахстан в не столь отдаленной перспективе вполне может перехватить у России ведущую роль в Евразии, но это отдельная тема); собственно среднеазиатской (Узбекистан, Таджикистан и некоторые тяготеющие к ним регионы соседних государств), которая является самодостаточной; туркменской, или скотоводческой пустынной.

Но при этом, подобно тому как Россия составляет евразийское целое с Казахстаном и Киргизстаном, Турция и Азербайджан составляют некое цивилизационное целое с Туркменистаном. Титульные народы всех трех государств принадлежат к одной и той же подгруппе тюркских языков – огузской, что и неудивительно,

поскольку все они являются потомками огузов, или турок-сельджуков, в XI в. смешавшихся с оседлым иранским и малоазиатским населением, воспринявших его культуру, но передавших ему свой язык. Примерно тогда же, кстати, кипчаки заселили евразийские степи, а дойдя до границ Руси, после нескольких десятилетий конфронтации установили союзнические отношения с Русью, дав начало евразийскому единству.

Интересно, что душевой ВВП в странах – потенциальных локомотивах обеих интеграционных групп, по данным выступавшего на этой же конференции Л.А. Фридмана, сопоставим: Россия – 15 000 долл. на душу населения, Турция – 12 000 долл., Казахстан – 11 000 долл.

Так вот, если задуманное главами трех огузско-турецких государств удастся, то наряду с евразийским проектом интеграции в Среднеазиатском регионе начнет реализоваться проект пантюркистский, как раз примерно в рамках Сельджукского государства (за исключением, правда, входивших в состав последнего регионов с арабским и персидским населением). Только энергетической его основой станут не поставки электроэнергии, как в евразийском случае, а поставки нефти и газа: по дну Каспийского моря будет-таки проведен нефтепровод. Впрочем, ведь и в случае с Россией и Киргизстаном речь шла и о поставках нефти и газа, а с другой стороны, в пантюркистском: проекте не останется без внимания и электроэнергетика: с турецкой компанией «Lotus Proje Akaryakit Enerji Madencilik Telekomunikasyon Insaat Sanayi Taahhut ve Ticaret A.S.» (привожу полное название, поскольку не знаю, как сократить. – [Г.С.]) будет заключен контракт на строительство новой ашхабадской газотурбинной электростанции мощностью 254 мВт.

Но вернемся к проекту нефтепровода через Каспий и попытаемся ответить на вопрос: на что при подобном обороте событий может рассчитывать Россия?

На первый взгляд, ничего хорошего нашей стране этот вариант не сулит: Турция – член НАТО, а именно транскаспийского нефтепровода Россия всегда боялась как продолжения направленного в обход ее территории нефтепровода Баку–Джейхан. Однако не все так просто.

Несколько недель назад в «Известиях» появилась статья Сергея Маркова о том, что Турция вполне может стать другом и союзником России – по целому ряду причин. И в последнее время подобных высказываний было немало. Само по себе членство в НАТО еще ни о чем не говорит – например, Франция и Германия,

будучи членами Альянса, в свое время выступили против войны США в Ираке куда более решительно, чем Россия, а весной этого года почти все «старые» европейские члены НАТО заблокировали прием в эту организацию Украины и Грузии.

Кстати, война в Ираке американо-турецкие отношения тоже не могла улучшить хотя бы потому, что США создали в Северном Ираке фактически независимое курдское государство, что не может не быть вдохновляющим примером для курдов Турции, уже много лет ведущих вооруженную борьбу за независимость.

Кроме того, США опасаются (и не без оснований), что Турция, реализующая свои пантюркистские планы (в том числе и в Средней Азии), вырвется из-под их контроля. Не в последнюю очередь поэтому США не настаивали на посылке в Афганистан турецких контингентов, хотя, казалось бы, турецкая армия – вторая по силе в НАТО, имеет большой опыт войны в горах (с теми же курдами), а главное – турок как мусульман афганское население воспринимало бы лучше, чем американцев и европейцев.

Но возникает вопрос: если Турция вырвется из-под контроля США, то не может ли она попасть под контроль каких-то других сил? Исламских радикалов, например. Можно по-разному относиться к США, но не подлежит сомнению, что исламские радикалы еще хуже. И если уж исламисты в последние годы активизировались собственно в Турции, с ее многолетней – со времен Ататюрка – приверженностью светскости, то в куда менее вестернизированных и светских Азербайджане и особенно Туркмении у них, рассуждая логически, куда больше шансов на успех.

В общем, Россия и Турция нужны друг другу, в том числе и для совместного отстаивания более выгодных позиций в отношениях с Западом, поскольку очевидно, что обе страны последний намерен достаточно долго держать в «предбаннике» Европы, не делая полноправными участниками; в то же время я не стал бы делать упор на антизападной направленности гипотетического российско-турецкого союза: Россия и НАТО. Россия и ЕС, Россия и США нужны друг другу, в том числе и геополитически, и еще пригодятся.

В интересах России, таким образом, чтобы Турция реализовала свои пантюркистские проекты, оставаясь при этом членом НАТО и в то же время поддерживая дружеские отношения и с нашей страной (в рамках Среднеазиатского региона – с нашими евразийскими партнерами). Влияние в Турции России и США урав-

новешивало бы друг друга и совместно предотвращало бы какие-либо угрозы исламского радикализма.

В последнее время появился еще один фактор, делающий весьма желательным российско-турецкое сотрудничество, в том числе и в Средней Азии. Весьма вероятно, что с приходом в Белый Дом новой администрации войска США и их союзников уйдут из Афганистана. Можно как угодно относиться к этому военному присутствию, но несомненно, что сейчас войска НАТО сдерживают напор исламских радикалов – талибов и прочих, который в противном случае пришелся бы и по бывшим союзным республикам в Средней Азии, в том числе и по Киргизстану. Кто сомневается в этом, тому необходимо вспомнить, что творилось в регионе в два-три года, предшествовавшие оккупации Афганистана странами НАТО. Например, Киргизстан дважды – в августе 1999 г. и в августе 2000 г. – подвергался вторжениям в районе Баткена, и только оккупация Афганистана войсками НАТО после 11 сентября предотвратила еще более масштабные акции такого рода в 2001 г.

В этом аспекте пантюркистское сотрудничество было бы полезно и с точки зрения сдерживания исламистов. Это реально с учетом того, что при всех упоминавшихся опасностях активизации исламских радикалов туркмены и азербайджанцы, не говоря уже о турках, значительно менее склонны к пропаганде идей последних, чем узбеки, и в принципе могут при вышеприведенных условиях успешно от них обороняться.

В то же время интересы российского евразийского и турецкого пантюркистского интеграционных проектов нигде не сталкиваются, даже если бы Турции вздумалось вслед за интеграцией энергетической заняться интеграцией политической (о чем пока и речи нет) – в том, конечно, случае, если Россия откажется от претензий на все постсоветское пространство, а Турция – от претензий на все тюркские народы, ограничившись теми, о которых шла речь. При выполнении этих условий Россия и Турция – не конкуренты друг другу, и в этом аспекте понятие «пантюркизм», используемое по большей части в ругательно-пугательном смысле, приобретает позитивную окраску. Как, впрочем, и «евразийство». Сложнее с экономическими аспектами, например, экономическое влияние Турции сегодня очень велико на северо-западе нынешнего Киргизстана (Таласская обл.), но в конце концов, что мешает экономически внедряться туда России? В общем же, российско-турецкое сотрудничество имеет хорошие перспективы.

В последнее время появилась и еще одна причина, по которой Россия, Турция и их евразийские и пантюркистские клиенты соответственно должны сотрудничать, а не соперничать в Средней Азии.

Наплыв мигрантов-гастарбайтеров в Россию уже давно стал предметом обсуждения в научной, политической и публицистической литературе в нашей стране. Немало работ посвятил данной теме и автор этих строк. Однако сегодня в связи с кризисом в стране и мире у этой проблемы неожиданно высветился новый аспект.

В связи с кризисом в России и замораживанием ряда крупных строек началось сокращение «гастарбайтеров» из Средней Азии, большинство из которых составляют как раз более сильно подверженные влиянию исламских радикалов узбеки и таджики. Причем последние год-два – по преимуществу узбеки. Я сознательно делаю главный упор на узбеков и таджиков, поскольку, по моему мнению, еще одна среднеазиатская нация, поставляющая в Россию большое количество мигрантов, – киргизы – является цивилизационно близкой России – евразийскими традиционными скотоводами (как и казахи). Представители этих этносов постоянно «выходили» на Русь со времен Владимира Мономаха (кипчаки), это такой же естественный процесс, как движение славян на восток. Эти народы менее исламизированы, легче поддаются европеизации и т.д. А вот узбеки и таджики – это уже представители оседло-мусульманского Востока. И наплыву их подвергается не только Россия, но и евразийские Казахстан и Киргизстан. Автор уже писал об этом процессе, назвав его «перетоком с юга на север».

А теперь вернемся к проблемам сокращения. Расследование корреспондентов некоторых газет (например, «Московского комсомольца») подтверждают эту тенденцию. Стереотипные ответы опрошенных корреспондентами таковы: потерял работу (хотя должен еще «доделать старую», прежде чем получить расчет) (гастарбайтер-таджик); «сократили процентов 40 персонала» (группа строителей – узбеков и таджиков); «увольнения были, люди неизвестно куда делись, наверное, уехали» (охрана стройки).

При этом не всем заплатили заработанное. Так, на одной стройке «всем электрикам задолжали», одному из них – целых 60 тыс. рублей. Судьба сокращенных строителей уже сейчас разная. «Кому заплатили – те домой подались, остальные где-то в Москве и области как смогли устроились. А у нас, отделочников,

почти до лета работа, говорят, есть. Не пропадем», – констатирует та же группа строителей – узбеков и таджиков.

Допустим, те, кто остался в Москве, до лета как-нибудь дойдут, а там, возможно, и кризис пройдет (если брать самые оптимистические прогнозы). А если кризис не пройдет – что будет тогда? И что в том и в другом случае произойдет с теми, кто уехал? А их немало: по последним данным, сейчас из России ежемесячно уезжают на 30 000 больше людей, чем въезжают в нее.

Потеряв работу в России и не найдя ее дома (если бы она была, зачем бы им было ехать к нам?), куда они подадутся – с учетом того, что в Узбекистане душевой ВВП, по данным того же доклада Л.А. Фридмана, составляет 2,500 долл., в Киргизстане – 2,000, а в Таджикистане – 1,700? Кстати, я не уверен, что в Узбекистане душевой ВВП выше, так как оттуда едут гастарбайтеры в Киргизстан, а не наоборот, но это отдельная тема.

На какое-то время им хватит заработанных денег. А что потом? Да и «родная» узбекистанская власть, как я убедился, не жалует вернувшихся: несколько лет подряд автор этих строк обследовал гастарбайтеров в Среднем Поволжье от Пензы до Оренбурга. Узбеки, правда, неразговорчивы, и понятно почему – в их ряды, по рассказам, внедрены агенты СНБ (КГБ), и у особо болтливых родственники могут пострадать (или сами, когда придут на побывку домой). Но все же некоторых из них иногда прорывает. Так вот, один ферганский узбек рассказал мне, как в 2006 г., проведя в России десять лет, решил вернуться домой. История с возвращением получилась достойная художественного романа в стиле Кафки. Здесь в подробности вдаваться не место, скажем только, что за год он потерял там все заработанное и рад был, что вырвался обратно в Пензенскую область. Это, понятно, из ряда вон выходящий случай, но все же показательный. Особенно же тяжело в Узбекистане живущим в сельской местности, которые не могут реализовать свою продукцию на рынке, а вынуждены сдавать государству по фиксированным ценам.

Так вот, в свете всего сказанного, да еще в сочетании с тем, что режим Каримова проводит репрессивную политику не только против подлинных и мнимых исламских радикалов, но зачастую и просто против точно исполняющих все религиозные предписания (что опять-таки не может не умножить число последователей радикалов), нет ли опасности, что вернувшиеся из России гастарбайтеры подадутся в боевики?

А ведь и это не вся опасность, и даже не главная. Многие из гастарбайтеров останутся в России. Или, не сумев устроиться в своих странах, вернуться сюда. При этом, по последним данным, несмотря на кризис и грозящий в связи с ним рост числа своих безработных, квоты на мигрантов на днях были увеличены с 3,4 до 4 млн. человек. Правда, против этого решения уже выступила Общественная палата, так что, может быть, это увеличение еще пересмотрят. А ведь и среди приезжих работников есть разные люди, в том числе и сторонники тех самых радикалов... В Поволжье уже активно орудуют боевики из «Исламского джамаата» или «Хизб ут-Тахрир» и периодически сообщается о раскрытии органами ФСБ готовившихся ими терактов. Опять-таки – что будет здесь, если тысячи и тысячи исламистских боевиков останутся «без работы» в Афганистане и Ираке.

В свете всего вышесказанного стоит помнить, что Туркменистан – единственная страна в Среднеазиатском регионе, из которой массового наплыва гастарбайтеров нет. А строители-турки, хотя и достаточно активно работают в России, не стремятся всеми правдами и неправдами тут осесть. Так что и поэтому Турция и Туркмения – естественные союзники России в борьбе с «переток с юга на север».

«Российско-турецкий диалог по проблемам Центральной Азии и Кавказа: История и современность», М., 2010 г., с. 173–179.

Роберт Блэквил,
политолог (США)
ПЛАН «Б» В АФГАНИСТАНЕ

Нынешняя политика США в Афганистане обходится в десятки миллиардов долларов, ежегодно там гибнет несколько сот солдат и офицеров союзнических войск – и все ради того, чтобы не позволить «Талибану» взять под контроль пуштунские провинции, где это движение зародилось. Пока конца-края не видно. Те, кто настаивает, что для успеха нынешней стратегии требуется больше времени, забывают сказать, как они оценивают шансы на успех в течение следующих нескольких лет, сколько еще понадобится жертв и бюджетных ассигнований и для чего все это нужно. Холодный расчет говорит о том, что пора переключаться на резервный план «Б».

Пока не похоже, чтобы Соединенные Штаты и их союзники смогли победить талибов военными средствами. Сейчас в Афганистане размещены Международные силы содействия безопасности (ISAF) под руководством США в составе 150 тыс. человек. Это на 30 тыс. человек больше, чем Советский Союз имел в этой стране в 1980-е годы, но менее половины того, что требуется в соответствии с классической доктриной борьбы с партизанами (повстанцами), чтобы иметь хоть какой-то шанс на умиротворение страны.

А если принять во внимание, что оккупировавшая Афганистан армия совершенно не знакома с местной историей, языком, обычаями, политическими предпочтениями, ценностями и внутренним устройством племенной жизни, то союзникам вряд ли удастся привлечь на свою сторону существенное число афганских пуштунов, как того требует доктрина борьбы с повстанческим движением. Соединенные Штаты не завладеют «умами людей» (по выражению Себастьяна Юнгера) на юге и востоке Афганистана. В ноябре президент Афганистана Хамид Карзай заявил в интервью «Вашингтон пост», что не желает видеть такое количество американских солдат и офицеров, заполняющих афганские дороги и дома, и что долговременное присутствие стольких иностранных военнослужащих лишь усугубит сопротивление. «Настало время сворачивать военные операции, – сказал Карзай. – Пора сократить присутствие “солдатских сапог” в Афганистане... уменьшить вмешательство в повседневную жизнь афганцев». Подобные настроения широко распространены, хотя и совершенно несовместимы с дислокацией военнослужащих на местах, как того требует стратегия борьбы с повстанческим движением.

Качество управления, которое пытается обеспечить глубоко коррумпированное правительство Карзая, не улучшится в ближайшее время, а без всеобъемлющей правительственной реформы в Афганистане успех, по сути, невозможен. Как подчеркивает специалист по борьбе с повстанцами Дэвид Килкаллен, «результат всецело зависит от того правительства, которое вы поддерживаете». В этом контексте Декстер Филкинс отметил в «Нью-Йорк таймс», что «Афганистан в настоящее время считается одним из основных бандитских государств мира. Из 180 стран, которые попадают в рейтинг коррупционности Transparency International, Афганистан занимает 179-е место; хуже дела обстоят только в Сомали».

В ближайшее время Афганская национальная армия не готова в одиночку противостоять «Талибану» и осуществлять серьез-

ные боевые действия на юге и востоке Афганистана. По мнению журнала «Экономист», «менее 3% новобранцев являются выходцами из беспокойного пуштунского юга, который оказывает талибам наибольшую поддержку. Вследствие безжалостного террора против «коллаборационистов» и членов их семей немногие пополнят ряды афганской армии и в будущем. В результате офицеры с севера, которые говорят только на дари (афганско-персидский язык), вынуждены пользоваться услугами переводчиков на юге страны, населенном пуштунами. Пехотинцы с севера вообще не желают идти на юг». Генерал морской пехоты США Джеймс Конвей заявил представителям прессы в августе прошлого года, что Афганская национальная армия еще в течение нескольких лет будет не готова обеспечить безопасность американским войскам в провинциях Кандагар и Гильменд. Пакистанские военные, видящие в Индии главного врага и считающие, что необходимо обеспечить стратегическую глубину, будут и дальше предоставлять убежище давнишним союзникам из «Талибана» и не примут подлинно независимый Афганистан.

Наконец, общественное мнение в Соединенных Штатах и странах-союзницах вряд ли позволит продлить интервенцию на то время, которое, в соответствии с доктриной борьбы с повстанцами, потребуется для успешного окончания миссии. Многочисленные заявления президента Барака Обамы о скором сворачивании боевых действий в Афганистане привели к ослаблению американской дипломатии во всем регионе. Администрации нужно прекратить разговоры о стратегиях выхода и нацеливаться на долгосрочные боевые действия, сохранив в этой стране от 30 до 50 тыс. солдат и офицеров.

В то же время Вашингтон должен признать, что «Талибан» рано или поздно обретет контроль над пуштунским югом и востоком, и чтобы предотвратить подобный исход, придется заплатить неприемлемо высокую цену. Конечно, администрации не следует отдавать пуштунские провинции на откуп талибам или открыто призывать к расчленению Афганистана. Скорее пора просто перестать приносить ненужные жертвы на юге и востоке и согласиться с «реальным раскладом сил» в соответствующих провинциях. В то же время ВВС США и войскам особого назначения придется остаться в стране в ближайшем будущем, чтобы поддерживать афганскую армию и правительство в Кабуле и не допустить захвата «Талибаном» также севера и запада страны.

Учитывая, что отдельные элементы нынешней афганской политики Вашингтона совершенно не работают, оптимизм по поводу способности выполнить поставленные задачи напоминает слова Белой Королевы из «Алисы в Зазеркалье»: «Ну что же, до завтрака я иногда верила в шесть невозможных вещей». Короче говоря, президенту Обаме следует объявить, что Соединенные Штаты и их зарубежные и афганские партнеры будут и дальше осуществлять всеобъемлющую контртеррористическую стратегию в пуштунском Афганистане, а также стратегию национального строительства на остальной территории – как минимум в течение следующих 7–10 лет. При этом придется пойти на вынужденный шаг и признать фактическое расчленение страны, что было бы крайне разочаровывающим итогом десятилетних инвестиций США в Афганистан, но, к несчастью, это лучший результат, который Вашингтон сможет достичь, если трезво смотреть на вещи.

После стольких лет несостоятельной политики в отношении Афганистана не может быть легких, быстрых и дешевых способов выбраться из нынешней трясины. Даже при всех тех проблемах, к которым приведет фактическое расчленение страны, для администрации Обамы этот путь был бы наилучшей альтернативой стратегическому поражению. Твердо придерживаясь намерения долго играть роль деятельной боевой силы в Афганистане и решительно отвергая перспективу установления постоянного контроля «Талибана» над южными провинциями, Соединенные Штаты и их союзники могли бы за несколько месяцев вывести силы наземного базирования с большей части пуштунского Афганистана, включая Кандагар. Международные силы содействия безопасности могли бы прекратить боевые действия в горах, на равнинной местности и в городах на юге и востоке Афганистана (продолжая поставлять оружие, помощь и разведанные тем старейшинам местных племен, которые готовы продолжать сопротивление). Тем временем Вашингтон сосредоточил бы усилия на защите северных и западных провинций Афганистана, в которых пуштуны не являются доминирующей силой, включая Кабул.

Афганским талибам можно было бы предложить временное соглашение, по которому каждая из сторон обязалась бы не расширять контролируемую территорию, коль скоро «Талибан» прекратит оказывать поддержку мировому терроризму. Вполне возможно, что лидеры «Талибана» это предложение отвергнут. США должны дать ясно понять, что нанесут удар по любым объектам «Аль-Каиды», где бы они ни находились, а также при любой по-

пытке «Талибана» нарушить линию размежевания, равно как и по всякому убежищу террористов вдоль границы с Пакистаном. Террористы нигде не должны чувствовать себя в безопасности и должны подвергаться массированным ударам по обе стороны линии Дюранда.

В этом предприятии Вашингтону следует заручиться поддержкой афганских таджиков, узбеков, хазарейцев и сотрудничающих с ним пуштун«в, а также союзников по НАТО, ближайших соседей Афганистана и Совета Безопасности ООН, что было бы как нельзя кстати. Союзники могли бы продолжить ускоренное обучение афганской армии. Что касается национального строительства, то главные усилия следует направить на племенные группы, населяющие север и запад Афганистана, которые готовы принять помощь и не подвергаются систематическому давлению со стороны талибов. Наконец, может наступить момент, когда окрепшая Национальная армия Афганистана сумеет с помощью союзников отбить у «Талибана» юг и восток страны.

Как указывает политический аналитик Джон Чипман, «метод сдерживания может быть принят в качестве стратегии, которая ограничивается мерами, направленными на отведение угрозы, как изначально практиковалось коалиционными силами, когда они только входили в Афганистан... Эта стратегия позволит избавиться от впечатления, будто вывод боевых подразделений означает победу противника. Подобную стратегию можно было бы осуществлять на протяжении длительного времени и при этом добиваться главной цели в сфере безопасности». В этом отношении недавние сообщения прессы о том, что американские войска останутся в Афганистане до конца 2014 г., можно только приветствовать.

Подобные изменения в стратегии дали бы ясно понять всем, что Соединенные Штаты, сохраняя длительное военное присутствие в Афганистане, намерены еще долгие годы оставаться реальной силой в Южной и Центральной Азии. Это позволило бы резко снизить военные потери, а значит, и внутривнутриполитическое давление, поскольку широкая общественность в этом случае не стала бы требовать скорейшего вывода войск. Это привело бы и к резкому снижению финансовых расходов на кампанию, которые в настоящее время составляют 7 млрд. долл. ежемесячно. В то же время союзники по НАТО с большей вероятностью продлили бы миссию в Афганистане на значительный срок. Предлагаемая стратегия позволила бы армии и морским пехотинцам США восстановить силы и боеспособность после нескольких лет ведения двух сухопутных

войн, и для большинства соседей Афганистана такая стабилизация оказалась бы приемлемой. В то же время Исламабад не смог бы уже так беззастенчиво требовать от Вашингтона терпимого отношения к террористической угрозе из Пакистана, пользуясь тем, что Соединенные Штаты вынуждены проводить наземную операцию в Южном Афганистане. И это также позволило бы администрации Обамы сосредоточить силы и ресурсы на решении других важных вопросов.

План фактического расчленения Афганистана связан с немалыми издержками и нежелательными последствиями, поэтому его принятие имеет смысл лишь в том случае, если другие альтернативы еще хуже, но так оно и есть на самом деле. Например, одна из альтернатив заключается в том, чтобы продолжать контртеррористическую операцию в Афганистане вне зависимости от того, сколько еще времени она может потребовать, и, возможно, даже увеличить военное присутствие. Это лишено смысла, поскольку американские интересы в Афганистане не столь велики, чтобы оправдать подобное вложение сил и средств. На сегодняшний день в стране размещено около 100 тыс. американских военнослужащих, хотя, по данным ЦРУ, там находится всего от 50 до 100 боевиков «Аль-Каиды». Это означает, что на каждого боевика приходится от одной до двух тысяч солдат и расходуется около миллиарда долларов ежегодно, что с лихвой превышает любые разумные пределы. Выделение таких непомерных ресурсов совершенно неоправданно с точки зрения интересов в данном регионе. Изначальная военная цель Соединенных Штатов в Афганистане состояла в уничтожении «Аль-Каиды», а не в ведении военных действий против «Талибана», и эта цель по большому счету выполнена.

Еще одна альтернатива – полный вывод всех вооруженных сил в течение следующего года или двух. Но это могло бы привести к быстрому возобновлению полномасштабной гражданской войны в Афганистане, а затем, возможно, к завоеванию всей страны талибами. В вооруженный конфликт втянулись бы соседи Афганистана с последующей дестабилизацией обстановки во всем регионе и обострением отношений между Дели и Исламабадом. Пакистан с большей вероятностью превратился бы в радикальное исламское государство, создав, в свою очередь, угрозу безопасности находящемуся там ядерному арсеналу. Это ослабило бы и, быть может, полностью уничтожило ростки стратегического партнерства между Индией и США, поставило бы под сомнение перспективы НАТО и дало новый стимул идеологии джихада и нарас-

тающей волне терроризма против либеральных обществ. Наши друзья и враги во всем мире расценили бы это как полный провал Вашингтона в качестве лидера международного сообщества, отсутствие у него стратегической решимости и проявление слабости. Разрушительные последствия подобного решения ощущались бы долгие годы.

Третья альтернатива – попытка достигнуть стабильности в Афганистане путем переговоров с «Талибаном». НАТО могла бы попытаться соблазнить лидеров афганских талибов перспективой прекращения боевых действий и вхождения в коалиционное правительство в Кабуле. Но, как сказал директор ЦРУ Леон Панетта, до тех пор пока талибы будут думать, что они одерживают верх, с ними невозможно ни о чем договориться: «Мы не видим никаких доказательств того, что они по-настоящему заинтересованы в примирении. У них нет ни малейшего желания сложить оружие, отречься от “Аль-Каиды” и стать нормальными членами общества. Мы не видим подтверждений подобных намерений с их стороны, и что касается примирения, честно говоря, мне думается, что если они не будут убеждены в твердом намерении Соединенных Штатов одержать победу и нанести им решительное поражение, трудно рассчитывать на подлинное примирение». Несмотря на интенсивность атак с использованием беспилотных радиоуправляемых устройств, США не удастся заставить «Талибан» пойти на полноценный политический компромисс. Как сказал один высокопоставленный чиновник из Министерства обороны, в конце октября, «похоже, партизанская война не ослабевает», добавив, что не видит никаких принципиальных изменений или сдвигов в оперативной обстановке.

Но как быть с проблемами, могущими возникнуть в связи с фактическим расчленением страны? Если позволить афганским талибам контролировать юг и восток страны, не захотят ли они снова воспользоваться услугами боевиков «Аль-Каиды», и не восстановится ли ситуация, существовавшая до 11 сентября 2001 г.? Совсем необязательно. В конце октября бывший в то время помощником президента по национальной безопасности Джеймс Джоунс сказал, что, по оценкам американского правительства, в Афганистане осталось не более 100 боевиков «Аль-Каиды», которые не имеют баз и «возможности готовить теракты против Соединенных Штатов или их союзников». Вероятно, афганский «Талибан» извлек урок из ситуации, когда «Аль-Каиде» дозволено

беспрепятственно осуществлять свою деятельность на подконтрольной ему территории.

Но если урок не усвоен, американские силы продолжают атаковать любые цели «Аль-Каиды» по обе стороны афганско-пакистанской границы, оказывая смертоносное давление такими способами, которые не использовались до 11 сентября. Небо над пуштунским Афганистаном заполняют стервятники-истребители, мишенью которых станут не только вылазки террористов, но и новое афганское правительство талибов во всех его ипостасях. Гражданские чиновники «Талибана» (губернаторы, мэры, шефы полиции, судьи, налоговые инспекторы и т.д.) будут просыпаться каждое утро, не зная, смогут ли они выжить в течение предстоящего дня в своих кабинетах, при выполнении повседневных обязанностей или ночью в своих домах. Не останется ни одной горной пещеры, в которой они могли бы надежно укрыться и при этом выполнять свою работу. Эти меры обеспечат определенное сдерживание. И даже если большая часть тех примерно 300 боевиков «Аль-Каиды», которые в настоящее время находятся в Пакистане, переместится на несколько десятков километров севернее и пересечет границу, это ничего не изменит и не послужит предлогом для возобновления крупномасштабной сухопутной войны с целью недопущения данных маневров.

Что если афганские талибы не будут соблюдать границы, сложившиеся де-факто после расчленения Афганистана, и попытаются снова завоевать всю страну? Они могут предпринять подобную попытку, но ISAF и растущие возможности Национальной афганской армии воспрепятствуют осуществлению такого сценария. Согласие с фактическим разделом не приведет к гражданской войне, потому что такая война уже ведется в настоящее время. На самом деле раздел стабилизирует ситуацию, поскольку станет понятно, какую территорию контролирует каждая из сторон,

Но как быть с островками непуштунских народов на юге и востоке Афганистана, с проживающими там женщинами всех возрастов и пуштунскими племенами, которые не желают правления «Талибана» – неужели они будут брошены на произвол судьбы? К сожалению, обстоятельства диктуют свои условия. Но это трагическое следствие местных реалий, которые внешние силы не в состоянии изменить в разумные сроки при разумных финансовых затратах и малой кровью. Соединенные Штаты и их союзники начали войну в Афганистане не для того, чтобы защитить все слои местного населения от средневекового варварства, и они не соби-

раются сейчас брать на себя эту задачу, на решение которой может уйти несколько десятилетий.

Не может ли такой курс привести к образованию ирредентистского Пуштунистана и подрыву стабильности Пакистана? В самом деле, успокоить Исламабад будет очень непросто, поскольку фактическое расчленение Афганистана, несомненно, спровоцирует всплеск сепаратизма по обе стороны линии Дюранда. Однако, оказывая трансграничную поддержку афганскому «Талибану», пакистанские военные усугубляют уже имеющиеся проблемы, так что на самом деле Исламабад не имеет морального права жаловаться. Возможно, четкое разделение Афганистана на две части станет своего рода шоковой терапией для пакистанской армии и поможет ей осознать, в какие опасные игры она играла на протяжении нескольких последних десятилетий.

Не приведет ли этот курс к войне «по доверенности» между Индией и Пакистаном на территории Афганистана или к общей дестабилизации обстановки в регионе? На данном этапе усиленная конкуренция между Дели и Исламабадом в Афганистане возможна независимо от политики, проводимой Соединенными Штатами. Но до тех пор, пока Вашингтон сохраняет приверженность долгосрочному военному присутствию, Индия не будет вводить в Афганистан свои сухопутные войска. Таким образом, вероятность крупномасштабного или прямого конфликта между Индией и Пакистаном существенно снизится.

Китай, Иран, Россия и соседи Афганистана в Центральной Азии также имеют свои интересы в регионе и по-своему видят перспективы. Ни одна из этих стран в настоящее время не поддерживает идею фактического раздела страны. Но никто не хочет видеть Афганистан снова под контролем «Талибана», и если нынешняя политика США окажется нежизнеспособной, они должны быть открыты для других способов предотвращения худшего сценария. Таким образом, из чисто своекорыстных интересов упомянутым странам придется серьезно отнестись к плану, который изложен в данной статье (хотя, чтобы заручиться их поддержкой, Вашингтону нужна искусная и настойчивая региональная дипломатия, которая в настоящее время отсутствует).

Независимо от взглядов на афганскую проблему, многие специалисты и официальные лица пытаются найти подходящую аналогию, чтобы доказать свою точку зрения на то, какую политику проводить в Афганистане. Однако разница между нынешней ситуацией и другими случаями, которые используются в качестве

аналогии или наглядного примера, настолько велика, что сравнения не помогут делу.

В оправдание нынешней стратегии чаще всего приводится аналогия с наращиванием воинского контингента в Ираке в 2007 г. Именно этим объясняется стабилизация обстановки в Ираке, которая затем позволила Соединенным Штатам начать вывод войск и при этом избежать поражения. Однако, как указывает Джеймс Доббинс, бывший чрезвычайный посланник США в Афганистане, там будет крайне трудно переманить бывших повстанцев на свою сторону и добиться от них лояльности, как это случилось в Ираке. К 2007 г. суннитское арабское меньшинство в Ираке было основательно потрепано шиитскими ополченцами, которые составляли большинство, и лишь потерпев решительное поражение, арабы-сунниты обратились за помощью и защитой к американским войскам. Что же касается партизанской войны, которую ведет в Афганистане «Талибан», то ее питательной средой является самая большая этническая группа, а не меньшинства, как в Ираке.

Кроме того, пуштунские мятежники в течение нескольких последних лет не терпят поражение, а побеждают в гражданской войне. В Ираке «Аль-Каида» своей неразборчивостью в средствах, неоправданной жестокостью и многочисленными злоупотреблениями к 2007 г. настроила против себя союзников из числа арабов-суннитов. В Афганистане «Аль-Каиды» в настоящее время практически нет, и она, конечно, не несет угрозы мятежным лидерам «Талибана» или пуштунскому образу жизни. Пуштунские старейшины – менее влиятельные переговорщики, чем иракские шейхи, которые доказали способность приводить за собой почти всех своих сторонников, когда решали переметнуться на сторону союзников. Короче говоря, наращивание воинского контингента в Ираке не может служить примером для Афганистана.

После почти десятилетних усилий в Афганистане столь резко поменять политику будет трудно. Президенту Обаме очень непросто объяснить, почему контртеррористическая тактика не принесла видимых дивидендов в течение приемлемого времени, и признать, что так много храбрых мужчин и женщин погибли, отстаивая территории, которые теперь отдаются врагу. Но как бы болезненно это ни было, если западные лидеры продолжают осуществление стратегии, которая оказалась неэффективной в прошлом и не принесет видимых результатов в будущем, они докажут собственную стратегическую и нравственную несостоятельность.

Спустя десятилетия историки будут гадать, почему президент Обама, несмотря на душевные муки, описанные в недавно вышедшей книге Боба Вудворда, согласился на размещение 100-тысячного воинского контингента в Афганистане через десять лет после событий 11 сентября. Они будут ломать головы над тем, почему американские стратеги вели себя так, как будто участь всего цивилизованного мира зависела от умиротворения Кандагара и Марджи. Генри Киссинджер отметил, что «для остальных стран утопия – это благословенное прошлое, которое никогда не вернется; для американцев же она находится за линией горизонта». Неохотно принятое решение о фактическом расчленении Афганистана – едва ли утопический исход военных действий в этой стране, но это наименьшее из всех зол.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2011 г., т. 9, январь-февраль, с. 42–51.*

Максим Братерский,
политолог
ПОДЪЕМ ИРАНА?

На первом плане среди внешнеполитических приоритетов Ирана стоит обеспечение безопасности, укрепление собственных политических позиций в районе Залива и выход из относительной международной изоляции, возникшей вокруг него в результате международных санкций. Сегодня сложилась ситуация, когда арабский мир нужен Ирану больше, чем сам Иран арабскому миру. Вместе с тем сохраняется ситуация, когда нежелание Ирана идти существенные уступки и твердое намерение выстраивать отношения с арабскими соседями на своих условиях усиливают неравномерность и хаотичность ирано-арабских отношений. Эта хаотичность транслируется и на отношения Ирана со своими крупными соседями и единственной сохранившейся сверхдержавой мира.

В ряде внешнеполитических вопросов Иран по-прежнему проводит весьма напористую агрессивную политику, что видно из его позиций как в международных, так и в региональных делах. Консервативное иранское духовенство, находящееся сегодня у власти, продолжает декларировать лозунг «Смерть Америке!» и оказывать поддержку экстремистским организациям, среди которых и шиитская «Хезболла», и суннитский «Хамас». Иран по-прежнему не признает права Государства Израиль на существова-

ние. Тем не менее логика экономического и политического развития требует от Ирана развития отношений с Западом, причем как с США, так и с ЕС, так как именно эти игроки (за исключением Японии и Южной Кореи, возможно) являются источниками получения современных технологий для топливно-энергетического комплекса страны. Эти же страны являются крупнейшими потенциальными инвесторами в экономику Ирана.

Все последние администрации США действовали и действуют в отношении Ирана в рамках внешнеполитической идеологии, разработанной еще при администрации Б. Клинтона, которая, в свою очередь, продолжила развитие обозначившейся во внешней политике США линии на более активное вмешательство во внутренние процессы, происходившие в зарубежных странах. Последним серьезным шагом в развитие понимания Соединенными Штатами природы угроз, исходящих от «стран-изгоев», в частности, Ирана, стало принятие в 2002 г. новой Стратегии национальной безопасности США. Мировой терроризм и поддерживающие его режимы (в американском понимании – «страны-изгои») были признаны в этом документе главной и непосредственной угрозой безопасности Соединенных Штатов; были уточнены признаки, по которым США причисляют страны к категории «изгоев». Это те страны, которые:

- жестоко обращаются со своим собственным народом и расточительно тратят национальные ресурсы в личных интересах правящей верхушки;

- демонстрируют неуважение к международному праву, угрожают своим соседям и грубо нарушают подписанные ими договоры;

- настойчиво пытаются овладеть оружием массового уничтожения и современными военными технологиями, с тем чтобы использовать их для угроз и агрессии в процессе достижения своих целей;

- поддерживают терроризм по всему миру;

- отвергают основные человеческие ценности, ненавидят США и все, что они представляют.

Основные угрозы своим национальным интересам Соединенные Штаты и сегодня видят в действиях репрессивных режимов, которые пытаются повысить свой международный статус силовыми методами, добиваются доступа к оружию массового уничтожения, грабят свои народы для личного обогащения, развертывания новых военных программ и осуществления внешнепо-

литических авантюр. В условиях роста глобальной взаимозависимости США теперь рассматривают как угрозу международной стабильности, а следовательно, своим интересам, также потерю управляемости внутренними процессами в отдельных странах мира, что превращает последние в рассадник терроризма и преступности, приводит к внутренним конфликтам, генерирует гуманитарные катастрофы.

Эти соображения стоят в основе политики США в отношении Ирана и сегодня, а проблема иранской ядерной программы является от них производной – ведь в США никого не беспокоит доказанное наличие ядерного оружия у Израиля и Индии, например?

Традиционный приоритет внешней политики Ирана – укрепление своих политических и экономических позиций в Персидском заливе. Вместе с тем это и одна из сложнейших задач для Исламской Республики. ИРИ – крупнейшее государство региона; исторически Иран всегда боролся за доминирование в регионе, но сегодня он вынужден искать компромиссы со своими соседями как в военно-политической, так и в экономической области. Одна из важнейших задач Исламской Республики – укрепление своего военного потенциала. Это понимание существенно укрепилось после череды крупных военных конфликтов последних десятилетий. В регион пришло осознание того, что никто не застрахован от того, чтобы «быть следующим», и единственная гарантия от такого развития событий – собственные мощные вооруженные силы, а желательно еще и ядерное оружие. Исходя из своего опыта и опыта соседей по региону, Исламская Республика категорически против присутствия американских и английских войск в Персидском заливе. Безопасность региона, с ее точки зрения, должна быть обеспечена исключительно силами прибрежных государств и с обязательным участием Ирана.

Такая постановка вопроса, в свою очередь, ведет к другой проблеме – нарушению внутрирегионального баланса сил и вооружений. Активное усиление Ирана вызывает недовольство членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). По их мнению, Иран стремится стать региональной сверхдержавой. При заключении договора о региональной безопасности роль ИРИ, учитывая ее военный, экономический и людской потенциал, будет настолько велика, что станет нежелательной и даже опасной для других государств Персидского залива, и в первую очередь для Саудовской Аравии, которая сама

стремится играть роль регионального лидера. Исходя из этого, Иран постоянно отказывается во вступлении в ССАГПЗ и в другие объединения арабских государств. Арабские монархии Персидского залива (Саудовская Аравия, Кувейт, Оман, ОАЭ, Бахрейн и Катар) опасаются мощного соседа и пытаются изолировать ИРИ, тем более что страны ССАГПЗ – союзники США.

На сегодняшний день экономическую инициативу в Персидском заливе перехватил и продолжает развивать свой интеграционный блок арабский берег. ССАГПЗ включает шесть стран: Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Бахрейн, Катар и Оман. В декабре прошлого года в Кувейте состоялся саммит ССАГПЗ, давший старт целому ряду интеграционных проектов в регионе: формированию валютного союза, созданию коллективных сил быстрого реагирования (без Ирана, естественно), созданию единой энергетической системы и крупным железнодорожным проектам.

Валютный союз уже создается. На нынешнем этапе четыре страны (ОАЭ и Оман пока воздержались от участия в этой инициативе) формируют Монетарный совет ССАГПЗ, который постепенно трансформируется в Центральный банк с соответствующими полномочиями. В обозримом будущем планируется ввести и единую валюту. Тем не менее трудности во взаимоотношениях Ирана с арабскими монархиями Персидского залива вовсе не означают тупика для Ирана на этом важнейшем для него направлении. В центре взаимоотношений Ирана с арабскими монархиями находятся ирано-саудовские отношения. С одной стороны, постоянное соперничество Тегерана и Эр-Рияда, использование ими в своих интересах региональных экстремистских структур, несомненно, накаляют обстановку в Заливе. С другой, именно конкуренция между региональными центрами силы сохраняет «статус-кво», поддерживает региональную стабильность в целом, поскольку не позволяет ни одной из сторон возвыситься и стать региональным гегемоном.

Главными союзниками Ирана в арабском мире по-прежнему остаются Сирия и Ливан. В какой-то степени к друзьям Ирана можно отнести и Судан. Для Сирийской Арабской Республики (САР) чрезвычайно важна финансовая помощь Ирана и, главное, поддержка Тегераном сирийских позиций в Ливане. Следует также принять во внимание, что Сирия является единственной арабской страной, в которой у власти находятся шииты. Это определяет совершенно уникальный характер ирано-сирийских отношений, по-

сколькx именно «особые» отношения с шиитским Ираном позволяют алавитскому руководству в Сирии удерживаться у власти. Постоянные попытки Ирана усилить свое присутствие в Сирии и стремление Исламской Республики влиять на внутривполитическую ситуацию в стране вызывают опасения сирийского руководства.

Говоря об Ираке – стране, которая всегда считалась ключевым арабским государством Ближнего Востока, следует отметить следующее. Иран был первым государством, которое официально признало Временный управляющий совет Ирака (ВУСИ) после свержения Саддама Хусейна. Сегодня позиции Ирана в Ираке подорваны американским присутствием. ИРИ, будучи шиитской державой, до сих пор оказывает громадное влияние на иракских шиитов, составляющих 60% населения страны. Возможно, после окончательного ухода американцев из Ирака именно Иран сможет стать самой действенной стабилизирующей силой в стране. В такой перспективе ослабление иранского влияния в Ираке следует рассматривать как временное, и будущее укрепление позиций ИРИ в соседнем Ираке видится неизбежным в силу неспособности внутренних сил урегулировать ситуацию самостоятельно.

Самым болезненным и неприемлемым для международного сообщества аспектом иранской политики является отношение Ирана к Государству Израиль. Иран не признает за Израилем права на существование, и такое неприяtie составляет основу всего палестинского направления ближневосточной политики Тегерана. По этой причине Исламская Республика торпедировала международный проект урегулирования израильско-палестинского кризиса «Дорожная карта», разработанный Россией, США, Европейским союзом и ООН. Позиция Ирана состоит в том, что разблокирование ближневосточного мирного процесса может привести к изменению баланса сил в регионе не в пользу ИРИ. Иран заинтересован в том, чтобы, с одной стороны, не дать изолировать себя от участия в важнейших процессах на Ближнем Востоке (в том числе и от участия в палестинской проблеме), с другой – постоянно усиливать свое присутствие в регионе. Тегеран продолжает поддерживать исламское сопротивление на юге Ливана и в Палестине, что является, по сути, его главным методом проведения своего влияния в регионе. Смягчение бескомпромиссной позиции Исламской Республики по этой принципиальной проблеме в обозримой перспективе представляется невозможным.

Середина 2000-х годов характерна усложнением системы отношений между тремя новыми региональными державами – Индией, Пакистаном и Ираном – и превращением ее в сложный комплекс связей, характеризуемый как сотрудничеством, так и соперничеством. Учитывая развитие событий в регионе, Тегеран обратил большее внимание на отношения со своими соседями на Востоке. С одной стороны, он пытается компенсировать американское военное присутствие в Ираке и Афганистане улучшением отношений с Индией и Пакистаном, с другой – развивает связи с Китаем и Россией.

Исторически ирано-пакистанские отношения полны противоречий. До конца 1970-х годов Иран и Пакистан поддерживали хорошие отношения, входили в один военный блок и выступали в «холодной войне» на одной стороне. Эти отношения, однако, были нарушены антишахской революцией в Иране в 1979 г., когда на первый план в отношениях двух стран вышли противоречия. Обе страны, и Иран, и Пакистан, исламские, однако Иран является в основном шиитской страной, а Пакистан – суннитской. С приходом к власти в Пакистане генерала Зия-уль-Хака Пакистан сделал акцент на исламизации внутренней жизни и внешней политики страны. С точки зрения Ирана, однако, пакистанская политика отражала лишь специфическое суннитское видение проблем и была неприемлема для шиитов. В Пакистане и в прилегающих территориях рос суннитский экстремизм, и обеспокоенный Иран стал, в свою очередь, экспортировать шиитский экстремизм, чтобы сбалансировать рост влияния суннизма в регионе. Обострившиеся взаимоотношения между соседями еще более ухудшились с началом войны в Афганистане. Иранский режим абсолютно не устраивала политика Зия-уль-Хака, который стал проводником американского военно-политического присутствия в Пакистане и Афганистане, но в той же степени Тегеран противился и военному присутствию СССР в Афганистане.

Иран вооружал и поддерживал шиитские партизанские отряды, воевавшие против СССР, и сохранил с ними связи и после вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. Приход к власти в Афганистане суннитского «Талибана» еще более усилил подозрения Ирана по поводу растущего влияния Пакистана в регионе и обострил отношения между Ираном и Пакистаном. Иран, Индия (и Россия) поддерживали во внутриафганском конфликте Северный альянс, что еще более укрепило Пакистан в его антииранской политике. В свою очередь, Иран был крайне возмущен тем, что Па-

кистан не предпринял никаких мер, с тем чтобы предотвратить убийство талибами группы иранских дипломатов в г. Мазари-Шарифе в 1998 г.

После свержения в Афганистане режима талибов и пересмотра Пакистаном своей проталибской политики в ирано-пакистанских отношениях появились элементы сотрудничества (были проведены совместные военно-морские учения, две страны поддерживают проект газопровода из Ирана в Индию через территорию Пакистана), но элементы соперничества все же преобладают. Иран обвиняет Пакистан в американском военном присутствии в Афганистане и в Средней Азии, подозревает его в сотрудничестве с США, направленном против Ирана. Пакистан, в свою очередь, видит руку Ирана в постоянных беспорядках в провинции Белуджистан. Несмотря на отдельные элементы сотрудничества, Иран и Пакистан являются соперниками в течение десятилетий, и в этом контексте весьма трудно объяснить пакистано-иранское ядерное сотрудничество – имеется в виду передача главой пакистанского ядерного проекта Абдуллоом Кадир Ханом технологии обогащения урана Ирану в 1980–1990-х годах. Не исключено, что объяснение этому сотрудничеству следует искать самое простое: Иран был готов заплатить большие деньги за технологии обогащения, а пакистанские военные хотели заработать и «наказать» США за то, что те прекратили сотрудничество с Пакистаном после вывода советских войск из Афганистана.

Ситуация в регионе существенно зависит также от политики Индии и КНР. В последние годы Индия кардинально улучшила свои отношения с Пекином, выйдя на уровень «стратегических отношений». Страны приступили к разрешению своего давнего территориального конфликта и поставили целью существенно увеличить товарооборот – в 2010 г. на Китай приходилась уже половина внешней торговли Индии. Пакистан, обеспокоенный индийско-китайским сближением, поспешил обновить свои давние дружеские отношения с КНР. Исторически Пакистан и КНР рассматривали друг друга как союзников в противостоянии Индии в Южной Азии. Пакистан получил от КНР конструкцию атомной бомбы, КНР строит в Пакистане объекты ядерной энергетики. В то же время в Исламабаде посчитали, что пакистано-китайским отношениям требуется новый импульс, и заключили в 2005 г. с КНР Договор о дружбе, а также начали с Китаем переговоры о создании совместной зоны свободной торговли.

Иран также настроился на развитие отношений с КНР. Пекин удовлетворяет 13,6% своих потребностей в энергии за счет поставок из Ирана и предполагает увеличить эту долю в результате новых договоренностей. Пекин и Тегеран подписали предварительное соглашение, оцениваемое в сумму от 70 до 100 млрд. долл., согласно которому КНР будет покупать иранские нефть и газ, а также примет участие в освоении Ядавранского месторождения на границе с Ираком. Ранее КНР обязалась закупить в Иране в течение 25 лет сжиженного газа на сумму в 25 млрд. долл. В обмен КНР поставляет в Иран промышленные товары. КНР – ценный для Ирана политический партнер, так как является членом СБ ООН и эффективно противостоит антииранским резолюциям, инициируемым Вашингтоном.

Другим направлением укрепления диалога в регионе является сотрудничество между Индией и Ираном. Обе страны разделяют общий взгляд на проблемы политики в Средней Азии и активно сотрудничают в энергетической сфере. В январе 2005 г. государственная индийская компания Indian Oil Corp заключила договор с иранской Petropars о развитии гигантского газового месторождения Южный Парс. В то же время Индия сотрудничает с Ираном в обеспечении безопасности судоходства в Персидском заливе и расширяет иранский порт Чахбабар. Последнее сильно раздражает Пакистан, который также пытается превратить свой соседний порт Гвадар в региональный перевалочный пункт. Иран и Индия в настоящий момент заняты осуществлением проекта строительства крупнейшего газопровода из Ирана в Индию через территорию Пакистана. Данный проект стоимостью в 4,5 млрд. долл. может существенно укрепить отношения между тремя региональными державами и предложить больше экономических стимулов для укрепления сотрудничества. Госсекретарь К. Райс отмечала, что Вашингтон беспокоит этот проект. Индия не принимает критику США и продолжает двигаться в направлении осуществления проекта. Между Индией и Ираном существуют и некоторые военные связи – в марте 2003 г. двумя странами были проведены совместные военно-морские учения, Иран заинтересован в помощи Индии в обслуживании своего военно-морского и авиационного оборудования. В то же время основную массу военных закупок Иран делает в КНР.

Укрепление отношений между Ираном и Индией беспокоит не только Исламабад и Вашингтон, но и Тель-Авив. Наконец, Пакистан также рассматривает индийско-иранское сближение как

угрозу. В перспективе развития отношений в этом сложном регионе можно ожидать дальнейшего сближения Ирана с КНР, Индией и Россией и дальнейшего укрепления связей между Исламабадом и Вашингтоном. В то же время, с относительным ослаблением значимости афганской проблематики в региональных делах, значение Пакистана в глазах США будет падать, а важность Ирана в мире – расти. Будущая роль Ирана будет зависеть от множества факторов, в том числе от того, насколько быстро энергоресурсы Каспия будут представлены на мировом рынке.

Четыре года назад Иран был принят в Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве наблюдателя. С одной стороны, он надеялся заручиться поддержкой влиятельных членов организации перед лицом Запада, с другой – его связывали с Россией и КНР многочисленные интересы в области энергетики. Ирану также импонировала возможность стать членом объединения, почти открыто выступающего против американского присутствия в Средней Азии. Иран был настроен на полное членство, но в начале 2010 г. на саммите ШОС министр иностранных дел С. Лавров сказал, что это невозможно, пока Иран находится под режимом международных санкций.

Чем Иран может быть полезен для ШОС? С включением Ирана в ШОС организация превращается в крупнейший в мире энергетический кооператив по производству и потреблению энергии. Общие запасы ШОС составили бы половину мирового газа и 18% мировой нефти. КНР и Россия получили бы еще более открытый доступ к инвестициям в Иран (КНР – в нефть и газ, Россия – в атомную энергетику). У ШОС появилась бы и новая роль в области стратегии: она стала бы стратегическим альянсом, эффективно препятствующим дальнейшему продвижению Запада на Восток в лице США и НАТО. Следует отметить, что такая линия органично вписалась бы во внешнюю политику Ирана: столкнувшись с ясными пределами расширения своего «присутствия на Западе», последние годы иранская официальная линия все чаще говорит о «повороте на Восток». Вступление в ШОС очень важно для Ирана. Оно означает прорыв международной изоляции, членский билет в клуб стран, где Иран не будут критиковать за характер его внутреннего режима, определенные (непрямые) гарантии безопасности, доступ к инвестициям и партнерам, которым Иран может доверять.

Несмотря на сильное желание Ирана, процесс интеграции Ирана в организацию затормозился. Причины этого достаточно

очевидны: многие члены ШОС не согласны с методами проведения Ираном своей внешней политики, не приемлют его агрессивность и не желают видеть Иран ядерной державой. Можно утверждать, что отказ в полноправном членстве в ШОС стал для Ирана частью международных санкций, но санкций относительно дружеских – с обещанием не просто отменить репрессалии в случае «исправления поведения» Ирана, а обещанием вполне осязаемых благ и интересных перспектив.

* * *

Кризис вокруг Ирана пока сконцентрирован на его ядерной программе, но это единственное, в чем международное сообщество более или менее едино. Пока работа идет через механизмы ООН и «шестерку», и в отсутствие прогресса на переговорах с Ираном следующим логическим шагом будет дальнейшее усиление международных экономических санкций против Ирана. Серьезного давления на Иран путем экономических санкций оказать не удастся, что объясняется, по крайней мере, тремя причинами.

Во-первых, ни Россия, ни КНР не поддержат по-настоящему жестких санкций против Ирана (во всяком случае, сразу);

Во-вторых, Западная Европа не готова сократить потребление иранской нефти и провести пару-тройку холодных зим, альтернативная же политика энергопотребления, которая сделает Европу еще более зависимой от российских поставок, также не очень устраивает Париж и Берлин.

В-третьих, даже в режиме официальных санкций, как это было во время ирано-иракской войны, или неявных санкций со стороны Запада в конце 1990–2000-х годов Иран продемонстрировал умение не только использовать разного рода лазейки и экспортировать свою нефть через третьи страны, но и способность разрабатывать современные системы оружия (ракетные системы, торпеды, собственный боевой самолет).

Представляется вполне вероятным, что решение о принципиальных шагах в отношении Ирана будет отложено нынешней администрацией Белого дома на будущее и будет зависеть не только от ситуации с иранской ядерной программой, ситуации в Ираке и Афганистане, но и от внутриаполитического расклада, который сложится в США. Обама может отказаться от принятия некоего принципиального решения и оставить американской администрации свободу рук в иранском вопросе. Такое положение

откроет определенное «окно возможностей» в американо-иранских отношениях и поставит США и «шестерку» перед принципиальным выбором: либо продолжать силовую политику в отношении Ирана, либо последовать древнему совету: «Если ты не можешь уничтожить врага, договорись с ним».

И в Вашингтоне, и в западноевропейских столицах сегодня укрепляется точка зрения, согласно которой Иран своей ядерной программой преследует вполне определенную политическую цель и на самом деле требует признания себя важнейшей региональной державой Персидского залива. Ядерное оружие в данном контексте используется как инструмент, и, возможно, Иран согласится обменять свою ядерную программу (или, скорее, как-то ограничить ее) на признание себя реальным центром силы региона со стороны ведущих мировых держав. Требование Ирана – весьма амбициозно, и принять его Западу, особенно Соединенным Штатам, будет очень нелегко, так как такой поворот американской политики потребует коренного пересмотра американской стратегии в регионе и перетасовки практически всей системы союзнических отношений на Большом Ближнем Востоке – прежде всего отношений с Израилем и Саудовской Аравией. Будет поставлен крест на итогах всей политики США в регионе после окончания «холодной войны», придется выдвинуть принципиально новый внешнеполитический проект. Предположить, что Америка уже готова вычеркнуть из истории 15 лет своего владычества в Персидском заливе и уступить свою роль региональным державам, пока трудно.

Такой поворот возможен лишь в условиях наступления новой волны изоляционизма в американской внешней политике и отступления США с завоеванных в «холодной войне» рубежей.

«Вестник аналитики», М., 2011 г., № 2, с. 76–84.

Кристиан Коутс Ульрихсен,

политолог (Лондонская школа экономики
и политологии)

**ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ: ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ НЕФТИ?**

Массированное давление «арабской весны» резко меняет политический ландшафт Ближнего Востока (БВ) и Северной Африки (СА). Смена власти в Тунисе и Египте вызвала волну народных протестов и негодования, ставшую серьезной угрозой для бес-

сменно правящих авторитарных режимов Йемена, Бахрейна, Сирии, спровоцировала гражданскую войну в Ливии, которая привела к падению диктатуры Муаммара Каддафи. Бурный период по-разному сказался на шести странах – членах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Речь идет о Бахрейне, Кувейте, Омане, Катаре, Королевстве Саудовская Аравия (КСА) и Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ). За исключением Бахрейна перечисленные государства отделались легким испугом, поскольку волна народного возмущения их по большому счету не затронула

Однако долгосрочные последствия событий будут весьма масштабными. Согласно прогнозам, при сохранении темпов производства на уровне 2006 г. и при условии, что не будут открыты новые месторождения, Бахрейн и Оман истощат имеющиеся у них запасы нефти к 2025 г. Ситуация в других странах Персидского залива не столь драматична, хотя неумеренное потребление ресурсов ставит под угрозу и их более внушительные запасы. Даже в сравнительно благополучных государствах острота проблем, связанных с истощением недр, отнюдь не одинакова. Катар и Абу-Даби (эмират ОАЭ) извлекают выгоду из удачного сочетания небольшой численности населения и колоссальных запасов нефти. Кувейт при своих огромных резервах страдает от периодически возникающих политических кризисов, которые наносят ущерб планам диверсификации и развития.

Огромное ресурсное достояние КСА и ОАЭ не выглядит столь впечатляющим на фоне высокой плотности населения Королевства и крайне неравномерного распределения природных ресурсов в эмиратах, где 93% общего объема сосредоточено в Абу-Даби, тогда как другие шесть эмиратов сравнительно бедны углеводородами.

Нефтяная, а в последнее время и газовая рента тоже влияют на процесс заключения и выполнения социального контракта и на распределительные механизмы, определяющие политическое устройство стран Персидского залива (ПЗ). Доходы от экспорта нефти преобразили политэкономия, однако привели к перекосам в духе психологии рантье. Возникновение в регионе модели «государства всеобщего благоденствия» приходится на 60-е и 70-е годы прошлого века, когда страны не были столь многолюдны, а доходы на душу населения казались заоблачными. С тех пор демографический взрыв и неблагоприятное воздействие на рыночные отношения распределительной экономической политики породили

значительный структурный дисбаланс в общественно-государственном устройстве. Его очень трудно устранить или хотя бы смягчить, поскольку подобные попытки неизбежно затронут быстрорастущее молодое поколение, которому не довелось пережить трудностей донефтяной эпохи и которое принимает общественные блага, социальные выплаты и пособия как нечто само собой разумеющееся.

Четыре десятилетия стремительного роста населения породили численный перевес молодежи, которая уже пару десятилетий озабочена поисками своего места в обществе. Если в 1950 г. на Аравийском полуострове жили 8 млн. человек, то в 2007 г. эта цифра достигла 58 млн., а на 2050 г. прогнозируется 124 млн. Динамика демографического роста ставит под сомнение жизнеспособность нынешних механизмов распределения богатства через социальные пособия и жесткое регулирование рынков труда. Кроме того, она стимулирует необходимость отдавать приоритет программам экономической диверсификации, которые сейчас реализуются повсеместно в регионе. По состоянию на 2008 г. примерно 70% населения здесь – люди моложе 30 лет; примерно треть из них (30%) младше 15 лет. Ответственность властей по обеспечению огромной массы взрослеющих молодых людей образованием и рабочими местами достигает критического уровня. Практическая невозможность трудоустроить быстрорастущее население на многие годы вперед определила главный вызов внутривосточной стабильности. Как и более густонаселенные страны Северной Африки, не располагающие запасами нефти, сравнительно богатые государства Персидского залива отчаянно пытаются создать достаточное количество рабочих мест, чтобы справиться с естественным приростом населения и не допустить дальнейшего повышения и без того высокого уровня безработицы. Ситуация усугубляется «психологией рантье». Она порождает социально-экономический дисбаланс и высокую степень расслоения на двухуровневом рынке труда: большинство местных жителей находят работу в раздутом государственном секторе, тогда как в частном секторе доминирует дешевая рабочая сила в виде гастарбайтеров. Подобный характер развития порождает растущую неравномерность в распределении доходов и богатства. Так, в Саудовской Аравии уровень доходов на душу населения упал за 20 лет более чем в два раза – с 16 650 долл. в 1980-м до 7329 в 2000 г. Правда, в этот период наблюдалось длительное падение цен на нефть. Однако затем произошло небывалое накопление капитала, но даже заоблачные нефтяные

цены 2003–2008 гг. не смогли замаскировать неравенство, вследствие которого в регионе появилась новая разновидность «обездоленных». Все это дестабилизирует ситуацию, поскольку во многих случаях приводит к глубокому расколу в обществе. К этому можно добавить напряженные межконфессиональные конфликты в Бахрейне и Саудовской Аравии, а также трения между коренным населением и экспатриантами в Кувейте и ОАЭ.

Исследование, проведенное в ноябре 2007 г., обнажило масштабы региональных проблем, вызванных растущей безработицей. Реальная безработица в Бахрейне, Омане и Саудовской Аравии превышает 15%, а среди лиц в возрасте от 16 до 24 лет она составляет 35%, хотя официальная статистика существенно занижает цифры. Перегруженный государственный сектор уже не в состоянии справиться с трудоустройством молодежи. Изъяны системы образования приводят к тому, что большинство молодых людей, осаждающих рынки труда стран Персидского залива, не имеют необходимой квалификации для работы в частном секторе. А в скором времени массы, стремящиеся к трудоустройству, пополнятся новым поколением, и пропасть, которая существует между местными стандартами образования и требованиями рынка труда, станет очевидной. Политики и официальные лица отдают себе отчет в том, что надвигается кризис. Начиная с середины 1990-х и особенно в 2000-е годы предпринимались многочисленные попытки диверсифицировать экономику и расширить производственную базу.

Пионерами, по понятным причинам, выступили Оман и Бахрейн, которым в первую очередь грозит истощение природных запасов. Политическую обкатку прошли реформы, призванные расширить промышленно-экономическую базу ради снижения зависимости от нефтегазовых доходов и минимизации потенциальных рисков в области внутренней безопасности. Такие программы, как «Бахрейн, дружественный бизнесу» и «Оман 2020: экономический план развития» – желание расширить производство с высокой добавленной стоимостью, вне нефтегазовой отрасли, ускорить реализацию программ, нацеленных на повышение доли местных жителей на рынках труда, и усилить частный сектор как локомотив экономического роста. Впоследствии Катар, Саудовская Аравия и ОАЭ одобрили еще более честолюбивые планы диверсификации.

«Перспективы развития Катара», принятые в 2008 г., обозначают пять главных вызовов, включая удовлетворение потреб-

ностей нынешнего и будущего поколений, а также приведение темпов экономического роста в соответствие с потребностями общественного развития. В Саудовской Аравии взят на вооружение двусоставный подход к экономической диверсификации. С одной стороны, ставка на создание экономических центров, своеобразных урбанистических узлов, включая распространение информации и знаний, а с другой – повышенное внимание развитию вторичных отраслей нефтехимической промышленности с высокой степенью переработки сырья.

Политическое руководство эмирата Дубай ускоренными темпами разработало грандиозный план развития, стремясь найти новую нишу для эмирата как мирового центра услуг и логистики. Это самая радикальная попытка осуществить быстрый переход к постнефтяной экономике. К 2006 г. эмирату удалось снизить вклад нефтяной отрасли в ВВП до 5,1%. Но устрашающее схлопывание экономического «пузыря» в Дубае в 2008–2009 гг. стало серьезным предостережением для горячих сторонников диверсификации по всему бассейну Персидского залива. Неудачная попытка Дубая создать устойчивую и жизнеспособную экономическую базу за пределами нефтедобычи олицетворяет преграды, встающие на пути эффективной экономической диверсификации. Ирония в том, что за попытку строительства независимой от нефти экономики эмирату пришлось заплатить утратой значительной части автономии внутри ОАЭ. Ведь от финансового краха его спасли экстренные вливания ликвидности из соседнего эмирата Абу-Даби, обладающего огромными запасами нефти.

События 2011 г. придали новый импульс необходимости реформирования монархий зоны Персидского залива. Когда стало ясно, что протесты и требования демократизации грозят перерасти в общественные движения за коренные перемены, власти ответили репрессиями. Сужение политического пространства и каналов, по которым могла действовать оппозиция, стало причиной поляризации общества на приверженцев реформ и сторонников подавления. Градус противостояния повышался еще до начала повсеместных демонстраций в арабском мире. Парламентские выборы в Бахрейне в октябре 2010 г. были омрачены арестами активистов оппозиции и борцов за права человека. В декабре 2010 г. серия инцидентов в Кувейте с участием сил безопасности закончилась нападением на Национальную ассамблею, четыре парламентария получили серьезные травмы. Между тем громкие аресты видных юристов и писателя, открыто критиковавшего правящее семейст-

во, нанесли урон репутации Кувейта как самого открытого общества в регионе. Еще до начала «арабской весны» развязывание репрессий в ответ на требования оппозиции означало, что элиты сидят на пороховой бочке, готовой взорваться от любой искры.

В Бахрейне суннитский режим семейства Аль-Халифа правит преимущественно шиитским населением. Неудивительно, что эта страна первой в регионе столкнулась с широкомасштабным протестным движением. Выступления продемократической оппозиции в середине февраля 2011 г. быстро переросли в призывы к реформам, исходящие от людей разных конфессий. Численность протестующих, представляющих практически все социальные слои, серьезно напугала власти и побудила их к крайне жестоким репрессиям. После провала первых попыток усмирить демонстрантов с помощью Сил обороны Бахрейна правительство ввело военное положение и в марте «пригласило» в страну вооруженные подразделения из Саудовской Аравии и ОАЭ в качестве «войск прикрытия» ССАГПЗ. Чрезвычайное положение отменено 1 июня, но иностранные силы остаются, и в ходе Национального диалога, состоявшегося в июле, стороны не пришли к согласию.

Менее масштабные (но все же значительные) протесты имели место в Кувейте и Омане (противостояние обострилось в феврале после того, как действия сил безопасности привели к жертвам), а также в богатой нефтью Восточной провинции Саудовской Аравии. В последнем случае примечательны демонстрации в поддержку шиитских братьев. Саудовские шииты несли флаги Бахрейна и выкрикивали лозунги солидарности с единоверцами по другую сторону Залива. Развитие событий не на шутку встревожило саудовские власти, ведь конфликт с шиитскими общинами, которые жалуются на религиозную и политическую дискриминацию, очень давний. Официальные лица прибегли к старой тактике, обвинив Иран во вмешательстве во внутренние дела. Иными словами, причинами недовольства объявили козни внешних врагов, а не собственные просчеты. В марте в Саудовской Аравии арестованы пятеро интеллектуалов, пытавшихся создать первую в истории Королевства политическую партию (исламскую партию «Умма»). Эта мера стала лишь частью более широкого наступления на политическую оппозицию.

В ОАЭ столь же сильное давление испытали на себе 133 интеллектуала, которые подписали петицию с требованием прямых выборов всех членов Федерального национального совета и принятия поправок к Конституции с целью закрепить за советом всю

полноту полномочий законодательной власти. Нескольких подписантов арестовали, а три организации гражданского общества, поддержавшие петицию, по сути, были взяты под государственный контроль. В остальном правительства стран региона ограничились, в общем-то, скромными мерами – прямой раздачей денег (Кувейт, Бахрейн и ОАЭ), созданием рабочих в государственном секторе, уже и так предельно раздутым (Саудовская Аравия, Бахрейн и Оман), и повышением зарплат и пособий (Саудовская Аравия и Оман). Речь, понятное дело, идет о «проверенных и испытанных» способах упреждения массовых волнений для достижения текущей стабилизации – пожар гасят с помощью дензнаков.

В краткосрочном плане это сработало – после первых двух бурных месяцев «арабской весны» ситуация успокоилась. Однако дальнейшее проведение политики патроната за счет увеличения ничем не обеспеченных социальных выплат представителям опорных слоев общества прямо противоречит программам диверсификации, призванным постепенно сворачивать закрепленные законом имущественные права и привилегии коренного населения и создавать конкурентоспособную в мировом масштабе экономику.

Вместо того чтобы укреплять частный сектор и научить граждан не полагаться только на государство, Саудовская Аравия, например, собирается дополнительно трудоустроить 60 тыс. саудовцев (в одном только МВД) и увеличить минимальную заработную плату в государственном секторе. Подобные меры лишь нанесут серьезный урон долгосрочной конкурентоспособности и финансовой устойчивости стран ПЗ, которые не смогут бесконечно распределять доходы от продажи углеводородов. Они плодят заложников капитала, поскольку гораздо легче раздавать от щедрот своих, нежели экономить. Политический такт вряд ли позволит правительствам быстро свернуть программы финансовой помощи и субсидирования. Все государства региона рано или поздно столкнутся с проблемой истощения недр, но их действия во время недавних волнений свидетельствуют о том, что краткосрочные стратегии выживания берут верх над долгосрочными планами коренных реформ.

Бич стран региона – неприемлемо высокий уровень потребления энергии. Правительства не только субсидируют цены на энергию вопреки законам рынка, но и осуществляют чрезвычайно энергоемкие проекты индустриализации (и урбанизации). Неэкономное потребление электроэнергии частными домовладельцами (в Катаре электричество бесплатно для коренного населения, хотя

это, конечно, крайний случай) сочетается с эксплуатацией опреснительных установок, а также очень энергоемких нефтехимических предприятий и алюминиевых заводов (краеугольный камень диверсификации). Источник дешевой электроэнергии – поставки на местные рынки нефти-сырца по цене 8–10 долл. за барр., кратно дешевле мировой. Вместе с ростом уровня безубыточности неумеренное потребление – проблема, которая со временем будет становиться все более трудноразрешимой. Ее масштабы обозначены в официальном докладе, составленном Саудовской электроэнергетической компанией весной 2011 г. Согласно документу, почти треть нефтедобычи в КСА (8,5 млн. барр. в сутки) уходит на удовлетворение местного спроса, который формируется в основном генерирующими компаниями, а на экспорт остающейся нефти приходится почти 80% государственных доходов. Авторы также предупреждают, что при сохранении потребления и нефтедобычи на нынешнем уровне к 2030 г. страна не сможет полностью удовлетворять запросы местного населения. По состоянию на май 2011 г. внутреннее потребление нефти увеличилось на 11% в годовом исчислении, быстрый демографический рост только ускорит процесс. Аналогичное исследование, проведенное в Кувейте, выявило тот факт, что если уровень потребления не снизится, стране уже к 2027 г. придется расходовать 100% добываемой нефти на покрытие внутренних издержек.

Субсидирование энергоносителей и других сырьевых товаров – важный элемент сделки правящих режимов с народными массами: передавая гражданам часть богатств, правящие элиты стремятся не допустить раскола в обществе и уличных беспорядков. Многолетнее проведение политики распределения благ привело к возникновению существенных имущественных прав, закрепленных на законодательном уровне, и теперь будет трудно отнять у людей то, что, как им кажется, принадлежит им по праву.

Однако реакция на «арабскую весну» показывает, что правящие режимы не желают и не чувствуют в себе достаточно сил для того, чтобы помочь гражданам избавиться от психологии ранты. Поэтому потребители будут и дальше транжирить энергию, еще больше разгоняя темпы истощения запасов углеводородного сырья и увеличивая издержки от упущенных на внутреннем рынке возможностей. Подобная политика рано или поздно возымеет общерегиональные и глобальные последствия.

На региональном уровне увеличится пропасть между энергетически богатыми и бедными территориями. Бахрейну, Оману и

шести эмиратам, за исключением Абу-Даби, уже пришлось испытать относительную нехватку ресурсов. В результате возникли новые виды экономической и политической зависимости, изменившие характер отношений. Бахрейн давно заключил соглашение с Саудовской Аравией о совместном освоении нефтяного месторождения Абу-Саафа на ее территории. По мере истощения собственных запасов доходы, получаемые от совместной эксплуатации Абу-Саафа, приобретают для Бахрейна все большее значение. Кувейт пытался наладить импорт сжиженного природного газа (СПГ) из Катара для удовлетворения растущего внутреннего спроса, но вынужден был отказаться от затеи после того, как КСА не дало разрешение на строительство транзитного газопровода. В качестве компенсации Кувейт, как и Дубай, начал импортировать газ из Австралии и других месторождений в акватории Тихого океана. Тем временем Абу-Даби удалось провести виртуозную операцию по заключению соглашения с Катаром, которое позволяет покупать катарский СПГ по низким ценам и при этом передавать Катару собственный газ для сжижения и экспорта на азиатские рынки за существенно более высокую плату. Этот договор был встречен в Катаре неоднозначно, в итоге Доха объявила мораторий до 2020 г. на геологические изыскания новых запасов газа на гигантском Северном месторождении и, как ожидается, обратит большую часть СПГ на нужды внутренней инфраструктуры для подготовки к чемпионату мира по футболу 2022 г.

Макроэкономические сдвиги в структуре мирового производства, торговли и финансов влекут за собой формирование крупных (не западных) центров влияния. Страны Персидского залива играют видную роль в этом широком изменении мирового баланса сил. Экономические и политические связи с Китаем, Индией и Россией в последние годы заметно укрепились. Появились новые игроки, стратегические интересы которых требуют дальнейшего развития региона. Правда, торгово-экономическая ориентация государств региона на Восток вступает в противоречие с оборонным альянсом, в котором гарантом безопасности служат США. В 2008 г. премьер-министр Индии М. Сингх заявил, что Индия рассматривает этот регион как неотъемлемую часть своей орбиты. Кроме соглашений с Катаром и Оманом в сфере военного сотрудничества для обеспечения безопасности на море Индия также подписала Эр-Риядскую декларацию с Саудовской Аравией (февраль 2010 г.). Двусторонние отношения переросли в стратегическое партнерство. Заключить подобное соглашение Королевство

отчасти побудили стратегическая переоценка региональных связей и угроза стабильности, исходящая от событий в Йемене, Афганистане и Пакистане. А индийские дипломаты выражают все большую обеспокоенность быстрым усилением влияния Пекина как главного игрока в зоне Персидского залива и расценивают это явление как главный вызов для Дели в будущем.

Интересы Китая были четко сформулированы в его десятом Пятилетнем плане (2001–2005), где впервые обозначены приоритеты энергетической безопасности. Кроме того, Китай обзавелся крупной военно-морской базой в районе глубоководного пакистанского порта Гвадар. Она была открыта в 2005 г., но начала действовать в полную силу в 2008 г. Таким образом, у Китая появился транзитный терминал для нефти, импортируемой из Ирана и Африки, которая затем направляется в провинцию Синьцзян. Теперь у КНР имеется стратегическая база в Аравийском море, всего в 400 км от входа в Ормузский пролив. С ее помощью Китай сможет защищать свои жизненно важные интересы энергетической безопасности и наблюдать за морскими перевозками. В марте 2010 г. произошло событие, которое ознаменовало собой очередной этап наращивания возможностей КНР в открытом море: два китайских военных корабля пришвартовались в Абу-Даби после завершения шестимесячной миссии по борьбе с пиратством в Аденском заливе.

Россия также начала расширять политические и экономические связи со странами Персидского залива в целом и в частности укрепила отношения с Катаром и Саудовской Аравией – коллегами по добывающему цеху. Посещение В. Путиным этих двух стран в феврале 2007 г. явилось первым официальным визитом советских или постсоветских лидеров с момента восстановления дипломатических отношений после окончания «холодной войны». Цель поездки В.В. Путина заключалась в том, чтобы продемонстрировать готовность к совместным инвестициям и сотрудничеству со странами, которые, как и Россия, являются мировыми лидерами в области добычи нефти и газа. Со своей стороны, саудовский король Абдулла выразил намерение укреплять связи с Россией в рамках общей диверсификации, чтобы меньше полагаться на США, особенно после 11 сентября 2001 г. Подпитку получают и российско-катарские соглашения – в рамках Форума стран – экспортеров газа и двусторонних договоренностей наподобие той, что была подписана с Катарской международной нефтяной компанией

в 2010 г. и предусматривала совместное освоение арктических газовых ресурсов на полуострове Ямал.

* * *

Таким образом, сегодня коренные преобразования происходят как на внутривосточной арене стран Персидского залива, так и в их взаимоотношениях с остальным миром. Их консолидация в качестве центра экономического притяжения в Западной Азии меняет облик межрегиональных отношений и привносит новую динамику в мировую политику. Вместе с тем политическое устройство в шести странах региона в настоящее время наиболее уязвимо, поскольку в ходе затяжного переходного периода они могут оказаться перед серьезным вызовом. Особенно опасно, если изменение механизмов распределения богатства среди широких масс как гарантия поддержки ими правящих режимов начнет подрывать традиционную сделку между элитой и народными массами.

В результате легитимность правящих элит в глазах простых людей будет скомпрометирована. Словом, главное противоречие региона в том, что, несмотря на усиление влияния государств зоны ПЗ в мировом сообществе наций, они сталкиваются с серьезными внутривосточными проблемами переходного периода к постнефтяной эпохе.

Регион срочно нуждается в том, чтобы обрести устойчивое равновесие между сиюминутной необходимостью сбить волну недовольства, не усугубляя системных проблем, которые подрывают долгосрочные решения и растущим спросом на быстро истощающиеся природные ресурсы. Настоятельно необходима политическая и экономическая перестройка, позволяющая подготовиться к неизбежному переходу в постнефтяную эпоху.

В силу огромного торгово-стратегического значения региона решения, которые предстоит принять в предстоящие годы и десятилетия, скажутся на судьбах всего мира. Однако стабильность там – довольно шаткое и неустойчивое состояние, которое может быть поколеблено внутренними противоречиями и давлением возмущенных масс, и со временем оно будет только усиливаться. Принимая во внимание более глубокую интеграцию стран ПЗ в глобальную экономику и беспрецедентное повышение их роли в международном экономическом сообществе, весь мир будет внимательно следить за происходящими там событиями и за пере-

ходом к новой экономике, сопряженным с огромными трудностями.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2011, т. 9, № 5, сентябрь-октябрь, с. 112–123.*

**Сергей Кургинян, Ю. Белый, А. Кудимова,
И. Кургинян, В. Новиков, В. Овчинский,
М. Подкопаева, М. Рыжова**
ОБОСТРЕНИЕ СИТУАЦИИ В ЙЕМЕНЕ

Условное политическое единство Йемена до недавних пор существовало лишь в рамках Османской империи. Северный Йемен получил независимость после распада Османской империи в 1918 г. и стал монархией, а в 1962 г. преобразовался в Йеменскую арабскую республику в результате военного переворота, свергнувшего королевскую власть. Южный Йемен с середины XIX в. был под британским протекторатом, получил независимость от Великобритании в 1967 г., вскоре принял «просоветскую» ориентацию (Народно-демократическая республика Йемен, НДРЙ) и стал одной из важнейших военно-политических баз СССР в регионе.

Отношения между этими двумя «полугосударственными» зонами расселения бедуинских племен были предельно конфликтными до эпохи распада «советского блока». В 1990 г. шейхи племен и лидеры уже существовавших в это время политических партий приняли решение об объединении страны в Йеменскую республику. Однако уже в 1994 г. бывшие лидеры НДРЙ подняли на Юге восстание и объявили о независимости. Восстание было жестоко подавлено северийеменскими войсками.

Йемен – одна из самых бедных стран арабского мира. Почти вся территория занята пустынями, население быстро растет за счет высокой рождаемости: из 23 млн. жителей 44% – моложе 15 лет. Экспортоспособных сырьевых запасов (нефть) немного, налицо острая нехватка пресной воды. Число безработных превышает 35% трудоспособного населения, ниже черты бедности живут более 45% граждан. Огромная трудовая эмиграция (до 2 млн. человек, преимущественно в страны Залива) не является устойчивой и зависит от экономической и политической конъюнктуры.

К этим проблемам добавляются исторические противоречия между Севером и Югом, а также между приверженцами разных исламских вероучительных школ – шиитами-зейдитами и сунни-

тами-шафиитами. После объединения страны ключевые позиции во всех сферах жизни, включая политику и экономику, заняли северяне-зейдиты, сильно ущемив позиции южан-шафиитов. Кроме того, политическую ситуацию в Йемене осложняют конфликты между крупнейшими племенными объединениями, а также сепаратизм шиитских северных кланов племен Хауси,

Нынешний период нарастающих беспорядков начался в Йемене еще в апреле 2009 г. (в дни годовщины подавления Севером восстания Юга в 1994 г.) и вновь реанимировал лозунги отделения Юга. Поскольку страна буквально «нашпигована» оружием, эти беспорядки сразу перешли в кровавые столкновения с большим количеством убитых и раненых. Уже тогда власть (правлящий в стране с 1974 г. зейдитский режим Али Абдуллы Салеха) заявила, что мятеж подняли на саудовские и катарские деньги живущие в Саудовской Аравии бывшие правители НДРЙ Али Насер Мухаммед и Али Салме Аль-Бейт.

Для этих обвинений были основания. Отношения Йемена со странами Залива напряженные с момента свержения в стране монархии. Кроме того, между Саудовской Аравией и Йеменом лишь совсем недавно официально установлена линия границы, но ряд шейхов племен считают ее несправедливой. Наконец, сразу выяснилось, что в южнойеменском Абьяне восстание поднимал лидер непримиримых исламистов Тарик Аль-Фадли (потомок эмиров Абьяна, бывший боевик в Афганистане, тесно связанный с «Аль-Каидой» и получающий финансовую подпитку от саудитов).

Именно в этот период 2009 г. произошла резкая активизация крупнейшей «нерадикальной» оппозиции страны – блока «Лица Муштарака» («Общая встреча») во главе с Йеменской социалистической партией (ЙСП) и движения «Аль-Ислах», созданного в 1990 г. «Братьями-мусульманами». Примечательно, что уже в тот момент в оппозицию включилось немало бывших соратников президента Салеха из правящей партии «Всеобщий народный конгресс».

В декабре 2009 г. в Йемене происходили очередные крупные эксцессы, на этот раз на севере, где точечным ударом авиабомбы был убит харизматический лидер восстания шиитов племени Хауси Абдель Малик Аль-Хути (хауси выступают за воссоздание в регионе зейдитского имамата во главе с потомком Пророка Мухаммеда). Ответственность взяла на себя Саудовская Аравия (хотя осведомленные эксперты уверены, что такой удар с наведением на сигнал мобильного телефона могли исполнить только самолеты

США), после чего не только преимущественно шиитский Север, но и весь Йемен начал воспринимать саудовских соседей как агрессоров, начавших войну.

Уже в этот период США и Саудовская Аравия проявляли единство в оценках необходимости отстранения от власти президента Салеха, но расходились в том, кто должен прийти ему на смену. США делали ставку на бывшего главу Южного Йемена Али Насера Мухаммеда, живущего в эмиграции, очень зависимого от Вашингтона и, по ряду экспертных оценок, тесно сотрудничающего с ЦРУ, а саудиты – на крупнейшего в Йемене бизнесмена, главу самого большого йеменского племенного объединения «Хашид», а также одного из лидеров исламской партии «Аль-Ислах» и объединенной оппозиции «Лика Муштарака», Ахмара Хамида, который очень тесно связан с саудитами бизнес-проектами.

В октябре 2010 г. в Йемен нанес визит заместитель госсекретаря США Уильям Бернс. Он в официальном заявлении высоко оценил успехи страны в борьбе с международным терроризмом, что для многих специалистов выглядело двусмысленно, поскольку Йемен уже несколько лет является главной «тыловой базой» и одним из главных поставщиков подготовленных боевиков для «Аль-Каиды на Аравийском полуострове», причем незадолго до визита Бернса А. Салех создал «совет улемов», который возглавил шейх аз-Зиндани – один из наиболее радикальных идеологов мирового джихада.

Но одновременно Бернс дал понять А. Салеху, что США ожидают от него срочного начала переговоров с оппозицией о реформах в избирательной системе, после чего должны пройти «честные и открытые всеобщие выборы». Причем в тот же день Бернс встретился с лидерами «Лика Муштарака» и заявил о поддержке их требований избирательной реформы и досрочных выборов.

Однако еще дальше пошел сопровождавший Бернса в этом визите посол Великобритании в Йемене Тим Торлотт, который заявил, что «будущее Йемена невозможно без предоставления широкой автономии различным областям страны, что подразумевает возможный и вероятный переход на конфедеративную систему государственного устройства». При этом многие эксперты считают, что Торлотт фактически озвучивает дипломатическую позицию ЕС, где полагают, что прекратить внутреннее военное противостояние в Йемене возможно лишь за счет предоставления

максимально широкой автономии не только исторически «чуждому» Югу, но и северным территориям, занятым племенами Хауси.

В январе 2011 г. в столицу Йемена Сану нанесла неожидан- ный (незапланированный) визит госсекретарь США Хиллари Клинтон. Проведя беседу с А. Салехом и пообещав ему американ- ское содействие в создании международного «Фонда помощи Йемену», Клинтон затем встретила с лидерами «Лика Муштара- ка» и решительно поддержала их «стремление к демократизации страны».

Именно в этот момент в мировых СМИ появились сообще- ния, что А. Салех намерен передать власть «по наследству» своему сыну. И именно с этого момента в Йемене начался нынешний бур- ный этап протестных выступлений оппозиции и ее вооруженного противостояния с властью. А 2 февраля А. Салех заявил, что не собирается в 2013 г. переизбираться на следующий президентский срок, а также передавать власть своему сыну Ахмеду, что сразу резко обострило борьбу между многочисленными потенциальными претендентами на президентский пост как в оппозиции, так и внутри собственного президентского «семейного» клана.

С 3 февраля в Йемене начались крупнейшие оппозиционные выступления в столице Сане (с требованиями немедленной отстав- ки Салеха), на Юге и Севере (под антивластными и сепаратист- скими лозунгами). С запозданием на 2–3 дня опять-таки по всему Йемену начались массовые альтернативные манифестации в под- держку президента. 7 февраля произошло покушение на лидера партии «Аль-Ислах» Хамида Ахмара (Ахмар не пострадал). 15 февраля лидер шиитов Севера А. Маль-Хоуси призвал йемен- цев «использовать исторический момент для коренных преобразо- ваний и свержения власти преступников». 17 февраля представи- тели «совета улемов» и ряд других крупных религиозных авторитетов заявили о необходимости создания «Правительства национального единства», способного прекратить хаос в стране и за полгода обеспечить условия для мирной передачи власти. Од- новременно «Лика Муштарака» предложила провести общенацио- нальную согласительную конференцию основных политических сил страны, включая шиитских мятежников и сепаратистов-южан. 20 февраля А. Салех заявил о готовности вступить в переговоры с противниками режима.

Однако масштабы манифестаций шли по нарастающей, рос- ло и число жертв столкновений их участников с полицией. 26 фев- раля о своем отказе поддерживать президента и переходе на сто-

рону оппозиции объявили два крупнейших племенных объединения – Хашид и Бакиль (большинство шейхов которых негласно поддерживаются Саудовской Аравией), а также ряд более мелких племенных объединений. 2 марта к лидерам «Лика Муштарака» приехал «обсуждать правила цивилизованного ухода Салеха» глава Совета улемов шейх А.-М. Зиндани. В результате президенту Салеху была передана от имени объединенной оппозиции «дорожная карта» политических преобразований, центральным вопросом которой был уход президента в отставку до конца года.

Но Салех отверг эти требования и приказал стягивать из Южного Йемена к столице наиболее боеспособные войска, а 10 марта созвал в Сане митинг своих сторонников, на котором заявил, что предлагает до конца года определить на национальном референдуме форму правления в стране (президентская или парламентская республика). Кроме того, Салех объявил о предоставлении провинциям широкой экономической автономии, что снизит налоговую нагрузку на местный бизнес, т.е. выполнил давнее требование «Лика Муштарака». Однако уже 9 марта мэр Северной Саады, Фарис Манаа, заявил, что почти весь состав правящей партии в руководстве провинции (около 200 человек) принял решение о выходе из партии. Причем, по оценкам «Лика Муштарака», Салех к этому моменту сохранил поддержку не более 15% улемов и шейхов племен.

11–13 марта в Сане и промышленном центре юго-запада страны Таизе прошли крупнейшие протестные манифестации, во время которых при столкновениях с полицией несколько человек, погибли и несколько сотен были ранены. Евросоюз выступил с резким осуждением действий режима Салеха. Однако американский посол в Сане Дж. Фейрстейн заявил, что США рассматривают протестные выступления как опасные и «не отвечающие интересам йеменского народа», и призвал к «разрешению кризиса исключительно путем переговоров».

С этого момента (эксперты утверждают, что по приказаниям шейхов племен) в Сану стали организованно стягиваться десятки тысяч человек невооруженной молодежи, сделавших манифестации круглосуточными и бессрочными. А руководство «Лика Муштарака» направило в посольства США и многих других стран, в том числе стран ЕС, заявление об отказе от любых контактов и переговоров с Салехом, если в них не будет обсуждаться процедура его отказа от власти. 19 марта в столице произошел крупный инцидент, в котором «неизвестные снайперы» открыли огонь по

протестующим, убив около 40 человек. И в этот же день Салех ввел в стране режим чрезвычайного положения.

С этого момента в Йемене произошел окончательный перелом политической ситуации в пользу оппозиции. В лагерь противников Салеха перешли командующие крупнейшими подразделениями армии, включая сводного брата Салеха Мохсена аль-Ахмара (командующий войсками Северного военного округа и 1-й бронетанковой дивизией) и командиров гарнизонов в основных южнойеменских городах, в том числе в «финансовом центре» страны Хадрамауте. Далее о своем переходе на сторону оппозиции заявили несколько ключевых министров, часть высоких функционеров МИДа, включая послов в Ливии, Швейцарии и ООН, а также руководство Торговой палаты. Фактически на стороне президента из наиболее влиятельных фигур властной элиты остались только два его сына и два племянника, которые командуют республиканской гвардией и частями спецназначения.

Таким образом, оппозиция получила в стране решающий политический и силовой перевес. Однако на силовые меры идти не решилась, понимая, что они приведут к большой крови и катастрофически дискредитируют предпринявших такие шаги оппозиционных лидеров как перед Западом, так и перед частью шейхов племен. 22 марта йеменские власти закрыли бюро катарского телеканала «Аль-Джазира» в Сане и конфисковали передающую аппаратуру, поскольку телеканал постоянно транслировал призывы оппозиции в различных арабских странах, включая Йемен, к свержению правящих режимов. С 25 марта в Йемене началась «позиционная пауза», во время которой и Салех, и его оппоненты пытались «перекупить» влиятельных лидеров противоположной стороны обещаниями высоких позиций в будущей власти. В это время по всей территории страны исподволь шел процесс «развития самоуправления», особенно явный в провинциях мятежного Севера. Здесь Саада и Гауф оказались под полным контролем племен Хауси, фактически перейдя в режим автономии от Саны.

Это крайне встревожило и Вашингтон, и Эр-Рияд, которые считают эти мятежные шиитские территории потенциальным «запалом» иранской революции в сопредельных странах. И они резко усилили как поддержку оппозиции, так и давление на Салеха с требованиями немедленно оставить президентский пост.

Как сообщают эксперты, 26 марта в посольстве США в Сане прошла встреча руководства оппозиции с американским послом и представителями Салеха. По ее итогам (причем завершение встре-

чи проходило в присутствии Салеха) была достигнута договоренность о том, что президент в течение недели уходит в отставку, временно передав полномочия своему заместителю Абду Рабо (правая рука креатуры США, бывшего лидера Южного Йемена Али Насера Мухаммеда), и получает от оппозиции гарантии безопасности семьи и неприкосновенности финансовых авуаров и собственности. До выборов (в конце нынешнего или начале будущего года) страну возглавляет Абду Рабо.

При этом США, которые обучали и финансировали командный состав службы безопасности и сил специального назначения (а также проводили с их помощью «щекотливые» спецоперации) с прицелом на их борьбу с исламистами, и прежде всего с «Аль-Каидой», настояли на том, чтобы все руководство этих спецслужб оставалось на своих постах. Некоторые аналитики считают, что главная причина в том, что эта категория лиц «слишком много знает о тех самых щекотливых спецоперациях» и, будучи обижена, вполне способна устроить скандальный «арабский Викиликс».

В ходе описанной встречи А. Салех обещал, что в течение недели выступит по телевидению с обращением к нации и объявит о своей отставке. Однако, вернувшись во дворец, он вместо объявления об отставке выдвинул сводному брату Мохсену и его частям ультимативное требование капитулировать и сдать оружие, а в случае отказа пригрозил авиационной бомбежкой баз армии и площадей в Сане, заполненных демонстрантами.

В конце марта боевики «Аль-Каиды» захватили портовый город Джаар на юге Йемена, а также расположенный рядом завод по производству боеприпасов (в основном – патронов к автоматам Калашникова). В ходе разграбления завода на нем произошел взрыв, в результате которого погибли около 150 человек». А 1 апреля президент Салех обратился в Сане к молодежи, общественным и политическим деятелям, старейшинам племен с призывом создать политическую партию и выработать свои требования, а не оставаться «в плену повестки дня» оппозиционной «Лика Муштарака». Оппозиция ответила массовыми протестами. 4 апреля бывший советник президента США по нацбезопасности Джим Джонс в комментарии CNN по ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке заявил, что дальнейшая дестабилизация Йемена «может привести к тому, что йеменская территория станет базой “Аль-Каиды”».

В этот же день в Таизе произошла крупнейшая стычка между демонстрациями противников и сторонников Салеха, погибли

16 человек, более сотни были ранены. В этот же день «Нью-Йорк таймс» сообщила, что США уже неделю ведут с президентом Салехом секретные переговоры о его «уходе от власти и передаче полномочий вице-президенту в интересах последующего проведения выборов и политических реформ». 5–7 апреля столкновения сторонников и противников Салеха продолжились с участием полиции и в Таизе, и в Сане. 8 апреля президент Салех выступил перед сторонниками на центральной площади Саны с ответом на заявленные 7 апреля предложения Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) немедленно оставить власть в обмен на иммунитет от судебного преследования для себя и семьи. Салех заявил, что готов к переговорам с оппозицией, но отвергает любое посредничество других стран как грубое вмешательство в национальную политику: «Мы получили нашу власть от власти нашего великого народа, а не от Катара или кого-либо еще...». И в этот же день в Таизе в ходе разгона оппозиции верными Салеху частями было убито 4 и ранено около 400 демонстрантов, что вызвало 9 апреля еще более мощные оппозиционные выступления по всей стране. 11 апреля канцелярия президента Йемена выпустила заявление, в котором выражается согласие А. Салеха с планом ССАГПЗ: он передает власть вице-президенту, а правительство формируется оппозицией. Однако на сей раз протест выразила оппозиция, которую не устраивает пункт плана о гарантиях Салеху иммунитета от судебного преследования.

В последующие десять дней в Йемене шли «бои местного значения» между войсками, верными А. Салеху, и отрядами и отдельными боевиками оппозиции. И одновременно при посредничестве ССАГПЗ и США шли «челночные» переговоры между представителями оппозиции и А. Салеха.

В итоге семь ведущих оппозиционных партий выпустили совместное заявление о том, что согласны на реализацию предложенной ССАГПЗ «дорожной карты», по которой в обмен на прекращение оппозиционных акций и предоставление А. Салеху и его семье иммунитета от судебного преследования президент в течение 30 дней передает свои полномочия вице-президенту, генералу Абдераббу Мансуру Хади, и формирует «правительство национального единства» во главе с лидерами оппозиции. Для принятия решения А. Салеху в этом заявлении отводился срок до 22 апреля. 22 апреля президент А. Салех и правящий «Всеобщий народный конгресс» объявили, что принимают эту «дорожную карту». Но одновременно ряд радикальных оппозиционных партий и объеди-

нений сообщили, что никакого судебного иммунитета Салеха и его семьи не признают и что Салех должен непременно предстать перед судом.

И тогда 24 апреля А. Салех в интервью ВВС заявил, что не видит в стране человека, которому можно передать власть и который прекратит хаос, а мятежникам передавать власть не намерен. И что поэтому готов уйти только после проведения в Йемене, в соответствии с Конституцией, всенародных демократических выборов, на которые он готов пригласить международных наблюдателей. После чего в Йемене вновь развернулись полномасштабные «боевые действия» между силами А. Салеха и отрядами оппозиции, и вплоть до 30 апреля из страны каждый день поступали сообщения о крупных перестрелках и многочисленных жертвах.

А 1 мая Совет сотрудничества арабских стран Персидского залива (ССАГПЗ) сообщил, что намеченная на этот день церемония подписания в Эр-Рияде соглашения о передаче власти президентом Йемена Али Абдаллой Салехом в рамках «дорожной карты» ССАГПЗ отложена в связи с отказом Салеха подписать документ.

Но даже если Салех действительно уйдет с президентского поста, это вовсе не означает близких перспектив разрешения политического кризиса в Йемене. Создать устойчивую власть, устраивающую все конфликтующие в стране кланы, принципиально невозможно: обиженных лидеров будет много, и каждый из них имеет не только большие амбиции, но и сильные группы влиятельных и хорошо вооруженных сторонников. Причем сторонников, умеющих воевать и готовых воевать с кем угодно и где угодно за очень умеренную плату.

Вдобавок Йемен – один из крупнейших мировых рынков нелегальной торговли оружием, причем не только стрелковым, но и тяжелым. Этим бизнесом в стране занимается почти каждый из лидеров племенных кланов и губернаторов провинций, и смена власти в стране наверняка будет означать крупные конфликты за передел оружейного рынка. Наконец, Южный Йемен – это не только основная зона деятельности «Аль-Каиды на Аравийском полуострове», но и важнейшая зона контроля морских коммуникаций через Аденский залив, Баб-эль-Мандебский пролив и Красное море, где проходит около 50% мирового балкерного транзита, около 30% мировых контейнерных перевозок и почти четверть морских танкерных перевозок нефти.

Откол мятежных провинций Севера не может не инициировать активизацию шиитского протеста как в Саудовской Аравии, так и в других странах Залива. Особенно если этой активизации протеста поспособствует Иран.

А откол шафиитских провинций Юга неизбежно укрепит там и без того очень сильные позиции «Аль-Каиды» и «родственных» радикальных организаций. Что, с одной стороны, скачком поднимет масштабы «экспорта» из региона боевиков на все мировые «фронты джихада» и, с другой стороны, расширит уже вполне налаженные связи исламских радикалов Йемена с их собратьями на Африканском Роге (в Сомали и Эритрее). А значит, вполне вероятно, придаст нынешнему сомалийскому морскому пиратству в этом районе Индийского океана, включая Аравийское море, совершенно новое «террористическое» измерение.

«Политическое цунами: Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке», М., 2011, с. 206–215.

А. Петрухина,

политолог (МГУ им. М.В. Ломоносова)

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Ряд событий последней четверти XX – начала XXI в. со всей очевидностью показал силу и влияние движений исламского радикализма (исламизма) и их порождения – религиозных экстремистов – в мусульманском мире. Эти движения демагогически присвоили себе роль защитника интересов самых широких масс мусульман с тем, чтобы воспользоваться их силой для достижения определенных политических целей, главной из которых является устранение существующих режимов. Религиозные экстремисты потенциально опасны не только самим мусульманским странам, в которых они действуют, но и другим государствам и целым цивилизациям. Именно поэтому не приходится сомневаться в том, что спокойствие мирового сообщества в XXI в. во многом будет зависеть от того, за кем пойдут более миллиарда мусульман. И если вспомнить, что из этого числа людей 85% – бедняки, а 60% – неграмотны, с большой долей уверенности можно сказать, что значительная часть этих людей пойдут за исламистами как за единст-

венной, на их взгляд, силой, способной изменить что-либо в их жизни к лучшему.

Сегодняшние события, так называемый «социальный пожар» на Ближнем Востоке, где вслед за Тунисом и Египтом «пожар» вспыхнул в Ливии, Алжире, Йемене, Бахрейне, т.е. по сути захватил Северную Африку и ринулся в Азию, заставляют нас задуматься о том, что влияние исламистов на население мусульманских стран можно оценить как крайне серьезное. Ведь именно ими были подготовлены религиозные лозунги, именно они мотивируют простых мусульман после пятничной молитвы бежать на площади и митинговать, не жалея собственные жизни, именно в их документах и пропагандистских материалах содержится призыв о свержении существующих режимов в мусульманских странах. И все это может привести к смене нашей истории и достижению основной цели исламистов – во всеобщем хаосе и разрухе создание истинно мусульманского государства-халифата, политико-юридической платформой которого станет шариат.

Для того чтобы понимать происходящие сегодня в мире события, важно анализировать «исламистский» феномен как мировое явление, развивавшееся на протяжении истекшей четверти века, важно определить идейные истоки исламизма и его эволюцию в мусульманском мире в XX – начале XXI в. как идеологического конструкта. Надо понимать, что в век идеологической борьбы людьми правят идеи и идеологии.

Исламизм как идеология и практика непосредственно привязан к конкретным социокультурным, политическим и иным реалиям того или иного мусульманского общества. Среди них особое место занимает исламский радикализм. Его практика в мире делится на три волны. Первая волна представлена в форме так называемого панисламизма. Панисламизм как религиозное политическое течение возник во второй половине XIX в. и тесно связан с деятельностью Джемала ад-Дина аль-Афгани (1839–1897). Он сформулировал идею религиозно-политического союза мусульманских народов. Мусульманские страны Востока аль-Афгани сравнивал с терпящим крушение кораблем, на котором пассажиры корабля должны либо вместе спасти корабль, либо думать каждый о себе. По его мнению, каждый истинный мусульманин должен спасти корабль ислама. Аль-Афгани не видел на Востоке альтернативы исламу как основе преобразующей деятельности, объекту защиты от колониализма и как объединяющему началу для всех мусульман. На основании подобных рассуждений Аль-

Афгани разработал основополагающие принципы панисламизма, суть которых заключается в отказе от привнесенных в ислам концепций в силу их отчужденности от исламского общества и непригодности для него: он убеждал в том, что ислам верен для любого времени и места, поскольку ислам – это и религия, и государство, и цивилизация и тем самым является политической концепцией. В целом можно выделить основные идейные положения панисламизма:

1. Объединение усилий всех мусульман в борьбе с колониальной экспансией европейских государств.

2. Ответ на культурно-идеологический вызов западных стран.

3. Преодоление идейных различий среди мусульман, так как в исламе большое количество различных течений, имеющих как незначительные, так и значительные отличия. Необходимость создания такой идеологии, которая позволит выработать единую политическую культуру мусульман.

4. Панисламизм предполагал объединение всех мусульман в едином государстве.

Вторая волна исламизма была связана с попыткой мусульманских национальных правительств осуществить после Второй мировой войны модернизацию по западному образцу. Но неспособность национальных лидеров решить социальные и экономические проблемы своих государств, ликвидировать низкий уровень жизни и нищету (при огромном демографическом скачке), не имея значительных капиталов, кадров и технологий, повлекла за собой недовольство и озлобленность радикально настроенного населения мусульманских стран. Хотя заслугой национальных правительств следует считать массовую урбанизацию, рост грамотности и в целом качественный скачок в культурной сфере. Характерным для 50–60-х годов XX в. был рост численности маргиналов, поток трудовой миграции, что способствовало разорению крестьян и городских мелких собственников, изменение быта, нравов и обычаев, так как западные ценности очень быстро проникли в жизнь мусульман, образ жизни и мысли которых сформированы религией. Это привело к резкому росту исламистских организаций, которые довольно быстро сменили националистическую идеологию правящих режимов на исламистскую систему взглядов. Конечно, некоторые светские правители не приняли позиции и методы исламистов, потому борьба исламистов с правительствами таких

государств, как Алжир, Египет, Тунис и Сирия, продолжается и сегодня.

Третья волна исламизма напрямую связана с «неолиберальной глобализацией» вследствие нового социально-экономического, политического и идейного кризиса глобального характера. Ряд специалистов определяют глобализацию как процесс растворения национальных экономик в единой глобальной капиталистической экономике, который, как показывает практика, не только обеспечивает лучшее взаимодействие транснациональных корпораций, более свободное перемещение капиталов, но как имеющий разрушительные социальные и политические последствия – распространение нищеты, голода и преступности, размывание роли суверенного государства, стремительное распространение западных культурных кодов и ценностей и пр.

Главной целью исламистских организаций является реисламизация исламских обществ, впавших в джахилию, т.е. возвращение к вере мусульманских обществ, испорченных Западом.

Итак, исламизм как идеология оформился в конце XX столетия. Во все времена центральным концептом исламского радикализма был джихад как политический лозунг и военно-политическая практика, широко используемая исламскими экстремистскими организациями в зоне распространения ислама.

«Джихад» (от араб. – усилие, приложение старания) в начальный период становления ислама понимался как борьба в защиту и за распространение ислама. В настоящей статье джихад определяется как некоторое всеобъемлющее боевое мировоззрение, потому как не может мусульманин в век идеологической борьбы обходиться без защитного или оборонного мировоззрения. Все лишь зависит от того, какими методами довести до обычного мусульманина, что он угнетен и ему следовало бы пользоваться защитной идеологией.

В настоящее время лидеры исламистских организаций активно обращаются к богатому теоретическому наследию исламистских идеологов, еще ранее выработавших свои религиозно-политические взгляды. Наиболее известные из них Хасан аль-Банна (1906–1949), индийский мусульманин Абу Ала Маудуди (1903–1979) и египтянин Сейид Кутб (1906–1966).

Основатель «Братьев-мусульман и первый ее идеолог Хасан аль-Банна внес свой вклад в разработку «концепции джихада». Ключевым понятием этой концепции является идея «искусства смерти»: джихад – обязанность каждого мусульманина, а смерть,

как возможный исход джихада, есть искусство. Идеология «возрождения ислама» аль-Банна была тесно связана с понятием «исламского порядка». Суть последнего он сводил к неразделимости религии и политики, по принципу – «ислам – это вера и общество, мечеть и государство». Призывая мусульман к отказу от философского созерцания ислама и превращению последнего в идеологию активного действия, где политика становится частью религии, а сама религия характеризуется воинственностью, аль-Банна говорил: «Мы призываем вас к исламу, который принес Мухаммед..., правительство – часть его, а свобода – одна из религиозных обязанностей. Если кто-либо скажет вам: “Это политика”, скажите: “Это – ислам, и мы не признаем никакого разделения”».

Глава «Братьев-мусульман» считал, что ислам дал миру постоянные принципы, которые нужно уметь правильно толковать: «Главная политическая цель – свобода и независимость, освобождение от чужеземцев всех территорий распространения ислама, объединение всех мусульманских народов на основе Корана; создание всемирного исламского государства – федерации исламских народов... Исламское государство – это мусульманская община, базирующаяся на солидарности и взаимном сотрудничестве его членов, а также призванная защищать всех их от социальной несправедливости».

Хасан аль-Банна не отвергал в качестве средств борьбы насилие и отстаивал его необходимость для осуществления поставленных целей. Знаменитый девиз «Братьев-мусульман»: «Бог – наш идеал, Пророк – наш вождь, джихад – средство достижения цели, смерть во имя Аллаха – наша заветная мечта» – представляется логическим продолжением изречения аль-Банна: «Метод наш – наставление и совет, а если это не помогает – то искоренение силой и устранение».

Основатель и лидер партии «Джамаат-и ислами» А. Маудуди является признанным автором разработки в современных условиях концепции «исламского государства». Именно он выдвинул четыре принципа организации и функционирования исламского государства:

1. Верховная власть в исламском государстве принадлежит Богу, правительство выполняет функцию заместителя (халифа) Бога на земле.
2. Шариат есть основной закон страны.
3. Действующее законодательство не должно противоречить шариату.

4. Государство не должно преступать «границы», установленные исламом.

Оптимальной формой государственного устройства А. Маудуди считал «теодемократию». Во главе исламского государства, писал он, должны стоять «улемы нового типа», сочетающие в себе «набожность муджтахидов с современным мировоззрением». Создание исламского государства А. Маудуди рассматривал как конечный результат «исламской революции», отличительной чертой которой является моральное совершенствование граждан на основе постулатов ислама, а не радикальное изменение социально-экономической структуры общества. Эта революция, считал Маудуди, приведет к утверждению «совершенного общественного порядка, при котором сможет процветать добродетель, а все формы эксплуатации, несправедливости... будут предотвращены и подавлены». Речь идет, подчеркивал он, об образе правления, подобном правлению Пророка.

Первая книга А. Маудуди называлась «Джихад в исламе». По его мнению, «джихад является такой же обязанностью мусульманина, как и ежедневная молитва и пост. Тот, кто уклоняется от этого, является грешником». «Джихад представляет собой часть всеобщей защиты ислама и обозначает борьбу до последней капли крови. Человек, который осуществляет свои физические и духовные усилия или использует свое богатство на пути Аллаха, является вовлеченным в джихад. На языке шариата, – пишет А. Маудуди, – слово “джихад” употребляется для войны, которая ведется во имя Аллаха против тех, кто является врагом ислама. ...Если Исламское государство подвергается атаке со стороны немусульман, в этом случае каждый должен выступить на стороне джихада. В случае нехватки сил для сопротивления, соседние мусульманские государства должны помочь, в этом заключается их религиозный долг. Если же они потерпят неудачу, тогда мусульмане всего мира должны бороться против общего врага. Джихад является такой же обязанностью мусульман, как и ежедневная молитва и пост. Тот, кто уклоняется от этого, является грешником». Маудуди разделял джихад на оборонительный и наступательный, в зависимости от создавшихся условий. Причем он считал, что мусульмане имеют право первыми начать войну против мира джахилии (богословское понятие, обозначающее неверие, отступничество), чтобы предупредить неизбежное нападение противника.

А. Маудуди является основателем умеренного направления в исламе. Он был политическим идеологом, взявшим на воору-

жение западные методы борьбы – организацию партий и партийной пропаганды через прессу и другие СМИ, участие в выборах, агитацию в массах, и считавшим, что особое значение нужно придавать образованию в духе Корана и Сунны, пропаганде исламской доктрины, исключая насильственные средства.

Главным теоретиком радикального направления исламизма и фундаменталистской концепции джихада является С. Кутб. Он призывает к чистоте ислама и борьбе против джахилийи. И Маудуди, и Кутб основывали свои взгляды на идее джихада. Но если Маудуди джихад объявляет как мирное средство борьбы с джахилией, то Кутб призывал объявить джихад против современности, так как все, что наполняет наш мир – ощущения, верования, культура, искусство, литература, законы и пр., – все это джахилийя. Потому и нужно вернуться к основам ислама, его чистоте периода Пророка Мухаммеда. Именно Кутб призывал к созданию массового движения, своеобразного «авангарда», который будет способствовать свержению джахилийи. С. Кутб ссылается на Коран и говорит о разных ступенях джихада. Согласно взглядам Кутба, эволюция концепции «джихад» прошла четыре стадии: удержание мусульманина от «джихада» – дозволение «джихада» – «джихад» как обязанность всех верующих бороться с противниками ислама – «джихад» против всех неверных независимо от их отношения к исламу.

Первые три стадии были всего лишь временными, подготовительными по своему характеру, тогда как итогом четвертого этапа стало обретение концепцией окончательной формы, и именно ей надлежит руководствоваться истинным мусульманам. Определяющими чертами «джихада» С. Кутб объявил его вневременной и наднациональный характер (он не может быть ограничен как рамками какого-либо конкретно-исторического периода, так и национальными или географическими границами), а также его активность и наступательность вследствие универсальности ислама как религии Аллаха, предназначенной для всего мира.

Концепция С. Кутба делит общество на два типа: исламское общество, где признана власть Аллаха, и доисламское язычество, где люди сами творят законы и где нет того самого единовластия. Кутб утверждает, что языческими являются большинство современных обществ, в том числе и те, которые считают себя исламскими, но не живут согласно законам Аллаха. Главный идеолог исламизма вводит понятие «джахилийя», что обозначает вероотступничество, ввергающее в неверие. Ислам и джахилийя – это

абсолютно несовместимые системы, между которыми невозможно какое-либо мирное сосуществование. Восстановить власть Аллаха, а, по мнению Кутба, она утрачивается изо дня в день, можно лишь после того, как силой будет уничтожена джахилийя, а участие в этой борьбе есть обязанность каждого мусульманина.

Согласно теории джихада, весь мир разделен на «область ислама» (дар-ал-ислам) и «область войны» (дар-ал-харб). К первой относятся страны, находящиеся под властью мусульман, ко второй «неверных» правителей. «Область ислама» теоретически всегда должна находиться в состоянии вечной войны с «дар-ал-харб». В своей работе «Война, мир и исламский джихад» Сеид Кутб приводит самые существенные черты движения джихада, характерные для динамичного развития истинной религии. Итак, первая отличительная черта – исламу необходимо выработать адекватные методы противостояния миру джахилийи. Изменению умонастроений и убеждений людей служит исключительно проповедь. Но ислам использует и материальную силу, прибегая к джихаду как средству уничтожения царства невежд и той власти, на которой зиждется джахилийя, ибо вместе они препятствуют исправлению нравов и веры человечества в целом.

Другая черта: ислам, стремясь воплотить в жизнь идеал, не заставляет людей принимать веру насильно, а создает атмосферу свободы, в которой можно воспользоваться правом выбора. Он либо разрушает до основания господствующие политические образования, либо, подчинив их себе, приводит к принятию джихизма. Тем самым он расчищает путь к обретению веры: иначе говоря, дает людям полную свободу выбора – уверовать или нет.

Третья черта исламского джихада, с точки зрения С. Кутба, состоит в том, что ислам (подчинение Богу) – универсальная религия, принятие которой обязательно для всего человечества. Ислам – истинное утверждение свободы человека. «Наша религия тождественна полной и всеобъемлющей революции против людской власти во всех ее проявлениях и разновидностях, включая все виды и типы государственного устройства. Она неуклонно восстает против любой системы, так или иначе основанной на человеческом авторитете, т.е. против любой формы узурпации власти человеком».

В общем, утверждение ислама должно произойти двумя способами – проповедью и силой движения. Исламисты сегодня используют мощные агитационно-пропагандистские методы, самые передовые средства массовой коммуникации, что ежедневно уве-

личивает число последователей исламизма и что превращает радикализированный ислам в мощнейшее сетевое международное движение. Кутб излагал свои взгляды в середине XX столетия, когда мир был разбит на два мировых лагеря: Запад во главе с США и советский лагерь во главе с СССР, и потому идеолог настаивал: для того, чтобы ислам расправил свои крылья и наделил человека свободой, необходимо «устранить с лица Земли тиранические режимы, в чем бы ни заключалась их политическая суть, реализованная в форме расизма или классового разделения внутри одной и той же расы». Целью ислама, по Кутбу, выступает создание новой социально-экономической и политической системы, в которой сможет найти свое практическое воплощение порыв человека к свободе и которая будет способствовать распространению этих принципов по всему миру. Жизнь человека в исламе представляется наивысшей ценностью, но Кутб заявляет, что «мусульманин должен жертвовать на пути Аллаха всей своей жизнью и достоянием ради утверждения идеалов, в которых для него не заключено никакой личной выгоды или корысти. Выбрав джихад и выйдя на поле брани, мусульманин уже оказывается победителем в великой схватке, составляющей суть джихада». Итак, в основе взглядов Сейида Кутба лежит гипотеза о том, что джихад для ислама – это естественная необходимость.

Последователи Кутба (в том числе еще больше радикализировавший его взгляды египтянин Абд ас-Салам Фараг, который подчеркивал, что ислам распространялся мечом, показывал, что джихад в исламе не был оборонительным, объявил джихад шестым столпом ислама; казнен в 1982 г.) старательно реализовывали его предписания. Только в арабских странах от Марокко до Саудовской Аравии в 70–80-е годы действовали, устраивая взрывы, покушения, захваты, 145 исламских неправительственных религиозно-политических организаций, в основном придерживающихся фундаменталистской ориентации. К таковым можно отнести основное течение «Братьев-мусульман», тунисскую организацию «Ан-Нахда», пакистанскую «Джамаат-и ислами», афганскую «Джамиат-и ислами», Исламскую партию возрождения в СССР и др.

Очевидно влияние Сейида Кутба на лидера «Аль-Каиды» Усаму бен Ладена: отрицание любых светских идеологий; убежденность в том, что светские принципы не могут и не должны распространяться на мусульманское общество; представление о неутрачивающей вселенской борьбе добра со злом, которая обуслав-

ливает необходимость ведения неограниченного джихада. Бен Ладен подхватил идею и о всемирном христиано-иудеосионистском заговоре с целью уничтожения ислама. Лидер «Аль-Каиды» оперирует конструкциями «христиане-крестоносцы» и «евреиссионисты», что отражает его неприятие глобализации и существования Государства Израиль, изгнавшего мусульман-палестинцев с их исконных земель. Как и Кутб, глава «Аль-Каиды» оправдывает насилие необходимостью построить справедливое общество. В соответствии с его представлениями, одних убеждений и проповедей недостаточно. «Установление того, что правильно, и запрет того, что неправильно», неизбежно вызывают необходимость взяться за оружие, чтобы достичь обозначенной цели.

Более того, концепт мученичества, кстати, также свойственный идеям С. Кутба, занимает важнейшее место в доктрине Усамы бен Ладена: «В загробном мире всем посвятившим себя джихаду уготовано особое место»; «Погибнуть во имя дела Божьего – величайшая честь, которой удостоится только те, кто составляет цвет нации».

Наиболее ясная разработка модели этого нового мирового джихада представлена в книге Аймана аз-Завахири «Рыцари под знаменем Пророка». В ней аз-Завахири объявляет, что новый джихад является борьбой между исламом и враждебными мировыми силами: западными державами и Россией, использующими «набор средств», включая:

- Организацию Объединенных Наций;
- дружественных правителей мусульманских народов;
- транснациональные корпорации;
- международные коммуникации и системы данных;
- международные информационные агентства и спутниковые информационные каналы;
- международные организации помощи, которые используются как прикрытие для шпионажа, прозелитизма, подготовки переворотов и перевозки оружия.

Сегодня труды Маудуди, Кутба, аль-Банни – основа радикальной исламской мысли. Они составляют исламистскую идеологию, разделяемую многими религиозно-политическими партиями и группировками. За них голосуют в среднем от 15 до 50 и более процентов избирателей в мусульманских странах. Исламисты заедают в парламентах, занимают посты в правительствах, выходят на улицы, устраивают демонстрации. Тактика исламистов внутри

мусульманского мира разнообразна и охватывает все стороны жизни. В Египте, Иордании, Марокко, Пакистане, Турции исламисты участвуют в работе профсоюзов, принимают активное участие в студенческой общественной жизни, порой даже выступают на сцене самодеятельных театров. В Пакистане они контролируют всю систему образования – от начального до высшего. Большинство лечебных заведений на окраинах Каира в Египте гласно или негласно патронируются исламскими организациями. Идеология исламизма распространена во всех слоях и группах общества. Последователи исламизма, конечно же, составляют меньшинство. Но это меньшинство постепенно растет: «И один процент радикалов от миллиарда – уже много».

На политическом пространстве мусульманских стран действуют огромное количество небольших исламистских группировок и огромных по числу своих последователей и сочувствующих экстремистских организаций. К ряду наиболее радикальных относятся «Аль-Каида», «Хамас», Исламский джихад, «Хизболла» (Ливан), Аль-Гамаа аль исламийя (Египет). Первые три – международные террористические организации, действующие на основании собственных политико-идеологических проектов и являющиеся сетевыми экстремистскими структурами. Последние являются постоянно действующими акторами в мировом политическом процессе, хоть и имеют четкую территориальную принадлежность к какой-либо стране. Основными целями этих организаций служат: постоянная дестабилизация мусульманских государств; террор, запугивающий гражданское население всего мира; разжигание локальных конфликтов, вовлечение в них как можно большего числа людей, группировок и движений; постоянное стремление к обретению оружия массового поражения. Но при всем при этом, «большинство организаций, входящих в списки “террористических”, занимаются также мирной социальной деятельностью».

Итак, в настоящее время идеологией, пронизывающей ислам как религию и эффективно действующей в политической сфере, является исламизм. Данная идеология – политический ислам, являющийся попыткой поиска альтернативной западному глобализму стратегии выживания исламского общества, которую, считают радикальные мусульмане, они могут реализовать посредством экстремистских методов. В современном мире исламизм и как следствие – сокрушительный терроризм являются одним из определяющих векторов в международной политике. Сегодня исламизм уже представляет собой целостную доктрину, имеющую

теоретические и исторические основания, адекватные для мусульманского общества цели и задачи, разветвленную институциональную структуру, значительное число последователей, а это позволяет назвать исламизм «активной и глобальной идеологией».

В настоящей статье мы не претендуем на раскрытие теоретических основ, влияющих на становление и распространение исламистской идеологии. Мы лишь хотим показать, что события в мире подтверждают, что исламский радикализм реально воздействует на политический процесс и серьезно дестабилизирует мировую политическую ситуацию. Современный подъем исламизма – это не только форма социального протеста, но и попытка мусульманского общества отстоять свою самобытность. Надо отчетливо понимать, что обращение мусульман к своей традиционной культуре в поисках духовной опоры, стремление отстоять свою самобытность и свои многоплановые интересы обусловлены глубокими структурными изменениями в социально-политической и культурной жизни современного мира.

«Мир и политика», М., 2011 г., № 6, с. 55–62.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2012 –3(237)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректоры М.П. Крыжановская, О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 19/III-2012 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 12,25 Уч.-изд. л. 11,5
Тираж 500 экз. Заказ № 42

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
42(02)

